

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

МАЙ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Къ исторіи первыхъ людей. Первоначальное состояніе человека и его грѣхопаденіе . . . . . Священ. Гр. Дьяченко.

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея Священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета . . . . . В. Надлера.

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Біографическій очеркъ (продолженіе) . . . . . Священ. Т. Буткевича.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Нужна-ли философія? (продолженіе) Профессора Московской духовной академіи . . . . . В. Кудрявцева.

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе) . . . . . И. Корсунскаго.

Письма философа Сенеки (продолженіе). . . . . * * *

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Высочайшій манифестъ.—Опредѣленіе Святейшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Правленія Ахтырскаго духовнаго училища.—Краткая вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода за 1-ю треть 1884 года.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ Вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ релігіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Табѣ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія Правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ приобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Іюня 1 дня 1884 года. Г. Харьковъ.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

КЪ ИСТОРИИ ПЕРВЫХЪ ЛЮДЕЙ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СОСТОЯНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ЕГО ГРѢХОПАДЕНІЕ.

Христіанство есть ученіе о спасеніи рода человѣческаго отъ грѣха и его гибельныхъ слѣдствій искупительною смертію Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа. Но кто, слѣдуя моднымъ историческимъ теоріямъ анти-религіознаго направленія, отвергаетъ фактъ грѣхопаденія въ родѣ человѣческомъ, кто въ первобытной жизни людей видитъ не святое блаженное состояніе прародителей нашихъ, украшенныхъ образомъ и подобіемъ Божиимъ, надѣленныхъ высокими преимуществами духа—разумомъ и свободою и поставленныхъ царями на землѣ, а состояніе религіозно-нравственной дикости, младенческаго невѣжественнаго варварства, тотъ не видитъ и необходимости спасенія рода человѣческаго отъ грѣха и побужденій со стороны Бога къ приготовленію его для принятія христіанства, черезъ которое онъ не только возвращается къ первобытной святости, но и возводится еще на высшую степень совершенства въ будущей загробной жизни. Поэтому напомнить факты первобытнаго невиннаго состоянія и затѣмъ грѣхопаденія первыхъ людей и рассмотреть главнѣйшія возраженія невѣрія противъ нихъ, будетъ, вѣроятно, не излишнимъ въ виду распространяющагося въ настоящее время духа сомнѣнія и отрицанія въ дѣлахъ вѣры и нравственности.

ГЛАВА I.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СОСТОЯНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Изъ первой книги Библии мы узнаемъ, что Богъ создалъ человѣка по образу и подобію своему: „И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ. И благослови ихъ Богъ глаголя: раститесь и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ей, и обладайте рыбами морскими, и звѣрьми, и птицами небесными, и всеми скотами, и всюю землею, и всеми гадами, пресмыкающимися по землѣ. И рече Богъ: се дахъ вамъ всякую траву съемную, сплющую стѣмя, елиже есть верху земли вся и всякое древо, елиже имать въ себѣ плодъ стѣмене стѣменнаго, вамъ будетъ въ пищу“ (Быт. 1, 27—29).

Созданіе человѣка по образу и подобію Божію и сохраненіе этого образа и подобія во всей ихъ чистотѣ есть самое главное преимущество сотвореннаго человѣка и самая высокая черта въ его первобытномъ существованіи. Всѣ остальные его преимущества сравнительно съ прочими тварями и всѣ высокіе дары, какими онъ осыпанъ своимъ Творцомъ, суть слѣдствія отображенія въ человѣкѣ образа и подобія Божія. Такъ, если возьмемъ то преимущество первосозданнаго человѣка, въ силу котораго онъ поставленъ господиномъ всей земли, то изъ бытописанія мы узнаемъ, что владычество человѣка надъ видимою тварью есть слѣдствіе отображенія въ человѣкѣ образа Бога, Который есть Царь и Господь не только видимой природы, но и всей вселенной, міра видимаго и невидимаго. Уже на основаніи того, что разсказъ о поставленіи человѣка господиномъ земли слѣдуетъ непосредственно за библейскимъ повѣствованіемъ о созданіи человѣка по образу и подобію Божію, мы можемъ смотрѣть на первое, какъ на слѣдствіе втораго; а окончательно убѣждаемся въ этомъ изъ писаній отцевъ и учителей Церкви, именно такъ, а не иначе понимавшихъ это библейское сказаніе. Такъ нашъ знаменитый истолкователь Св. Писанія, приспомятныи митрополитъ Филаретъ, согласно съ разумѣніемъ св. Златоуста и блаженнаго Теодорита, говоритъ объ этой чертѣ образа Бо-

жія въ человѣкѣ такъ: „Богъ есть Владыка всего: и человѣкъ поставленъ владыкою видимаго міра. Человѣкъ украшается образомъ Божиимъ для того, что видимыя твари созданы для него, а онъ для Бога: ибо ни что не можетъ быть такъ любезно Высочайшему Существу, какъ образъ высочайшаго совершенства Его; и не можетъ быть большаго полномочія для обладанія тварями, какъ образъ Творца“ *).

Возьмемъ-ли такія высокія преимущества человека предъ всѣми прочими созданіями земли, какъ духовность его души, бессмертіе ея, свободную волю, какъ способность къ самопроизвольному опредѣленію себя къ добру или злу, сердце его, источникъ святой любви и чистыхъ наслажденій, разумность ея, высокій даръ слова и другія высокія стороны его духовной природы—и мы сразу замѣтимъ, что они суть не что иное, какъ слабое отображеніе всесовершеннѣйшихъ свойствъ Высочайшаго Существа. Такъ, духовность души человека, созданнаго по образу Божию, отображаетъ въ себѣ духовность чистѣйшаго Духа, Бога; бессмертіе ея—вѣчность Божию; свобода человеческой воли—безконечную свободу и независимость всесовершеннѣйшаго Существа; сердце человеческое, какъ органъ чувства—безпредѣльную любовь Божию; ограниченный разумъ человека служитъ отображеніемъ всесовершеннѣйшаго разума Божія; наконецъ, даръ слова, при помощи котораго человѣкъ выражаетъ свои мысли, указываетъ собою на *Упостасное Слово* въ Его отношеніи къ Богу Отцу. „Сынъ называется *Словомъ* потому, что Онъ такъ относится къ Отцу, какъ слово къ уму; не только по безстрастному рожденію, но и по соединенію съ Отцомъ, и потому что Онъ являетъ Его“,—учитъ св. Григорій Богословъ.

Обратимъ-ли, далѣе, вниманіе на блаженное райское состояніе первыхъ людей до ихъ грѣхопаденія, чуждое всякой болѣзни и смерти, на ихъ невинность и святость, на ихъ совершенство, и мы неизбежно придемъ къ тому выводу, что все это есть слѣдствіе образа и подобія Божія, по которому они были созданы.

Такъ какъ Богъ есть источникъ всякаго блаженства и Самъ

*) Записки на книгу Бытія, изд. 2, стр. 36—37.

по Себѣ есть Существо всеблаженное и вседовольное, то и духовно-тѣлесное существо человѣка, созданное по образу Божію, предназначено было къ возможному для него блаженству, которое, какъ и блаженство Бога, должно быть по творческой мысли, непрерываемо и не наруσιμο ничѣмъ—болѣзнями, лишеніями, скорбями и смертію и должно было по тому-же творческому плану продолжаться вѣчно.

И вотъ, по созданіи человѣка, Богъ вводитъ его въ прекрасный садъ, называемый раемъ, гдѣ все необходимое для жизни и блаженства человѣка было въ изобиліи; для того, чтобы тѣло человѣка, созданное изъ земли и само по себѣ способное къ разрушенію, не испытывало болѣзней и смерти, премудрый и всеблагій Богъ насаждаетъ особое древо подъ именемъ древа жизни, плодамъ котораго сообщаетъ чудесную силу—предохранять тѣло человѣка отъ болѣзней и смерти, поддерживать и возрождать въ немъ постоянную юность и свѣжесть органическихъ силъ.

Будучи Самъ святымъ и виновникомъ всякой святости, Господь и человѣка создалъ святымъ. Онъ былъ созданъ правымъ (Римлянамъ. 7 30), *въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4. 23).

Невинная душа первыхъ людей не знала, что такое грѣхъ и не испытывала мучительныхъ состояній совѣсти и раздвоенія въ душѣ; все ихъ существо было направлено къ Богу и въ Немъ одномъ они видѣли свое блаженство. Но святость первыхъ людей не была безусловна, какъ святость создавшаго ихъ Бога. Они получили этотъ даръ святости отъ Бога, а не достигли его путемъ собственныхъ усилій; поэтому они и не могли цѣнить его надлежащимъ образомъ; имъ нужно было заслужить этотъ высокій даръ, чтобы достигнуть такого состоянія, при которомъ для нихъ сдѣлалось-бы невозможнымъ измѣнить святости и истинѣ какъ вслѣдствіе сознанія ихъ великаго для нихъ значенія, такъ и вслѣдствіе нравственной привычки, которая-бы окончательно укрѣпила ихъ въ добрѣ.

Будучи всесовершеннѣйшимъ существомъ, Господь Богъ и человѣка создалъ совершеннымъ въ своемъ родѣ и чинѣ, какъ существо, поставленное Имъ на границѣ духовнаго и чувственнаго міра. Это совершенство природы первобытнаго че-

ловѣка заключалось въ чистотѣ и свѣжести силъ его, въ гармоническомъ соотношеніи между его физической и духовной природой, въ постоянномъ обращеніи къ Богу, какъ къ своему началу, въ легкомъ, быстромъ и безошибочномъ способѣ приобрѣтенія познаній, исключавшемъ трудный, медленный и подверженный ошибкамъ путь знанія, доставшійся въ удѣлъ человѣку по его паденіи съ разстроенными и ослабленными грѣхомъ духовными силами. Но библейское воззрѣніе на совершенство первобытнаго человѣка отнюдь не такого рода, чтобы оно считало это совершенство идеаломъ, дальше котораго идти нельзя. Такое воззрѣніе противорѣчило-бы понятію объ историческомъ развитіи разумно-нравственной жизни человѣка. И въ Библии можно находить ясныя доказательства того, что созданный человѣкъ, при всемъ совершенствѣ своего первобытнаго невиннаго состоянія, не считается достигшимъ такого совершенства, которое бы исключало дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе его существа. Такъ, введя въ рай сотвореннаго человѣка, Господь даетъ ему заповѣдь о воздѣлываніи и храненіи рая, чрезъ что, безъ сомнѣнія, онъ развивалъ бы свои духовныя и физическія силы; далѣе, даетъ ему заповѣдь о невкушеніи плодовъ отъ древа познанія добра и зла для развитія его нравственныхъ силъ, его свободной воли, которая, чрезъ упражненіе въ исполненіи заповѣди Божіей, могла-бы достигнуть постепенно такой степени совершенства, при которой для нея сдѣлалось-бы невозможнымъ уклоненіе отъ Бога; далѣе, уже одно то, что человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію, показываетъ, что высокія дарованія, которыя онъ получилъ въ образѣ Божіемъ, онъ можетъ какъ уподоблять Богу, постоянно обращая ихъ къ нему, какъ къ своему Первообразу, такъ, при своей свободѣ, можетъ устремлять ихъ и въ противоположную сторону къ себѣ и къ міру и лишиться этого подобія Божія; наконецъ, и въ Новомъ Завѣтѣ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ и апостолы учили о необходимости для христіанина, этого возсозданнаго и доведеннаго до состоянія невинности первыхъ людей человѣка, — достигать святости и совершенства, подобныхъ святости и совершенству Отца небеснаго. „Будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ

небесный совершенъ есть“ (Мѡ. 5, 48). „Позвавшему вы Святому, пишетъ ап. Петръ, и сами святы во всемъ житіи будите“ (Петр. 1. 15). Раскрывая тайну спасенія рода человѣческаго чрезъ Иисуса Христа, ап. Павелъ говоритъ: „избра насъ о Немъ прежде сложенія міра, быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви“ (Еф. 1, 14). Таково было состояніе нашихъ прародителей до ихъ грѣхопаденія, чрезъ которое искажился и помрачился въ нихъ образъ Божій. Пораженный дивнымъ устройствомъ человѣческой природы, царь и пророкъ Давидъ восклицаетъ: „Славолю Тебя потому, что я дивно устроенъ“. (Пс. 138, 14).

Для какой-же цѣли созданъ человѣкъ, такъ богато осыпанный дарами премудраго и всеблагаго Бога? Какое его предназначеніе?

По ученію Св. Писанія, отцовъ и учителей Церкви, конечная цѣль сотворенія человѣка заключается въ славѣ Божіей, въ томъ, чтобы онъ отражалъ въ себѣ славу своего Творца. „Все сотворилъ Господь Себе ради“ (Притч. 16, 4). „Царіе земстѣи и вси людіе, князи и вси судіи земстѣи; юноши и дѣвы, старцы съ юнотами, да восхвалятъ имя Господне: яко вознесетъ имя Того единого: исповѣданіе Его на земли и на небеси“ (Пс. 148). „Положихъ есть око Свое на сердцахъ ихъ (людей), показати имъ величество дѣлъ Своихъ: да имя Святѣиши Его восхвалятъ, и да повѣдаютъ величество дѣлъ Его“. (Сир. 27, 7). И въ Новомъ Заветѣ Спаситель и апостолы раскрываютъ эту истину. Такъ въ молитвѣ Господней, которая есть образецъ всякой молитвы для всѣхъ временъ и народовъ, Иисусъ Христосъ научаетъ насъ молиться къ Отцу небесному о томъ, чтобы святилось во всемъ мірѣ имя Его, чтобы скорѣе наступило царство Его, царство благодати и славы. Научая чрезъ апостоловъ людей поставлять главною цѣлію всѣхъ дѣлъ славу Божію, Господь Иисусъ Христосъ говоритъ: „Тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ“ (Мѡ. 5, 16). Величайшее промыслительное дѣйствіе Бога, имѣвшее цѣлію возстановить и спасти падшаго человѣка, совершено Сыномъ Божіимъ для славы Бога Отца. Предъ самымъ наступленіемъ своихъ искупительныхъ

за родъ человѣческой страданій, созерцая ихъ какъ-бы уже совершившимися, Иисусъ Христосъ говоритъ: „Отче, прииде часъ: прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя. Азъ прославихъ Тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю“ (Іоан. 27, 4). Изъ отцевъ Церкви прекрасно выясняютъ мысль о созданіи человѣка для славы Божіей св. Григорій Богословъ и св. Златоустъ. Первый говоритъ: „надлежало, чтобы поклоненіе Богу не ограничивалось одними горни-ми, но были и долу нѣкоторые поклонники, и все исполнилось славы Божіей: для сего создается человѣкъ, почтенный руко-твореніемъ и образомъ Божіимъ“ *). Св. Златоустъ ту-же мысль выражаетъ еще опредѣленнѣе: „Богъ далъ намъ зрѣніе, уста и слухъ для того, чтобы всѣ члены наши служили Ему, что-бы мы и говорили угодное Ему и дѣлали, Ему воспѣвали не-престанныя пѣсни, Ему возсылали благодаренія“. **)

Итакъ, несомнѣнно, что человѣкъ созданъ для прославленія своего Творца. И человѣкъ только тогда будетъ осуществ-лять цѣль своего бытія, когда будетъ прославлять создавшаго его Бога. Но когда онъ будетъ прославлять Его?

Во-первыхъ тогда, когда онъ будетъ стремиться къ своему Творцу и Первообразу всѣми силами своей природы, т. е. умомъ познавать Его, словомъ приносить Ему хвалы и благо-даренія, сердцемъ любить Его, волею осуществлять тѣ дѣла, которыя служатъ къ прославленію Его. (Сир. 27, 6 — 10; Лев. 11, 44; 19, 2; 20, 7; Мѡ. 5, 16; 1 Кор. 6, 20; 10, 30). Познавая Бога умомъ, человѣкъ изумлялся-бы проявленію Его премудрости и всемогущества и чрезъ то приводился къ же-ланію прославлять Его; любя Его сердцемъ за чудные дары, которыми онъ осыпанъ, онъ научился-бы благодарить Его; исполняя святую волю Творца, человѣкъ не только словами и сердцемъ, но и всею своею жизнію прославлялъ-бы, любилъ и благодарилъ Его.

Во-вторыхъ, тогда, когда всѣ силы своего существа онъ бу-детъ развивать до возможнаго для нихъ совершенства и бого-подобія. (Мѡ. 5, 48). Въ природѣ человѣка Творцомъ его за-

*) Твореніе св. отцевъ III, 262 стр.

***) Песѣды на Ев. Мѡ. стр. 33.

лючено такое богатство духовныхъ и физическихъ силъ, при помощи которыхъ для него дѣлается возможнымъ необозримое поле развитія и совершенствованія. Какое громадное различіе существовать между человѣчествомъ нынѣшняго XIX столѣтія и тѣмъ, которое существовало въ первыя тысячелѣтія отъ сотворенія міра? Какъ много періодовъ развитія между поколѣніями человѣческаго рода открыла нынѣшняя наука? И въ правѣ-ли кто-либо предсказать и точно опредѣлить предѣлъ, дальше котораго не должно идти развитіе человѣчества? Если этого предѣла трудно или, лучше сказать, невозможно назначить для грѣшнаго человѣка, котораго духовныя способности въ сильной степени были повреждены грѣхомъ, то что сказать о первобытномъ состояніи святаго невиннаго человѣка съ богатствомъ святыхъ и чистыхъ силъ, не ослабленныхъ и не задерживаемыхъ грѣхомъ? Какая блестящая будущность предстояла-бы ему на этомъ пути безпредѣльнаго усовершенствованія человѣческой природы, на этомъ постоянномъ святомъ стремленіи къ своему Первообразу?

Въ-третихъ, созданный Богомъ человѣкъ, исполняя свое предназначеніе—прославлять Бога, вмѣстѣ съ тѣмъ достигалъ бы и высшаго блаженства (Мѡ. 5, 16; 1 Тим. 4, 8; Еф. 2, 10). Духовно-физическое существо человѣка, получающее жизнь и блаженство отъ Бога, тѣмъ счастливѣе, чѣмъ ближе стоитъ къ Богу, Источнику своей жизни, тѣмъ блаженнѣе, чѣмъ сильнѣе стремится къ Богу, Источнику всякаго блаженства и радости. „Благій Богъ сотворилъ насъ не для того, чтобы наказывать, но чтобы мы были участниками Его благодати“, говоритъ Іоаннъ Дамаскинъ *). Можетъ-ли всеблагій Богъ, который есть всесовершеннѣйшая любовь, быть виновникомъ болѣзни и смерти, какъ зла физическаго, которое не только уменьшаетъ блаженство человѣка, но и дѣлаетъ его въ концѣ концовъ невозможнымъ, прекращая самую жизнь человѣка? Если-бы человѣкъ не согрѣшилъ, то онъ не звалъ-бы не только смерти, но и никакого разстройста въ своемъ здоровьѣ, никакихъ немощей и болѣзней.

И дѣйствительно, первобытнымъ людямъ и чрезъ нихъ все-

*) Точное изложеніе православной вѣры, кн. 11 глав. 29.

му роду человѣческому, не были предназначены Творцомъ болѣзни и смерть. Мы уже сказали, что для устраненія ихъ Господь даровалъ нашимъ прародителямъ плоды древа жизни, вкушеніе которыхъ дѣлало ихъ безболѣзненными и бессмертными по тѣлу (Быт. 3, 22). Болѣзненные расстройства въ организмѣ и самая смерть представляется въ словѣ Божіемъ непосредственнымъ слѣдствіемъ грѣха, какъ нарушеніе заповѣди Божіей: смерть послѣдуетъ тотчасъ за нарушеніемъ заповѣди: „въ онъже аще день съѣсте отъ него, смертію умрете“ (Быт. 2, 27 см. Рим. 5). Но вмѣстѣ съ этимъ прямой смыслъ заповѣди Божіей даетъ полное право заключить, что если-бы не было со стороны нашихъ прародителей нарушенія ея, не было-бы, безъ сомнѣнія, и наказанія, назначеннаго за преступленіе ея. А такъ какъ, далѣе, человѣкъ имѣлъ возможность и не согрѣшить, то, слѣдовательно, онъ имѣлъ возможность вмѣстѣ съ тѣмъ и не умирать, оставаясь бессмертнымъ и по тѣлу.

И для естественнаго непредубѣжденнаго разума не представляется никакой трудности признать человѣка и по тѣлу бессмертнымъ, если предположить безгрѣшное развитіе его духовно-тѣлеснаго существа.

Что такое тѣло по отношенію къ духу? Послушное орудіе его проявленія во внѣшнемъ мірѣ, тотъ подчиненный духу человѣка органъ, чрезъ который онъ вступаетъ въ непосредственное отношеніе съ матеріальнымъ міромъ. Можно-ли теперь предположить, чтобы Богъ, создавъ человѣка, какъ посредника между духомъ и матеріею, и назначивъ человѣку для совершенія этого посредства тѣло, впоследствии времени лишилъ его, безъ его вины, столь необходимаго для него органа, или точнѣе, нарушилъ-бы чрезъ смерть тѣсный союзъ между душою и тѣломъ, союзъ Имъ Самимъ установленный вначалѣ? Если же случился такой разрывъ, то онъ произошелъ, конечно, не по волѣ всеблагаго и неизмѣннаго въ своихъ опредѣленіяхъ Бога, но по винѣ человѣка, который, злоупотребивъ своею свободою, нарушилъ тѣмъ свои нормальныя отношенія къ своему Творцу и чрезъ это лишился той силы, которая дѣлала возможнымъ нормальное его существованіе.

Какъ растеніе, лишенное живительнаго солнечнаго свѣта,

погибаетъ и именно вслѣдствіе того, что между имъ и солнцемъ прервана живая и тѣсная связь, такъ и человѣкъ, прервавъ союзъ свой съ Богомъ, Источникомъ всей его духовно-физической жизни, долженъ былъ погибнуть, т. е. сначала разрушить въ себѣ гармонію духовно-тѣлесной природы, испытать смерть физическую, а потомъ умереть и духовною смертію, что и случилось-бы, если-бы милосердный Богъ не восхотѣлъ спасти его чрезъ возвращеніе его опять къ Себѣ, въ царство Своего божественнаго свѣта и вѣчной жизни. Это—одна сторона дѣла: т. е. мы потому уже должны допустить возможность безсмертія человѣка и по тѣлу, что тѣло для человѣка не есть ничто лишнее, преходящее, но постоянное и необходимое свойство его человѣческой природы, созданной по творческому плану изъ двухъ природъ — безжизненной матеріи и оживотворяющей ее души, непосредственнаго дыханія Божія. Но всматриваясь глубже въ природу духа и тѣла и замѣчая взаимныя отношенія между ними, мы находимъ и другое основаніе, указываемое и принимаемое здравымъ разумомъ, основаніе безсмертія человѣка не только по духу, но и по тѣлу, вытекающее изъ вліянія духа на тѣло. Душа человѣка, какъ созданная непосредственнымъ дыханіемъ Божиимъ и притомъ по образу и подобію Божію, бессмертна, подобна тому, какъ Богъ не только бессмертенъ, но и вѣченъ; тѣло-же человѣка, созданное изъ землянаго праха, вещественно и безжизненно. Что вызвало это вещественное и безжизненное тѣло къ бытію? Вдуновеніе Богомъ во внутрь тѣла души животворящей, которая внутреннѣйшимъ и существеннѣйшимъ образомъ проникаетъ и оживляетъ собою все тѣло, и вотъ, лишь только установленъ Богомъ этотъ тѣсный союзъ между тѣломъ и духомъ—является живой духовно-тѣлесный человѣкъ. Теперь посмотримъ далѣе. Допустимъ, что человѣкъ никогда не согрѣшилъ-бы. Въ какомъ отношеніи былъ бы духъ его къ тѣлу?

Получая помощь Божественной благодати, идя въ своей дѣятельности постоянно по правильному пути — по направленію къ Богу, Источнику всякой духовной жизни, духъ человѣческой постепенно развивался-бы и совершенствовался и, нако-

нецъ, достигъ-бы той степени совершенства, которая назначена крайнимъ предѣломъ для него, какъ духовно-тѣлеснаго существа извѣстнаго чина въ ряду другихъ существъ міра. Достигнувъ этого высшаго пункта своего развитія, онъ приобрѣлъ-бы такія качества, какихъ не имѣлъ при своемъ созданіи. Его вѣдѣніе было-бы неизмѣримо и обширнѣе и полнѣе теперь, нежели прежде, его воля была-бы способна къ такимъ желаніямъ и дѣйствіямъ, о которыхъ человѣкъ въ раннемъ возрастѣ и не думалъ; его сердце пылало-бы такою пламенною любовію къ своему Творцу, что уподоблялась любви херувимовъ и серафимовъ; его тѣло было-бы послушнымъ орудіемъ духа. Была-ли-бы достаточна для такого развитаго духа та тѣлесная оболочка, въ которой онъ созналъ себя человѣкомъ въ первыя минуты своего созданія? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Орудіе должно вполнѣ соответствовать той цѣли, для которой оно создано; тѣло человѣка должно вполнѣ отвѣчать силамъ и потребностямъ духа; потому слѣдуетъ полагать, что вмѣстѣ съ усовершеніемъ духа развивалось-бы и тѣло и было-бы вполнѣ пригоднымъ орудіемъ для выраженія потребностей духа, если-бы грѣхъ не прервалъ нормальнаго развитія человѣческой природы. Поэтому ученіе христіанской религіи о прославленномъ тѣлѣ, которое душа каждаго человѣка получитъ послѣ всеобщаго суда и воскресенія изъ мертвыхъ, когда сила грѣха окончательно будетъ уничтожена, отвѣчаетъ всѣмъ запросамъ разума, желающаго видѣть полное соответствіе между духомъ и тѣломъ, полное принаровленіе тѣла какъ чувственнаго органа къ духу, который, вслѣдствіе искущительныхъ заслугъ Сына Божія, усвоенныхъ имъ (конечно, если только они усвоены имъ), опять достигаетъ не только прерванной грѣхомъ первобытной святости, но даже еще большаго совершенства. Христіанская Церковь учитъ, что послѣ всеобщаго воскресенія изъ мертвыхъ человѣческія тѣла получать иныя, болѣе совершенныя свойства, нежели какія имѣли они въ своемъ земномъ грѣховномъ существованіи, что они сдѣлаются тѣлами прославленными, образецъ которыхъ мы можемъ видѣть въ прославленномъ тѣлѣ Іисуса Христа по Его воскресенію изъ мертвыхъ. Его прославленное тѣло не нуждалось ни въ пищѣ, ни

въ питѣ, ни въ одеждѣ; оно не ограничивалось ни пространствомъ, ни временемъ; оно мгновенно по волѣ духа переносится на желаемыя пространства и не встрѣчаетъ на своемъ пути матеріальныхъ преградъ; оно не было матеріально и грубо, напротивъ, было легко, духовно, невидимо, хотя опять, по желанію духа, могло принимать такой видъ, при которомъ оно было видимо и доступно осязанію. А такое совершенное тѣло, по ученію христіанской религіи и філософіи, достается въ удѣлъ человѣку послѣ его смерти, или точнѣе, послѣ всеобщаго суда и воскресенія изъ мертвыхъ и притомъ не одинаковое для всѣхъ, но различное по совершенству, смотря по степени святости душъ (см. 1 Кор. 15). Но даже и въ здѣшней жизни Господь являетъ иногда на тѣхъ или другихъ святыхъ людяхъ примѣры того, какъ наше земное тѣло можетъ измѣняться и усовершенствоваться сообразно съ высокою святости того или другаго угодника Божія. Довольно припомнить здѣсь жизнь Св. Маріи Египетской, которая изъ великой грѣшницы при помощи Божіей достигла высочайшей степени святости и вмѣстѣ съ тѣмъ изумительнаго совершенства своей духовно-тѣлесной природы. Такъ, она могла предсказывать будущее и называть по имени человѣка, котораго въ первый разъ встрѣчала; могла долгое время оставаться безъ пищи; сотворивъ крестное знаменіе могла ходить по водамъ Іордана, переходить въ нѣсколько часовъ то пространство, на которое преподобный старецъ Зосима употреблялъ до 20 дней и даже во время молитвы, какъ такого состоянія, во время котораго душа человѣка вступаетъ въ ближайшее общеніе съ Богомъ,—отрѣпаться отъ земли и держаться на воздухѣ. Не напрасно наша св. Церковь, какъ мудрая воспитательница христіанъ, воспоминаетъ на 5-й недѣлѣ великаго поста житіе Св. Маріи Египетской и торжественно предлагаетъ главнѣйшія изъ него событія религіозному сознанію христіанъ, чтобы напомнить имъ, до какой святости и совершенства можетъ достигнуть человѣкъ путемъ покаянія, молитвы, непрестанныхъ подвиговъ христіанской жизни и помощи Божіей.

Если бы Адамъ не согрѣшилъ, если-бы духъ его путемъ постоянной вѣрности Богу, продолжительнаго развитія достигъ

высшей степени совершенства, то вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣло его, какъ матеріальная оболочка его духа, развивалась и усовершенствовывалась-бы, пока не достигла-бы положеннаго ей Творцомъ предѣла совершенства. И это совершенство тѣла происходило-бы подѣ непосредственнымъ вліяніемъ на него духа, который, вслѣдствіе сообщенныхъ ему при его созданіи силъ, постепенно преобразовывалъ-бы свое тѣло соотвѣтственно новымъ своимъ потребностямъ и стремленіямъ и мало по малу устроилъ-бы для себя высшую тѣлесную организацію—духовное тѣло. Самый духъ его не былъ-бы только *душею живущею*, по сдѣлался-бы *духомъ животоворящимъ* (1 Кор. 15, 44—46), каковой степени совершенства онъ и достигъ во второмъ Адамѣ, Иисусѣ Христѣ (1 Кор. 16, 45). И если-бы не произошло въ жизни первыхъ людей такого печальнаго событія, какъ грѣхопаденіе, то они бы и не знали, что значить смерть, и непосредственно чрезъ земную жизнь перешли-бы къ небесной, духовной, гдѣ и достигли-бы высшей организаціи своего духовно-тѣлеснаго существа. Тамъ, въ непосредственной близости къ Богу, они-бы нашли такое блаженство, о которомъ въ настоящее время мы едва-ли можемъ составить себѣ даже приблизительное понятіе. Величайшая, ничѣмъ невозмутимая радость отъ близости къ Богу, какъ Источнику всякой жизни и радости, безконечное развитіе всѣхъ духовныхъ способностей, почерпающихъ неизъяснимый источникъ блаженства отъ познанія Божества, которое мы будемъ созерцать тогда не какъ бы чрезъ тусклое стекло, какъ теперь, но прямо, лицомъ къ лицу, живое общеніе со всѣми святыми ангелами и душами праведныхъ людей, вѣчная блаженная жизнь въ раю, ничѣмъ не прерываемая и невозмущаемая, гдѣ Богъ угождаетъ любящимъ Его то, чего ухо не слышало, и око не видѣло и что не приходило на сердце человѣку (1 Кор. 2, 9), и чего даже на бѣдномъ языкѣ человѣческомъ пересказать нельзя (2 Кор. 12, 4),— вотъ самыя общія черты, которыми въ словѣ Божіемъ описано будущее блаженство праведныхъ.

Теперь мы достигаемъ этого блаженства при усвоеніи испу-пительныхъ заслугъ Сына Божія, путемъ земной жизни, усѣян-ной болѣзнями, страданіями, скорбями, всякаго рода несчастія-

ми, всевозможными потерями и лишеніями и, наконецъ, смертію, въ которой происходитъ насильственный разрывъ души съ тѣломъ, котораго рѣдкій христіанинъ въ состояніи не страшиться, не смотря на то, что онъ имѣетъ всѣ причины смѣло встрѣчать смерть, всѣ средства противъ страха смерти. Для первыхъ-же людей, если-бы они не согрѣшили, и для всего рода человѣческаго, если-бы онъ имѣлъ безгрѣшныхъ прародителей, этого тяжелаго и болѣзненнаго пути, оканчивающагося смертію, не могло бы существовать. Они отъ земной жизни прямо переходили-бы къ жизни небесной, какъ самой высшей формѣ ихъ бытія.

Итакъ, первобытное состояніе человѣка было самое счастливѣйшее. Онъ былъ украшенъ великими совершенствами, изъ которыхъ созданіе его по образу и подобию Божію было самымъ величайшимъ совершенствомъ его природы. Его предназначеніе также вполне соотвѣтствовало устройству его духовно-физической организаціи; онъ былъ созданъ для славы Божіей, причемъ, служа на землѣ выразителемъ славы Божіей, онъ и самъ принималъ участіе въ ея свѣтѣ и блаженствѣ; постоянно стремясь къ своему первообразу, человѣкъ тѣмъ самымъ достигалъ-бы своего высшаго блаженства и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ-бы свое предназначеніе—быть выраженіемъ славы Божіей на границѣ міра духовнаго и чувственнаго, міра земнаго и небеснаго.

Здѣсь позволимъ себѣ привести прекрасныя слова о первобытномъ состояніи человѣка профессора Рождественскаго. Библейское ученіе о состояніи первыхъ людей „носитъ на себѣ отпечатокъ благородной простоты, чуждо фантастическихъ преувеличеній и чрезмѣрной идеализаціи въ изображеніи первобытнаго состоянія. По изображенію книги бытія, первые люди до грѣхопаденія находились въ весьма благопріятномъ положеніи—въ физическомъ, умственномъ и особенно въ религіозно-правственномъ отношеніяхъ. Въ физическомъ отношеніи они были свободны отъ скорбей, болѣзней и смерти, которымъ только впоследствии подверглись въ наказаніе за грѣхъ (Быт. III, 16—17). Они должны были воздѣлывать Эдемскій садъ, въ которомъ были поселены (II, 15); но это не требовало отъ нихъ

тяжелаго изнурительнаго труда при томъ естественномъ изобиліи плодовъ, какимъ въ началѣ отличалась земля (II, 9). Въ умственномъ отношеніи они обладали превосходными способностями, такъ какъ они сотворены были по образу Божію (I, 26); высокая умственная проницательность перваго человѣка высказалась въ нареченіи имъ именъ всѣмъ животнымъ (II, 19—20). Но Библия не даетъ основаній для предположенія, что первые люди находились на высокой степени и такъ называемаго культурнаго развитія. Хотя они обладали превосходными духовными способностями, но они должны были развить въ себѣ эти способности для того, чтобы пользоваться ими для достиженія указаннаго имъ Творцомъ назначенія—*владычествовать надъ всею землею* (I, 28). Библия ничего не говоритъ о какихъ-нибудь произведеніяхъ искусства и изобрѣтеніяхъ первыхъ людей. Жилищемъ ихъ была открытая природа—садъ (III, 8); они спачала не носили никакихъ одеждъ (II, 25); впоследствии широкія смоковныя листья были ихъ первымъ необходимымъ покровомъ; который потомъ былъ замѣненъ кожами (III, 7—21). Обработка металловъ ни у нихъ, ни у ближайшихъ къ нимъ поколѣній, повидимому, не была въ употребленіи. Только въ седьмомъ отъ Адама поколѣніи является Овель, который называется въ Библии ковьчимъ орудій изъ мѣди и желѣза (IV, 22)... Что касается религіозно-нравственнаго состоянія первыхъ людей, то по свидѣтельству Библии, до паденія это было высокоблагодатное состояніе.... Ихъ богопочтеніе имѣло характеръ дѣтской преданности Богу; ихъ добродѣтель состояла первоначально въ вѣрномъ храненіи заповѣди Божіей (III, 3); въ отношеніи другъ къ другу они жили въ самомъ искреннемъ общеніи взаимной любви, какъ одна плоть (II, 23—24). Первоначальное нравственное состояніе человѣка называется „состояніемъ невинности“, характеристическая черта котораго состоитъ въ томъ, что въ немъ отражалось больше объективное, чѣмъ самодѣятельное личное нравственное совершенство первыхъ людей, больше совершенство чистаго творенія Божія, чѣмъ совершенство, развитое собственнымъ опытомъ нравственной жизни первыхъ людей“ *).

* „Христіанская аологетика“. Проф. Рождественскаго, т. II, стр. 304.

Противъ изложеннаго нами библейскаго ученія о состояніи первыхъ людей возражаетъ невѣріе въ лицѣ пантеистовъ и матеріалистовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе въ воззрѣніяхъ на первобытное состояніе рода человѣческаго и на цѣль его жизни сходятся въ общихъ чертахъ, почему мы и не будемъ излагать отдѣльно пантеистическихъ и матеріалистическихъ воззрѣній. Они въ лицѣ Юма, англійскаго мыслителя, конца XVIII столѣтія, Канта, Гегеля, Шеллинга, нѣмецкихъ философовъ, позитивиста Конта, матеріалиста Фейербаха и другихъ—утверждаютъ, каждый съ небольшою разницею, согласно съ своею философскою системою, что первоначальное состояніе человѣка было дикое, грубое, и, такъ сказать, полуживотное; что человѣкъ стоялъ сначала на самой низкой степени умственнаго, нравственнаго и религіознаго развитія, что первоначальная религія была самымъ грубымъ идолопоклонствомъ и многобожіемъ, что только путемъ медленнаго развитія абсолютной идеи, которая, по утвержденію пантеистовъ, постепенно проходитъ чрезъ міръ неорганической, органической и животной, въ человѣческомъ только сознаніи достигаетъ высшаго своего развитія, или, что къ высшему современному состоянію человѣкъ пришелъ, по гипотезѣ матеріалистовъ, путемъ медленнаго развитія и борьбы съ окружающими его историческими обстоятельствами.

Можно-ли согласиться съ этимъ противобиблейскимъ и противохристіанскимъ взглядомъ на первоначальную судьбу человѣка? Ни въ какомъ случаѣ. Изложенное мнѣніе утверждается на отрицаніи вѣры въ Бога и чудо, на нежеланіи допустить сверхъестественный элементъ въ природѣ и исторіи человѣческаго рода. Если доказать вообще несостоятельность пантеистическихъ и матеріалистическихъ воззрѣній на Бога, то вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ показана и доказана въ частности несостоятельность ихъ воззрѣній и на первобытное состояніе человѣка. Не беря па себя этой задачи, которая рѣшена уже во многихъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, тѣмъ болѣе, что она не строго относится къ главному предмету нашего изслѣдованія, мы здѣсь укажемъ только на главнѣйшіе факты, которые, доказывая истинность библейскаго сказанія о первобытномъ со-

стояніи человѣка, тѣмъ самымъ опровергають пантеистическія и матеріалистическія воззрѣнія на тотъ же предметъ.

Во-первыхъ. Свидѣтельство Библии, какъ истиннаго слова Божія, какъ самаго древнѣйшаго и достовѣрнѣйшаго письменнаго документа, о блаженномъ состояніи первыхъ людей до ихъ грѣхопаденія и о высокомъ ихъ назначеніи есть первое и самое сильнѣйшее доказательство истинности изложеннаго нами библейскаго сказанія о первомъ періодѣ въ жизни людей. Не смотря на всѣ нападки невѣрія на Библию, никому изъ противниковъ ея не удалось доказать, что она есть простое произведеніе человѣческаго ума, или что рассказываемыя въ ней событія не случались. Философія, естествознаніе, исторія, археологія, въ особенности со времени знаменитыхъ раскопокъ въ Ассиріи, всѣ истинно научныя изслѣдованія только подтверждаютъ библейскія сказанія. Пока истинность Библии, какъ откровеннаго слова Божія людямъ, не будетъ опровергнута а этого никогда не будетъ—до тѣхъ поръ и всѣ заключающіяся въ ней сказанія, и въ томъ числѣ и сказаніе о первобытномъ состояніи людей, будутъ стоять выше всѣхъ сомнѣній.

Во-вторыхъ. Преданія большей части народовъ ничего не знаютъ о такомъ младенческомъ періодѣ въ жизни людей, когда они были въ дикомъ, полуживотномъ состояніи, изъ котораго они только мало по малу развились до состоянія истинной человѣчности. Всегда они представляютъ первый періодъ человѣческой жизни зрѣлымъ и счастливымъ, видятъ въ немъ самое близкое общеніе Божества съ человѣкомъ и называютъ его даже золотымъ вѣкомъ. Въ преданіяхъ народовъ первый человѣкъ является безъ родителей, онъ сходитъ на землю во всемъ совершенствѣ, какъ сынъ Божій, или является во всемъ вооруженіи подобно Минервѣ, вышедшей изъ головы Юпитера въ полномъ вооруженіи. Такъ въ древнихъ сказаніяхъ персидской мифологіи, прежде чѣмъ она получила дуалистическій характеръ, говорится, что на землѣ никогда не существовало физическаго зла и люди блаженствовали. Но когда люди стали страдать отъ холода, зимней стужи и неурожая, тогда вѣкто Іма, по волѣ Ормузда, устроилъ рай, куда пересадилъ

сѣмена всѣхъ растений и переселилъ избранныйшихъ изъ людей; въ немъ не было ни холоднаго, ни жаркаго вѣтра, не было ни смерти, ни тлѣнія; тамъ свѣтилъ вѣчный свѣтъ, и люди проводили блаженную жизнь *).

Въ преданіяхъ Индусовъ упоминается о райской горѣ Меру, на которой растутъ прекрасныя деревья, струятся свѣтлые потоки, и гдѣ птицы оглашаютъ воздухъ прекраснымъ пѣніемъ. На вершинѣ горы, вблизи жилища Шивы и Индры, обитаютъ святые и растетъ древо безсмертія. Ничто не вредило людямъ; они были невинны и наслаждались блаженствомъ **).

Въ недавно вышедшей книгѣ, капитальномъ трудѣ по христіанской апологетикѣ, профессора С.-Петербургской духовной академіи Рождественскаго, нами уже цитированнаго, съ особою тщательностію собраны народныя преданія о первобытномъ состояніи человѣка. Такъ преданія о, такъ называемомъ, „золотомъ вѣкѣ“ у египтянъ, китайцевъ и грековъ были слѣдующія: „По одной древне-египетской сагѣ, рай или золотой вѣкъ продолжался на землѣ до тѣхъ поръ, пока Озирисъ и Изида царствовали надъ прекрасною страной въ Аравіи, окруженною Тритонскимъ притокомъ, усѣянною цвѣтами и вѣчно зелеными деревьями, посылавшею освѣжительныя струи воды во всѣ 4 страны свѣта. Но злой демонъ Сеть-Тифонъ чрезъ умерщвление Озириса положилъ конецъ этому золотому вѣку (Діодор. Сиц. I, 15; III, 68; „Книга мертвыхъ“. I, 18. См. у Люккена Traditionen .. S. 115—158 и у Фишера Heidenthum, S. 323 и дал.) Не лишены значительнаго согласія съ Библіею преданія китайцевъ относительно первоначальнаго состоянія человѣка. По этимъ преданіямъ первоначальное состояніе міра и человѣка было состояніемъ „великаго согласія“. Небо, земля и человѣкъ, три основныя существа міра, находились въ полной гармоніи; грѣхъ человѣка нарушилъ эту гармонію. Сначала человѣкъ жилъ среди животныхъ какъ ихъ царь и господинъ; на землѣ всѣ птицы произростали сами собой; добродѣтель процвѣтала безъ помощи науки, жила въ невинности, не зная плотскихъ

*) Heidenthum und Judenthum, Vorhalle zur Geschichte des Christenthums. Döllinger. S. 368.

**) Die Traditionen des Menschengeschlechts, von H. Lücken. S. 90.

вождемъ. Только неумѣренная жажда знанія низвергла человека въ бездну паденія. Послѣ того какъ человекъ палъ, всѣ животныя стали чужды ему; дикія животныя, птицы, насекомыя, змѣи стали вести войну противъ него; въ нѣсколько мѣнѣе чѣмъ въ три или пять часовъ измѣнилось небо и человекъ сталъ уже не тотъ, чѣмъ былъ. У китайцевъ кромѣ того сохранились преданія о первомъ человекѣ Фо-ги, о раѣ на востокѣ, о драконѣ, выползшемъ изъ бездны и посвятившемъ перваго человека въ тайну познанія мужскаго и женскаго пола, о женѣ, какъ о первой виновницѣ грѣхопаденія и др. (Lücken, Traditionen... 2 Aufl. 1869 г. S. 96 и дал. Ср. Delitsch, Apologetik, 1869, S. 151). *).

Преданія грековъ о невинномъ состояніи первыхъ людей изложены довольно опредѣленно у Гезіода **) и Платона ***). Первый насчитываетъ нѣсколько вѣковъ въ жизни человечества: первый вѣкъ, когда люди жили подобно богамъ и не знали ни заботъ, ни нужды, ни болѣзней, ни смерти, — называется золотымъ; второй — серебрянный характеризуется тѣмъ, что люди въ это время обнаружили непослушаніе безсмертнымъ богамъ и за это, какъ подверглись различнымъ бѣдствіямъ, такъ и начали испытывать смерть въ подземномъ мірѣ, куда Зевсъ въ своемъ гнѣвѣ сталъ низводить безбожныхъ людей; за серебряннымъ вѣкомъ слѣдовалъ мѣдный и т. д., гдѣ въ каждомъ все болѣе и болѣе упадало древнее служеніе богамъ и навлекало на людей все большія и большія бѣдствія, которыя, наконецъ, заключились, по мионическимъ сказаніямъ, всемірнымъ потопомъ, отъ котораго спаслись только два благочестивые человека: Девкалионъ и Пирра.

По преданію, передаваемому Платономъ, первые люди не знали ни заботъ, ни изнурительныхъ трудовъ, ни нужды, потому что роскошная и богатая природа сама доставляла имъ въ изобиліи все необходимое; на землѣ неизвѣстны были прежде ни дикость, ни пожираніе другъ друга въ царствѣ животныхъ, не было ни раздоровъ, ни войны между людьми; Богъ

*) См. „Христ. апол.“ т. II, стр. 296.

**) Ἐργα καὶ ἡμέραι, 109—201.

***) Политика.

былъ стражемъ и покровителемъ ихъ. Довольно и этихъ примѣровъ народнаго преданія о первобытномъ состояніи рода человѣческаго, — преданія, которое съ различными вариантами повторяется въ религіозныхъ сказаніяхъ почти всѣхъ народовъ, чтобы видѣть въ нихъ рѣшительное подтвержденіе истины библейскаго повѣствованія о невинномъ состояніи нашихъ праотцевъ и о ихъ блаженной жизни въ раю. Предположеніе, что это — простое самообольщеніе или поэтическое олицетвореніе субъективныхъ желаній человѣка, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Чѣмъ объяснить, что представленія о золотомъ вѣкѣ у всѣхъ народовъ, не смотря на различные варианты, въ общихъ чертахъ одинаковы? Возможно-ли, чтобы люди такъ упорно вѣрили созданію своей фантазіи?

Дѣло объясняется просто: нѣкогда родъ человѣческой составлялъ одну семью и впоследствии одинъ народъ, въ которомъ живы были преданія его патріарховъ, изъ которыхъ многіе могли непосредственно слышать отъ первыхъ людей о томъ, какова была первоначальная ихъ исторія, какъ былъ близокъ Богъ къ нимъ и какимъ счастьемъ они наслаждались, пока не согрѣшили. Послѣ великаго событія смѣшенія языковъ и рассѣленія ихъ по лицу земли, чтѣ входило въ премудрые планы Божественнаго провидѣнія, — люди, утративъ съ теченіемъ времени разныя подробности, удержали основныя черты изъ преданія патріарховъ и сохранили ихъ въ своихъ мифологическихъ системахъ, религіозныхъ гимнахъ и надписяхъ. „Глиняныя скрижали, надписи и кирпичи Ассиріи и Вавилоніи доказали уже, что главнѣйшія библейскія сказанія сохранились въ воспоминаніи народовъ въ формѣ эпопей и религіозныхъ надписей въ куфитскихъ и семитическихъ царствахъ Месопотаміи, какъ сохранились они въ гимнахъ Аріевъ, въ Ведахъ, въ Зороастровомъ ученіи“ *).

Здѣсь мы пользуемся случаемъ привести весьма мѣткое и основательное сужденіе профессора Рождественскаго о несостоятельности матеріалистическаго объясненія того замѣчательнаго согласія, какое существуетъ въ религіозныхъ преданіяхъ разныхъ народовъ о первоначальномъ состояніи и о па-

*) Священная лѣтопись, Властова, т. I, стр. 44.

деніи первыхъ людей. Сказавъ, что для матеріалистическаго объясненія преданій о раѣ и золотомъ вѣкѣ, встрѣчающихся въ древнѣйшихъ памятникахъ народовъ, пессимистическій мотивъ, какъ продуктъ печальнаго настроенія духа въ виду неудовлетворявшей его дѣйствительности, не вполне пригоденъ, онъ развиваетъ эту мысль далѣе слѣдующимъ образомъ. „Въ періодъ юнаго возраста народовъ, который отличается больше свѣтлымъ взглядомъ на настоящее и довѣріемъ къ будущему, чѣмъ пессимистическимъ настроеніемъ въ отношеніи къ настоящему и пристрастіемъ къ сѣдой старинѣ, пессимизмъ не могъ играть слишкомъ большой роли въ духовномъ строѣ народовъ. Если и признать, что всѣ древнія преданія о первобытномъ времени суть не что иное, какъ произведеніе фантазіи разныхъ народовъ о лучшихъ прошлыхъ временахъ, то при этомъ объясненіи для насъ ничего не объясняется касательно того, откуда произошло замѣчательное согласіе этихъ преданій между собою, которое высказывается не только въ общихъ чертахъ, но и во многихъ частностяхъ (какъ напримѣръ, въ сказаніяхъ разныхъ народовъ о древѣ жизни, о змѣ-искусителѣ, о женѣ, какъ первовиновницѣ грѣха и проч.) Нельзя допустить, чтобы подъ вліяніемъ лишь одного общаго мотива—недовольства настоящимъ—фантазія разныхъ народовъ повсюду создавала одни и тѣ-же образы, однѣ и тѣ-же, иногда до поразительности сходныя, картины первобытнаго времени. Хотя фантазія безспорно есть общечеловѣческая способность, однако не лишено справедливости и то, что у каждаго человѣка, а также и у каждаго народа, своя фантазія... Для того, чтобы объяснить ихъ взаимное согласіе, которое за всѣми разностями все-таки остается поразительнымъ, необходимо допустить, что всѣ онѣ имѣютъ для себя объективный первоначальный источникъ, что въ нихъ воспроизводится, хотя и не во всѣхъ подробностяхъ, одинаково точно, первоначальное истинное преданіе о первобытномъ состояніи, которое въ чистомъ его видѣ сохранено въ Библии* *).

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ данныхъ въ пользу той мысли, что первоначальное состояніе людей бы-

*) „Христ. апологет.“ Рождественскаго, т. II, 301 стр.

ло невинное, блаженное и совершенное въ умственномъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ.

Въ-третьихъ. Исторія религій рода человѣческаго представляетъ такіе факты, которые также рѣшительнымъ образомъ подтверждаютъ библейскую истину о невинномъ и блаженномъ состояніи первыхъ людей. Такъ, она прежде всего показываетъ, что миѳы осложнялись постепенно, что древняя языческая политеистическая религія тѣмъ ближе къ монотеизму, чѣмъ древнѣе по своему происхожденію; свидѣтельствуется, что во всѣхъ языческихъ религіяхъ самыхъ несовершенныхъ можно находить отрывочные слѣды истиннаго понятія о Богѣ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить то обстоятельство, что въ древнѣйшихъ религіяхъ — индійской, персидской (Зороастровой), египетской и позднѣйшихъ, напримѣръ, греческой, во главѣ сонма боговъ стоитъ въ первый періодъ образованія миѳовъ единное верховное божество: Парабрама въ индійской, Заруана Аккарана — безграничное пространство, въ персидской, Аммуъ—тайца, въ египетской, Дій или Зевсъ—богъ неба, въ греческой религіи. Только въ позднѣйшій періодъ развитія миѳологіи, по мѣрѣ уклоненія человѣка отъ Бога и погруженія въ грубый объективный натурализмъ, или субъективное обожаніе человѣка,—появляются, кромѣ верховныхъ божествъ, другія второстепенныя, или какъ ихъ противники (системы дуализма), или какъ исполнители воли верховныхъ боговъ, какъ въ религіяхъ египетской и индійской, или второстепенныя божества, стояція въ родственномъ отношеніи къ верховному богу—сыновья и дочери, какъ въ греческой миѳологіи. Далѣе, слѣды истинныхъ понятій о Богѣ встрѣчаются не только въ религіяхъ древнихъ историческихъ культурныхъ народовъ, но и у дикихъ и нецивилизованныхъ племенъ. Такъ, негритянскія племена центральной Африки, готтентоты, обитатели острововъ южнаго океана, камчадалы, самоѣды, дикія племена Америки и другіе народы, стоящіе на самой нисшей степени культуры, имѣютъ истинныя понятія о единномъ, высшемъ Богѣ, всемогущемъ Творцѣ неба и земли, который создалъ и боговъ (фетишей) и все существующее. Этотъ фактъ необъяснимъ, если предполо-

жить, что люди постепенно развивались, какъ въ умственномъ, такъ и въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Постепенный ходъ развитія человѣка предполагаетъ движеніе отъ несовершеннаго къ совершенному, или, прилагая этотъ законъ къ области религіи, отъ грубаго натурализма къ духовному монотеизму. Между тѣмъ исторія религій показываетъ, что чѣмъ древнѣе языческая религія, тѣмъ больше въ ней элементовъ монотеистическаго характера, т. е. она показываетъ обратное явленіе, противоположное понятію прогресса. Это объясняется тѣмъ, что въ началѣ человѣчество, находясь въ близкомъ общеніи съ Богомъ, имѣло истинное понятіе о Немъ, которое послѣ грѣхопаденія людей, по мѣрѣ удаленія отъ Бога, искажалось и затемнялось. И чѣмъ необразованнѣе народъ, чѣмъ менѣе одаренъ фантазіею и способностью къ умственной производительности, тѣмъ въ большей чистотѣ и неприкосновенности содержитъ онъ доставшіяся ему по преданію отъ отцовъ своихъ религіозныя представленія. Приведа весьма много фактовъ изъ исторіи религій для подтвержденія той мысли, что монотеизмъ былъ первоначальною формою религіи, которая въ свою очередь предполагаетъ невинное и блаженное состояніе первыхъ людей, нашъ извѣстный богословъ, историкъ религій древняго міра, еп. Хрисанфъ говоритъ: „Идея единого верховнаго Божества у дикихъ и полудикихъ племенъ, очевидно, уже не можетъ объясняться, какъ результатъ сложныхъ комбинацій, какъ отвлеченное философское объединеніе представленій о различныхъ богахъ подъ формою единого верховнаго Бога — подобно тому, какъ это было въ религіозныхъ системахъ образованнаго язычества. Дикарь-фетишистъ не могъ ни дойти до такого отвлеченнаго представленія, ни убѣдиться въ ложности многобожія. Откуда-же это представленіе о единомъ Богѣ, такъ непослѣдовательно примѣшивающееся къ общему грубому религіозному воззрѣнію дикаря? И что значитъ при этомъ то особенно выдающееся явленіе, что у нецивилизованныхъ племенъ идея единого Бога, повидимому, замѣтнѣе и даже въ своемъ содержаніи чище, чѣмъ у образованныхъ народовъ язычества, у которыхъ она часто совершенно заслонена политеизмомъ и имѣетъ часто пантеистическій характеръ?

А это такъ.... Не значить-ли все это, что образованное язычество дальнѣйшимъ развитіемъ своихъ религіозныхъ возрѣній натуралистическаго характера болѣе измѣняло первобытное преданіе, бывшее нѣкогда общимъ достояніемъ человѣчества, и что послѣднее болѣе сохранилось у нецивилизованныхъ племенъ вслѣдствіе ихъ неразвитости и отсутствія всякой умственной производительности?“ *)

Въ-четвертыхъ. Мнѣнія дарвинистовъ и другихъ матеріалистовъ, пытающихся, при помощи своихъ хитро придуманныхъ гипотезъ, объяснить первоначальное происхожденіе человѣка отъ животныхъ и смотрящихъ поэтому на первобытное состояніе людей, какъ на состояніе дикости и невѣжества, давно всѣми истинными учеными опровергнуты. Въ виду этого мы и не будемъ касаться здѣсь этой стороны вопроса, а укажемъ только на полную несостоятельность ссылокъ матеріалистовъ на разныя легенды, находимыя ими въ тѣхъ или другихъ народныхъ повѣрьяхъ и суевѣрїяхъ, которыя, по мнѣнію матеріалистовъ, даютъ будто-бы право заключать о животной дикости первыхъ людей. Такъ, ученые указаннаго направленія ссылаются на легенды объ автохтонахъ. (подъ которыми разумѣются люди, происшедшіе будто-бы чрезъ самопроизвольное зарожденіе), о людяхъ, выросшихъ изъ земли, изъ деревьевъ, изъ камней, происшедшихъ отъ тѣхъ или другихъ животныхъ, птицъ, рыбъ и т. под. Опровергая всѣ подобныя ссылки на народныя преданія, дѣлаемыя нѣкоторыми матеріалистическими учеными, нашъ извѣстный апологетъ, проф. Рождественскій говоритъ слѣдующее: „а) Подобныя мѣны, сравнительно съ гораздо болѣе ихъ распространенными иными преданіями о пачальномъ состояніи человѣка, имѣютъ менѣе, чѣмъ второстепенное значеніе; б) большею частію они открываются дарвинистами въ темныхъ суевѣрїяхъ и повѣрьяхъ нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, причемъ ничто не ручается за древность ихъ происхожденія у этихъ народовъ; в) мѣны этого рода, встрѣчающіеся среди мѣновъ нѣкоторыхъ древнихъ народовъ (какъ напр. персидскіе мѣны о происхожденіи человѣческой четы изъ двуполога дерева, изъ сѣмени быка, или греческій мѣнъ о происхожденіи лю-

*) „Религія древняго міра“, епископа Хрисанфа, кн. 1, стр. 59.

дей изъ камней послѣ Девкаліонова потопа), имѣють въ виду не самое первоначальное происхожденіе человѣка, а позднѣйшее, послѣ потопное. Первые люди въ преданіяхъ персовъ и грековъ производятся отъ боговъ; извѣстно, что аѳинянамъ св. ап. Павелъ въ своей рѣчи, произнесенной въ Аѳинскомъ ареопагѣ, напоминалъ ученіе ихъ древнихъ поэтовъ о происхожденіи людей отъ Бога: „мы родъ Божій есмы“ (Дѣян. XVIII, 28). Что-же касается позднѣйшихъ частныхъ мнѣній о первоначальномъ состояніи человѣка нѣкоторыхъ греческихъ и римскихъ философовъ и поэтовъ, преимущественно изъ матеріалистическихъ и скептическихъ школъ, — мнѣній, сходныхъ болѣе или менѣе со взглядами новѣйшихъ дарвинистовъ на этотъ вопросъ; то это единомысліе людей однородныхъ школъ ничего не доказываетъ въ пользу матеріализма. Матеріализмъ искони стремился къ сближенію человѣка съ животными; но народная вѣра, опиравшаяся на древнія преданія, и нравственное самосознаніе вездѣ были противъ этого дикаго сближенія“ *). Указавъ затѣмъ на нѣкоторыхъ древнихъ философовъ и поэтовъ (Анаксимандра, Эмпедокла, Лукреція и Виргилія), считавшихъ предками людей птицъ, рыбъ, животныхъ и даже кустарныя растенія, упомянутый нами апологетъ продолжаетъ: „Но нѣкоторые изъ языческихъ-же писателей, которые съ большимъ уваженіемъ и болѣею объективностью относились къ древнимъ преданіямъ, не одобряли этого произвольнаго извращенія смысла древнихъ преданій. Плутархъ, напр., рѣзко осмѣивалъ Эмпедоклово мнѣніе о происхожденіи человѣка отъ рыбы (Sympos. VII). Если новѣйшіе матеріалисты охотно примыкають къ подобнымъ мнѣніямъ и отчасти обосновываютъ на нихъ свои гипотезы о первобытномъ состояніи человѣка, то это только свидѣтельствуетъ объ отсутствіи безпристрастія въ ихъ изслѣдованіяхъ. Они игнорируютъ цѣлую массу единогласныхъ преданій древнихъ народовъ объ иномъ состояніи первобытнаго человѣчества и останавливаются только на тѣхъ отрывочныхъ мнѣніяхъ и извращенныхъ легендахъ объ этомъ состояніи, которыя находятъ у своихъ единомышленниковъ“. **)

*) „Христ. апологетика“ Рождественскаго, т. II, стр. 301.

**) Ibid. стр. 302.

Этихъ фактовъ и соображеній вполне достаточно на нашъ взглядъ, чтобы обнаружить несостоятельность тѣхъ пантеистическихъ и материалистическихъ воззрѣній на первобытное состоянiе рода человѣческаго, по которому оно считается самымъ низкимъ по степени развитiя.

Показавъ, каково было первобытное состоянiе рода человѣческаго и въ чемъ заключалось его предназначенiе, мы теперь должны перейти къ изложенiю факта грѣхопаденiя первыхъ людей, чтобы видѣть, въ чемъ заключалась вина первыхъ людей, какия слѣдствiя были ихъ грѣхопаденiя, почему необходимо было спасенiе рода человѣческаго и какой характеръ должны были принять приготовительныя дѣйствiя Божественнаго промысла къ принятiю христіанства, чрезъ которое люди могли опять возвратить утраченное себѣ блаженство не вполне, частію въ этой временной разстроенной грѣхомъ жизни, а главнымъ образомъ и вполне въ будущей загробной.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

идея священнаго союза.

(Продолженіе *).

III.

Предчувствія народовъ, ожиданія Штейна были блистательно оправданы Императоромъ Александромъ. Въ тяжелую годину испытаній, русскій Императоръ обнаружилъ такую твердость характера, такую покорность провидѣнію, такую безграничную вѣру въ свой народъ и въ силу Всевышняго, предъ которыми разсыпались въ прахъ всѣ колоссальныя силы Наполеона, всѣ гениальныя соображенія его стратегіи. А между тѣмъ эта твердость, эта вѣра, эта сила были вовсе не присущи Александру, не были развиты въ немъ ни воспитаніемъ, ни жизнью, явились полною и поразительною неожиданностью для всѣхъ людей, знавшихъ его близко. Несомнѣнно, что Александръ почерпнулъ необыкновенныя силы въ томъ неизсякаемомъ источникѣ всякой силы, который открытъ для cadaго изъ насъ въ божественной нашей религіи; но несомнѣнно также, что этотъ источникъ оставался сокрытымъ для Александра во всю первую половину его царствованія, что религиозныя настроенія вліяли очень мало на него до той самой минуты, когда пожаръ Москвы и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ зажгли въ его сердцѣ тотъ неугасимый огонь, который

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“. 1884 г. № 9.

преобразилъ его изъ человѣка добраго и мягкаго въ непобѣдимаго поборника провидѣнія и спасителя Европы. Остановимся нѣсколько на этомъ моментѣ; въ немъ заключается ключъ той загадки, предъ которою останавливались въ недоумѣннн и изумленные современники, и пытлиное потомство.

Въ первые годы своего правленія Александръ является тѣмъ, что создали изъ него обстоятельства его дѣтства и юности, чѣмъ напитаи его умъ и душу его воспитатели и наставники. Прежде всего онъ человѣкъ несомнѣнно благородный, глубоко-впечатлительный, очень добрый, мягкій и при этомъ мнительный, недоувѣрчивый, нерѣшительный, въ тоже время способный къ увлеченіямъ, сворымъ рѣшеніямъ, но останавливающійся передъ первою неудачею, поддающійся первому разочарованію. Онъ вступаетъ на престолъ съ самыи возвышенными, но въ то-же время съ крайне общими, неопредѣленными и туманными намѣреніями. Онъ мечтаетъ передѣлать Россію, освободить и просвѣтить русскій народъ; но онъ думаетъ совершить это съ помощью той философской теоріи, которую внушили ему воспитатели и друзья молодости. Онъ приступаетъ къ этому дѣлу безъ всякаго практическаго навыка, безъ всякаго знанія той среды, того народа, надъ которыми поставило его провидѣніе. Прежде всего онъ провозглашаетъ принципъ законности, стремится подчинить ему все, въ томъ числѣ и неограниченность своей самодержавной власти. Онъ упускаетъ при этомъ совершенно изъ виду, что въ глазахъ громаднаго большинства его народа самодержавная царская власть является не только источникомъ всякой силы, правды и милости на землѣ, но и единственнымъ залогомъ и опорой всего существующаго порядка вещей. Распространяя свою гуманную, освободительную дѣятельность на все отрасли русской жизни, Александръ, во всю первую половину своего царствованія, относится если и не вполне индифферентно, то во всякомъ случаѣ довольно холодно къ жизни религиозной. Намѣреваясь освободить и просвѣтить народъ русскій, онъ мало обращаетъ вниманія на ту громадную нравственную и образовательную силу, которая заключается въ русской Церкви, въ русскомъ духовенствѣ. Онъ затрачиваетъ гро-

мадные средства на основаніе новыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, но онъ оставляетъ почти что безъ вниманія ту школу, которая одна давала въ то время дѣйствительно солидное научное образованіе, школу духовную; онъ заботится о возстановленіи и огражденіи правъ дворянства, онъ подтверждаетъ право горожанъ, онъ хлопочетъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, но онъ оставляетъ долгое время въ прежнемъ видѣ безправное положеніе православнаго духовенства. Онъ ищетъ повсюду учителей и наставниковъ для своего народа, онъ принимаетъ на этомъ поприщѣ услуги самыхъ сомнительныхъ и опасныхъ элементовъ, онъ открываетъ даже широкое поле для педагогической дѣятельности іезуитовъ, но не пользуется для тѣхъ-же образовательныхъ цѣлей тѣми богатыми силами, которыя могла бы дать ему тогдашняя церковная школа.

Изучая длинный рядъ указовъ и манифестовъ Императора Александра, изданныхъ въ первые мѣсяцы царствованія *) и клонившихся къ искорененію злоупотребленій во всѣхъ отрасляхъ жизни, мы усматриваемъ въ числѣ ихъ лишь одинъ, имѣющій прямое отношеніе къ русской Церкви, или, лучше сказать, къ православному духовенству. Это знаменитый манифестъ 22-го мая 1801 года объ освобожденіи священниковъ и дьяконовъ отъ тѣлеснаго наказанія. Уже одно появленіе этого манифеста указываетъ на то безправное и во всѣхъ отношеніяхъ тяжелое положеніе, въ которомъ находилось въ Россіи духовенство господствующей Церкви еще въ началѣ XIX вѣка. Духовенство въ громадномъ большинствѣ случаевъ не знало тогда даже своихъ правъ и правъ епархіальнаго начальства. Изъ записокъ синодальнаго оберъ-прокурора Яковлева **) мы узнаемъ, что духовный регламентъ, напечатанный еще при Петрѣ Великомъ, сдѣлался въ началѣ XIX вѣка библиографическою рѣдкостью. Высшія свѣтскія и духовныя власти находили совершенно излишними новыя изданія этой книги. Архіереи, утверждаетъ тотъ-же Яковлевъ, прямо не жела-

*) См. Полное Собраніе Законовъ, годъ 1801 и 1802.

**) См. Записки Александра Алексѣевича Яковлева. Памятники новой русской исторіи. Сборникъ Базунова. Т. III стр. 100.

ли распространять ее въ средѣ приходскаго духовенства. Когда въ 1803 г. оберъ-прокуроръ предложилъ напечатать вновь духовный регламентъ, то встрѣтилъ такое сильное противодѣйствіе со стороны высшей іерархіи *), что принужденъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію Высочайшей власти. Подобныя дѣйствія нѣкоторыхъ архіереевъ станутъ для насъ совершенно понятными, если мы сообразимъ какую полную и во всѣхъ отношеніяхъ безконтрольную властью пользовались они тогда надъ приходскимъ духовенствомъ. Отъ архіереевъ зависѣло не только назначеніе, увольненіе и перемѣщеніе священниковъ, но также и отдача ихъ подъ судъ, подверженіе исправительнымъ наказаніямъ всякаго рода, преимущественно тѣлеснымъ. По первому обвиненію, все равно отъ кого-бы ни исходило оно, священника требовали въ архіерейскій домъ, производили распросъ и изслѣдованіе вины, нерѣдко пристрастные, затѣмъ сажали на цѣпь въ повартъ, заковывали въ кандалы или колодки, бросали въ подвальные тюрьмы и подвергали тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ *). И что всего ужаснѣе, подобная расправа была дѣломъ самымъ обыкновеннымъ: никто не возмущался ею, никто не обращалъ на нее даже особеннаго вниманія. Да оно и понятно. Не одни только архіереи могли наказывать духовныхъ по своему усмотрѣнію, подобнымъ-же правомъ пользовались и свѣтскія начальства. Судьи приговаривали священниковъ и дьяконовъ къ позорному наказанію кнутомъ на площадяхъ, административныя власти подвергали сѣщенію духовныхъ лицъ съ цѣлью исправленія; наконецъ, богатые помѣщики, не признававшіе иного закона кромѣ своей воли, наказывали священниковъ и дьяконовъ по своему произволу. Положеніе духовнаго лица вообще мало чѣмъ отличалось въ тѣ времена отъ положенія крѣпостнаго крестьянина: и его подвергали всевозможнымъ поборамъ въ пользу начальства, и онъ могъ быть подвергнутъ самому несправедливому и постыдному наказанію, и его, наконецъ, могли отдать за какія-нибудь провинности или просто изъ каприза, изъ желанія угодить сильнымъ, — въ

*) „Всякъ легко вообразить, что сія выдумка имъ не понравилась. Долго они противъ сего боролись, но должны были согласиться“... Записки Яковлева, стр. 100.

*) См. „Изъ прошлаго“. „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г. т. 74, стр. 471.

солдаты. Такъ распоряжался, между прочимъ, извѣстный въ свое время нижегородскій епископъ Павелъ. Сохранилось преданіе, что Императоръ Павелъ, посѣтивъ однажды Нижній-Новгородъ, шутя замѣтилъ епископу: „какіе хорошіе солдаты вышли-бы изъ твоихъ молодцовъ пѣвчихъ.“ Епископъ тотчасъ же приказалъ отдать въ солдаты нѣсколько десятковъ рослыхъ семинаристовъ и прибавилъ къ нимъ, подъ предлогомъ неодобрительнаго поведенія, нѣсколько священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ. Фактъ этотъ, столь невѣроятный на первый взглядъ, подтверждается, впрочемъ, и оффиціальными документами. Въ клировыхъ вѣдомостяхъ Нижегородской церкви можно встрѣтить противъ именъ священно-и-церковно-служителей собственноручную подпись преосвященнаго Павла: „въ военную службу“. *) И такъ поступали съ классомъ людей, въ рукахъ котораго находилось все религіозно-правственное воспитаніе народа и представители котораго, не смотря на все свое стѣсненное положеніе, были все-же таки едва-ли не самыми образованными людьми во всей Россіи.

Духовная школа той эпохи находилась, на первый взглядъ, въ самомъ жалкомъ и нищенскомъ положеніи. Какая разница между новыми свѣтскими средними и высшими училищами и духовными семинаріями и академіями. Тамъ щедрыя, роскошныя по тому времени затраты, тутъ средства, недостаточныя до невозможнаго и смѣшнаго; тамъ десятки тысячъ на каждое заведеніе, тутъ 816 рублей на каждую семинарію. Правда, впоследствии, уже въ правленіе Александра I сумма эта возвышена была для семинаріи до 4000 рублей, а академіи начали получать по 12,000 въ годъ, но все-же правительство затрачивало на содержаніе всѣхъ духовныхъ училищъ всего лишь 180,000 рублей, а между тѣмъ въ этихъ училищахъ (4 академіи, 36 семинарій, 115 низшихъ духовныхъ училищъ) получили образованіе около 30,000 человекъ *).

Крайняя скудость средствъ съ одной стороны, безконтрольность и произволь властей съ другой, отражались самымъ

*) „Изъ прошлаго“. „Русскій Вѣстникъ“, т. 74, стр. 451; „Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“ 1849, № 10.

*) „Изъ прошлаго“. „Русскій Вѣстникъ“, т. 74, стр. 447.

печальнымъ образомъ какъ на положеніи учащихъ, такъ и учащихся. Преподаватели главнѣйшихъ предметовъ, богословія и философіи, получали по 150 рублей жалованья,—содержаніе крайне скудное даже для того времени. Содержаніе казенно-коштныхъ учениковъ, замѣчаетъ преосвященный Макарій, епископъ Орловскій, ограничивалось пищею и помещеніемъ, на одежду выдавалось только сиротамъ по нѣскольکو денегъ. Кто могъ пѣть и читать въ приходскихъ церквахъ, и особливо если отличался чистописаніемъ, тотъ только и могъ добывать себѣ на безбѣдное содержаніе. Произношеніе по домамъ праздничныхъ стиховъ, рѣчей и діалоговъ было въ обыкновеніи и доставляло иногда бѣднымъ ученикамъ насущный хлѣбъ. Ученики, не имѣвшіе у себя кондицій, носили у нѣкоторыхъ хозяевъ воду, рубили дрова и были вмѣсто черно-рабочихъ-поденщиковъ. По недостатку въ содержаніи, а иногда и по одному обыкновенію, студенты обращались съ просьбами о зачисленіи за ними того или другаго мѣста, а иные, взрослые, были даже женаты. Бѣгство изъ семинаріи, нетрезвое поведеніе, воровство и кулачные бои совершались нерѣдко. Свидѣтельство преосвященнаго Макарія относится, главнымъ образомъ, къ Нижегородской семинаріи, а между тѣмъ эта семинарія была первая по своему учрежденію и едра-ли пе первая по своему внутреннему порядку и по методу преподаванія *). Что же творилось въ остальныхъ духовныхъ училищахъ? Безъ сомнѣнія, и тутъ упадокъ и деморализація проявлялись въ различныхъ степеняхъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Дѣло въ томъ, что духовныя учебныя заведенія не имѣли ни систематической организаціи, ни правильности и полноты въ учебныхъ курсахъ. Каждая семинарія управлялась по своему. Все зависѣло отъ личности епархіальнаго начальника: заботился онъ объ училищахъ, дѣло шло лучше, не заботился, и деморализація достигала до своихъ крайнихъ предѣловъ.

Въ духовной школѣ, говоря вообще, господствовалъ ста-

*) См. „Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“ 1849 г. № 66; также „Очеркъ исторіи Псковской семинаріи“ въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей, годъ 1866, книга I.

рый схоластическій методъ преподаванія. Старые учебники, освященные временемъ, пользовались непоколебимымъ авторитетомъ. Риторика, логика, философія считались главнѣйшими предметами обученія; математика, исторія, географія преподавались крайне поверхностно; зато обученіе древнимъ языкамъ, въ особенности латинскому, шло превосходно. Главнымъ образомъ, благодаря этому обученію, а, быть можетъ, и всей суровой обстановкѣ школы, изъ духовныхъ училищъ выходили люди трудолюбивые, усидчивые, неустанно преслѣдовавшіе цѣль, умѣвшіе взяться, какъ слѣдуетъ, за всякую умственную работу. Изъ этой школы выходили такіе люди, какъ Сперанскій,—люди одинаково сильные и въ теоріи, и въ практикѣ,—люди способные проникаться самыми широкими идеями и въ тоже время величайшіе систематики и организаторы. Эта же школа давала Россіи и такихъ великихъ іерарховъ и свѣтилъ православія, какъ Филаретъ Московскій, и такихъ блестящихъ церковныхъ дѣятелей, какъ Меодій Тульскій и Теофилактъ Калужскій, и такихъ нерѣдко забытыхъ труженниковъ, которые, работая во второстепенныхъ должностяхъ, выносили на своихъ плечахъ всю тяжесть государственной машины, тогда какъ блестящіе воспитанники пажескихъ и иныхъ корпусовъ скользя по паркетамъ и, не читая, подписывали подавасмыя имъ бумаги.

Таково было положеніе русской Церкви и русской церковной школы въ моментъ вступленія на престолъ Императора Александра I. Что такая высокая, благородная и въ высшей степени воспримчивая натура, какъ натура Александра, отнеслась бы съ сочувствіемъ и энтузіазмомъ къ дѣлу возрожденія и очищенія русской Церкви, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, если бы въ воспитаніи Александра отведено было надлежащее мѣсто религіозному элементу. Но мы видѣли, какое значеніе имѣлъ этотъ элементъ во всемъ умственномъ и нравственномъ развитіи Александра. Александръ былъ человѣкъ высоко гуманный, но онъ не былъ человѣкъ религіозный; онъ былъ преисполненъ наилучшими намѣреніями, но онъ не имѣлъ точнаго и яснаго представленія ни о значеніи православной Церкви для жизни народа рус-

скаго, ни объ устройствѣ этой Церкви, ни объ ея нуждахъ и страданіяхъ. Что же удивительнаго, если онъ отнесся къ этой Церкви съ своимъ обычнымъ благоволеніемъ, но не съ достаточнымъ и сердечнымъ вниманіемъ и съ самымъ легкимъ, поверхностнымъ знаніемъ дѣла,—что, стоя на почвѣ вѣротерпимости, столь близкой къ индифферентизму, онъ заботился о православной русской Церкви, но заботился столько-же, сколько заботился и о церквахъ иновѣрческихъ, о протестантской, напр., католической и даже о мусульманскомъ обществѣ.

Верховное управленіе русскою Церковью сосредоточивалось со временъ Петра Великаго въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ какомъ же положеніи находилась эта высшая правительственная власть русской Церкви въ началѣ царствованія Александра I-го? Предсѣдателемъ высокой синодальной коллегіи былъ митрополитъ Новгородскій и Петербургскій Амвросій. Совершенно случайныя обстоятельства и извѣстная доля нравственнаго мужества открыли Амвросію, человѣку не особенно даровитому и не особенно образованному, путь къ самымъ высшимъ церковнымъ должностямъ *). Сынъ бѣднаго священника, заурядный ученикъ, а затѣмъ невыдающійся преподаватель семинаріи, потомъ безвѣстный монахъ, Амвросій отважился сказать надгробное слово надъ прахомъ убитаго разъяренною чернью архипастыря Московскаго Амвросія, въ то самое время, когда страшная зараза и бѣшеная толпа царствовала еще въ древней столицѣ Россіи и когда никто изъ высшихъ представителей духовенства не рѣшался говорить и рисковать своею жизнію при такихъ обстоятельствахъ. Этимъ, во всякомъ случаѣ, недюжиннымъ подвигомъ онъ сразу обратилъ на себя вниманіе Императрицы Екатерины и вступилъ на путь высшихъ духовныхъ степеней. Амвросій вовсе не былъ, впрочемъ, великимъ проповѣдникомъ; его проповѣди, дошедшія до насъ, вовсе не блещутъ выдающимися достоинствами;

*) Говоря о личности Амвросія Подобѣдова, мы не должны придавать безусловнаго значенія показаніямъ Яковлева. Что Яковлевъ былъ человѣкъ прямой и честный, какъ замѣчаетъ это издатель его записокъ, не можетъ заставить насъ забыть того обстоятельства, что онъ былъ личный врагъ митрополита и другихъ членовъ Св. Синода и что его записки суть не что иное, какъ памфлетъ или обвинительный актъ, направленный противъ этихъ враговъ.

но онъ былъ человѣкъ чрезвычайно ловкій, умѣвшій прина-
риваться къ потребностямъ среды, къ вкусамъ времени, къ
привычкамъ сильныхъ міра сего. Назначенный епископомъ въ
Казань, Амвросій умѣлъ сойтись тамъ съ дворянствомъ и выш-
шимъ обществомъ. Своею пышностью, употребляемою при бого-
служенія, своею свѣтскою ловкостью, своею широкою жизнью,
своими веселыми лѣтними вечерами на архіерейской дачѣ, по-
сившей несовсѣмъ подходящее имя Іерусалима, — вечерами, ку-
да съѣзжались всѣ высшіе представители казанскаго общест-
ва, помѣщики и люди чиновные съ женами и дочерьми, — онъ
снискалъ себѣ громкую популярность и вновь обратилъ на
себя вниманіе Императрицы Екатерины. Екатерина любила
веселыхъ и свѣтскихъ „прелатовъ“, ей нравилось, когда ар-
хіереи сходились съ дворянствомъ. Узнавъ объ образѣ жизни
и популярности Амвросія, она вызвала его въ Петербургъ для
присутствованія въ Синодѣ, осыпала милостями и подарками.
Амвросій находился въ Петербургѣ и въ моментъ вступленія
на престолъ Императора Павла. Скоро ознакомился онъ съ
взглядами и привычками новаго государя и въ самое корот-
кое время приобрѣлъ его полнѣйшую благосклонность. Импе-
раторъ Павелъ, первый изъ русскихъ государей, началъ раз-
давать ордена духовнымъ лицамъ. Это нововведеніе многимъ
не понравилось. Люди, преданные прежнимъ церковнымъ обы-
чаямъ, и люди, подобные Шишкову, относились съ негодова-
ніемъ къ этому, въ сущности, невинному нововведенію *). Пла-
тонъ, митрополитъ Московскій, открыто протестовалъ противъ

*) „Это, замѣчаетъ Шишковъ въ своихъ запискахъ, завелось при Павлѣ. Ни Петръ I, ни Екатерина II, оба великіе, не жаловали монаховъ, ни лека-
рей въ коняки (имя кавалеръ происходитъ отъ слова cavallo — конь, лошадь).
Они справедливо разсуждали, что званіи сіи носятъ на себѣ врачи душъ и тѣ-
лесъ человѣческихъ, и что первые изъ нихъ смиренномудріемъ и благочестіемъ,
а другіе искусствомъ науки своей и челоуколюбивымъ о больныхъ попеченіемъ
должны приобрѣтать почтеніе и любовь народную. Дмитрій Ростовскій, Гермогенъ,
Палицынъ не были кавалерами, но память ихъ не престанетъ гремѣть и благо-
словляться между потомками. Платонъ при письмѣ возвратилъ Павлу присланный
отъ него Александровскій орденъ, сказавъ, что при божественномъ на груди его
знакѣ Христа Спасителя другіе свѣтскіе знаки отличія не могутъ быть совмѣстны;
но Павелъ съ гнѣвомъ и угрозами принудилъ его принять оный. Сожалѣтельно, что
сей достопочтенный архипастырь не возобновилъ о семъ, хотя бы и безусловно,
представленія своего Александру I“. Шишковъ, Записки, т. I. стр. 85 и 86.

пожалованія орденовъ духовнымъ лицамъ и подвергся за то сильному гнѣву своего августѣйшаго ученика. Далекое не такъ рѣшительно поступилъ митрополитъ Петербургскій, Гавріилъ. Онъ долго недоумѣвалъ, сообразно-ли съ его саномъ быть орденовымъ кавалеромъ и надѣлъ голубую ленту не прежде, какъ получили рѣшительный приказъ государя. Совершенно иначе поступилъ ловкій и свѣтскій Амвросій. Въ самый день пожалованія его въ александровскіе кавалеры, ему пришлось по очереди служить панихиду надъ тѣломъ Императрицы. Онъ явился въ Зимній дворецъ въ бархатной рясѣ съ пришитою къ ней звѣздою и съ красною лентою черезъ плечо. Павелъ остался чрезвычайно доволенъ и съ тѣхъ поръ карьера Амвросія была обезпечена. Уже въ 1799 году онъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа Петербургскаго и назначенъ первоприсутствующимъ въ Св. Синодѣ, а спустя годъ послѣ того утвержденъ въ высокомъ санѣ митрополита. На этомъ новомъ высокомъ поприщѣ Амвросій остался тѣмъ-же свѣтскимъ и ловкимъ человѣкомъ, какимъ былъ онъ и первоначально. Интересы чисто церковныя, религіозныя стояли для него, очевидно, на второмъ планѣ. Онъ былъ человѣкъ, въ сущности, добрый, но въ тоже время легкомысленный и откровенный до болтливости. Онъ былъ большой поклонникъ искусства и собралъ великолѣпную коллекцію картинъ *). Страсть къ пышности и роскошной обстановкѣ вводила его въ огромные расходы, причиняла ему страшныя непріятности, послужила, наконецъ, причиною его окончательнаго паденія, но онъ никакъ не могъ отречься отъ нея. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, Амвросій смотрѣлъ сквозь пальцы на злоупотребленія, давно уже вкравшіяся въ синодальное дѣлопроизводство, и, какъ утверждали враги его, дѣлился даже съ своими сочленами и секретарями различными излишками, въ томъ числѣ и громадною суммою въ 100,000 рублей, остававшейся еже-

*] Пополненію этой коллекціи содѣйствовалъ, между прочимъ, и оберъ-прокуроръ Яковлевъ. Исторія о Рубенсовой Мадоннѣ, подаренной имъ Амвросію, свидѣтельствуетъ, что Яковлевъ пытался одно время сойтись съ митрополитомъ. Результатъ былъ, однако, печальный: „поправилась ему у меня Рубенсовой работы Богоматерь, стоящая 1,000 р.; тотчасъ я ему оную подарилъ; она у него и до днесь виситъ на стѣнѣ, но онъ за то не сталъ тише“. Записки Яковлева, стр. 94.

годно отъ 1.400,000 рублей, ассигнованныхъ на содержаніе духовнаго департамента. Относясь вообще крайне безучастно къ дѣламъ церковнымъ и являясь ожесточеннымъ врагомъ всякихъ преобразованій не столько, впрочемъ, изъ нерасположенности къ нимъ, сколько изъ лѣни, Амвросій сохранялъ, однако-же, и въ это время то нравственное мужество, которому онъ былъ обязанъ своимъ первоначальнымъ возвышеніемъ. Его смѣлый образъ дѣйствій по отношенію къ могущественному временщику Палену *) вызвалъ въ свое время всеобщее изумленіе и обратилъ на него благосклонное вниманіе самого Императора Александра. Быть можетъ, эта самая черта въ характерѣ Амвросія дала ему возможность сохранять такъ долго свое выдающееся положеніе, не смотря на всѣ свои недостатки и упущенія, хорошо извѣстныя государю.

Какъ-бы то ни было, но и остальные члены Синода не могли по своимъ личнымъ качествамъ восполнять недостатки митрополита и направлять его на настоящій путь. Тутъ засѣдали во-первыхъ такіе нѣмые члены, какъ Варлаамъ Грузинскій **), почти вовсе не знавшій русскаго языка, — какъ духовникъ государя, протопресвитеръ Петровичъ, человекъ старый, больной, преклонявшійся во всемъ передъ митрополитомъ, — какъ племянникъ Амвросія, Павелъ Яковлевичъ Озерцковскій *), „оберъ-священникъ арміи и флота“, само собою понятно, покорное орудіе своего дяди. Тутъ былъ затѣмъ человекъ совершенно иного закала, Ириней, архіепископъ Псковскій **), замѣчательный ученый, превосходный знатокъ гре-

*) См. между прочимъ: Морошкинъ, „Іезуиты въ Россіи“, т. II стр. 13, 14; Bernhadi, Geschichte Russlands. Т. 2, 2 часть., стр. 452.

**) Яковлевъ, оберъ-прокуроръ св. Синода, характеризуетъ его такимъ образомъ. „Варлаамъ Грузинскій, пресмыкающійся въ Невскомъ монастырѣ, на хлѣбахъ у митрополита, не имѣя что вѣсть, какъ безмолвная кукла, которую митрополитъ посадилъ членомъ, дабы имѣть вѣсто одного для голоса. Онъ во все время присутствованія (1801 — 1808 года) не отверзалъ усть. На грузинскомъ языкѣ, можетъ быть, и умелъ, но по-русски подписываетъ, не читая, что ни великъ митрополитъ“.

*) Яковлевъ называетъ Озерцковскаго лукавымъ и наглымъ попомъ и объясняетъ всѣ его дѣйствія самыми низкими и корыстными побужденіями. Записки, стр. 102. Духовникъ государя, по словамъ Яковлева, былъ добрый и глухой человекъ, чрезмерно преданный бахусу. Записки, 103 стр.

**); Ириней Яковлевъ называетъ человекомъ добрымъ, но упрекаетъ его также

ческаго языка, переводчикъ Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина и другихъ отцовъ Церкви, авторъ толкованій на разныя библейскія книги. Иринеи былъ человекъ вполне кабинетный. Мало знакомый съ дѣлами, добрый, мягкій, онъ не способенъ былъ протіворѣчить въ чемъ-бы то ни было митрополиту и покорно подписывалъ все, что предлагали ему.

Наиболѣе выдающимся членомъ Св. Синода, при воцареніи Императора Александра, былъ архіепископъ Ярославскій Павелъ. Человекъ замѣчательно даровитый, но въ то же время вспыльчивый и непреклонный характеромъ, неуживчивый Павелъ, по словамъ своихъ враговъ, былъ не только мстителемъ и корыстолюбивъ, но также золь, скрытенъ и великій мастеръ въ интригахъ *). Вмѣстѣ съ митрополитомъ онъ являлся главнымъ заправилою всѣхъ синодскихъ дѣлъ, быть можетъ, даже главнѣйшимъ виновникомъ всѣхъ упущеній и злоупотребленій.

Чрезвычайно важное мѣсто оберъ-прокурора Св. Синода, при вступленіи на престолъ Александра I, занималъ графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, извѣстный авторъ неуклюжихъ и нелѣпыхъ стихотвореній, вызывавшихъ тогда всеобщія насмѣшки. Обязанный своимъ высокимъ положеніемъ простому случаю,—онъ былъ женатъ на племянницѣ знаменитаго Суворова,—Хвостовъ былъ оберъ-прокуроромъ только по имени, никогда не занимался дѣлами и предоставлялъ все или самимъ членамъ, или оберъ-секретарямъ. Изъ этихъ послѣднихъ пользовался особеннымъ значеніемъ Пуколовъ, любимецъ Амвросія, какъ увѣряютъ современники, человекъ не честный и страшный взяточникъ.

Таковъ былъ личный составъ Св. Синода въ началѣ царствованія Императора Александра I. Само собою понятно, что ни митрополитъ Амвросій, ни его духовные со-

---

въ нетрезвости и въ полнѣйшей зависимости отъ митрополита. Приводимъ всѣ эти отзывы, между прочимъ, и для характеристички манеры Яковлева.

*) Яковлевъ слѣдующимъ образомъ сравниваетъ Павла и Амвросія: „Павелъ Ярославскій ничѣмъ не лучше перваго, также мстителемъ, корыстолюбивъ, приверженъ къ разнымъ порокамъ, какъ и митрополитъ. Но первый не уменъ, малочуствъ, легкомысленъ, расположенъ къ мягкосердію и откровененъ даже до болтливости; второй—чрезвычайно золь, скрытенъ, упрямъ, лукавъ, уменъ, многосвѣдущъ, а ваяпаче въ приказныхъ ябедахъ“. Записки стр. 102.

члены, ни свѣтская прокуратура не въ состояніи были принять на себя починъ въ дѣлѣ нравственнаго и матеріальнаго поднятія русской Церкви и русской церковной школы. Довольные настоящимъ положеніемъ дѣлъ, они готовы были скорѣе мѣшать всякимъ нововведеніямъ, тормозить всякую попытку преобразованія, нежели сочувствовать имъ. Иное дѣло высшая государственная власть, иное дѣло верховный представитель ея, Императоръ Александръ I. Какъ ни слабо было религіозное чувство Александра въ первые годы его царствованія, какъ ни мало придавалъ онъ значенія вопросамъ чисто церковнымъ, по все-же отъ его вниманія не могли укрыться такія печальныя и вопіющія явленія, какъ безправное и бѣдственное положеніе массы православнаго духовенства, какъ жалкое, почти нищенское положеніе церковной школы. Уже въ 1802 году, въ то самое время, когда начато было преобразованіе свѣтскихъ училищъ, въ дружественномъ либеральномъ кружкѣ, окружавшемъ Императора, заговорили впервые о необходимости преобразовать духовныя училища, а также улучшить положеніе духовенства. Положено было подготовить сначала почву для этихъ преобразованій въ самомъ Синодѣ. Никуда негодный Хвостовъ уволенъ былъ съ почетомъ въ отставку и должность оберъ-прокурора была предоставлена дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Алексѣевичу Яковлеву, рекомендованному государю всемогущимъ тогда Новосильцевымъ.

Яковлевъ былъ человекъ энергическій, свѣдущій, дѣятельный, но въ то же время настоящій бюрократъ, чиновникъ съ головы до ногъ. Порядокъ, законность, форма стояли для него на первомъ планѣ. Властолюбіе его не знало границъ, въ вспыльчивости, въ мстительности онъ не уступалъ злѣйшему своему врагу, епископу Павлу. Его записки, въ которыхъ онъ выставляетъ себя мученикомъ, единственнымъ честнымъ человекомъ среди сонма грабителей и разбойниковъ, пропитаны ядовитою желчью, содержатъ въ себѣ настоящій обвинительный актъ противъ членовъ Святѣйшаго Синода. На свою задачу оберъ-прокуроръ смотрѣлъ, какъ на задачу слѣдователя и разоблачителя преступленій. Онъ открылъ дѣйствительно не

мало упущеній и злоупотребленій, но своими частыми допосами надоѣлъ, наконецъ, государю и былъ уволенъ въ отставку уже по прошествіи девяти мѣсяцевъ. *)

Какъ мало интересовался тогда Императоръ церковными дѣлами, видно изъ того, что почти всѣ открытія и доносы Яковлева остались безъ важныхъ послѣдствій. Одинъ только Павелъ Ярославскій, дѣйствовавшій уже слишкомъ неосторожно въ препирательствахъ съ оберъ-прокуроромъ, удаленъ былъ отъ присутствованія въ Синодѣ. Все остальное осталось по старому. Яковлевъ на ряду съ дѣлами мелочными подымалъ, впрочемъ, и одинъ вопросъ большой важности. Одно время, съ представленіемъ о новомъ изданіи регламента духовнаго, онъ высказалъ мысль о необходимости напечатать всѣ книги Св. Писанія на общепонятномъ русскомъ языкѣ. Какъ же отнесся государь къ этой столь дорогой, столь завѣтной для него впослѣдствіи мысли? Очевидно, что книга книгъ не имѣла въ это время для Александра и сотой доли того значенія, которое получила она для него въ тяжкую годину испытанія, въ тѣ страшныя минуты, когда тщета всѣхъ силъ и средствъ человѣческихъ предстала предъ нимъ во всей своей страшной наготѣ. Когда Яковлевъ доложилъ о своемъ проектѣ государю, то Александръ далъ ему понять, что рѣшеніе этого дѣла зависитъ исключительно отъ Синода. Самъ съ своей стороны онъ не усматривалъ препятствія къ переводу и изданію Библии, но относился ко всему этому предпріятію съ видимымъ равнодушіемъ **). Митрополитъ Амвросій, къ которому обратился вслѣдъ затѣмъ Яковлевъ, встрѣтилъ его проектъ съ открытымъ недоброжелательствомъ. Если вѣрнѣе оберъ-прокурору, то Амвросій не нашелъ иныхъ возраженій противъ его доводовъ, кромѣ того, что непонятный языкъ Библии казался ему даже необходимымъ условіемъ для охраненія чистоты Св. Писанія, что онъ считалъ нужнымъ держать народъ въ ослѣпленіи ***). Мы не знаемъ, какъ посмотрѣлъ Але-

*) См. Записки Яковлева стр. 103—112.

**), „Докладывалъ я о томъ государю, и онъ изволилъ отозваться, что если Синодъ не найдетъ въ томъ противнаго, то онъ съ своей стороны не позволитъ воспрепятствовать.“ Записки, стр. 101.

***), „Митрополитъ не нашелъ, однакожь, много опроверженія противъ моихъ

ксандръ на такіе доводы митрополита, но уже одно то обстоятельство, что онъ удовлетворился ими, ясно показываетъ, на какой степени религіознаго развитія находился въ то время Александръ.

Мѣсто Яковлева замѣщено было въ скоромъ времени однимъ изъ ближайшихъ друзей и любимцевъ государя, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Назначеніе характерное и знаменательное во всѣхъ отношеніяхъ! Голицынъ былъ назначенъ сначала оберъ-прокуроромъ, а впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія и исповѣданій *). Въ его рукахъ соединены были, такимъ образомъ, всѣ духовные интересы разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія Имперіи. Охранѣ одного и того-же лица подчинена была, на ряду съ католичествомъ, лютеранствомъ, исламомъ, и православная господствующая Церковь. Явленіе любопытное, бросающее яркій свѣтъ на тогдашній образъ мыслей Императора Александра и выдающихся его совѣтниковъ! Кто-же такой былъ князь Голицынъ и какихъ убѣжденій держался онъ? **) Молодому сановнику было въ то время около тридцати лѣтъ. Выспшему петербургскому обществу онъ былъ извѣстенъ своими безукоризненными свѣтскими манерами, своими усилъхами на паркетѣ, остроуміемъ, бойкостью рѣчи и щегольствомъ. Обязанный своимъ возвышеніемъ и всею своею карьерою тому чисто случайному обстоятельству, что онъ еще въ дѣтствѣ попалъ въ число сверстниковъ Александра, приобрѣлъ уже тогда его личное расположеніе и сумѣлъ удержать его навсегда, князь Александръ Николаевичъ изучилъ лишь одну науку царедворскую. Не было ему равнаго въ искусствѣ хитрить, лавировать между лицами и партіями. Онъ не зналъ основательно ничего и не имѣлъ, строго говоря, никакихъ собственныхъ убѣжденій. У другихъ совѣтниковъ Александра были свои политическіе и философскіе идеалы. Новосильцовъ и Кочубей были, напримѣръ, англomanы и мечтали

доводовъ, какъ только, что самое то мистическое состояніе Библіи (т. е. непонятность языка) есть необходимѣйшее для народа, который подъ видомъ откровенности необходимо нужно содержать въ ослѣвленіи⁴⁴. Записка Яковлева, стр. 101.

*) Въ 1810 г.

**) О Голицынѣ, кромѣ Шпына и другихъ, см. также Морозкина, „Иезуиты въ Россіи“, т. II, стр. 30.

перестроить Россію на англійскій образецъ. Сперанскій былъ большой поклонникъ Наполеоновскаго кодекса и стройной системы французской бюрократіи. У князя-же Голицына не было ровно никакихъ опредѣленныхъ идей, за исключеніемъ, быть можетъ, какого-то общаго, неяснаго стремленія просвѣщать и цивилизовать. Въ религіозномъ отношеніи Голицынъ былъ настоящій младенецъ, онъ не имѣлъ никакого яснаго понятія ни о православіи, ни о другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ. Въ головѣ его, по вѣрному замѣчанію Морошкина, уживались всевозможныя религіозныя вѣрованія, какъ-бы противорѣчивы они ни были. Онъ попадалъ то и дѣло въ руки различныхъ сектантовъ и шарлатановъ, служилъ, самъ не сознавая того, орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Какую роль могъ играть подобный человѣкъ во главѣ Синода? Какъ любимецъ и довѣренное лицо государя, онъ могъ выступать, разумѣется, съ несравненно большимъ авторитетомъ, нежели его предшественникъ, могъ легко и скоро положить предѣлъ всякимъ препирательствамъ и всякой оппозиціи; но пойти далѣе этого, явиться руководителемъ въ дѣлахъ болѣе важныхъ, какъ напримѣръ въ вопросахъ объ улучшеніи быта духовенства или поднятіи церковной школы, онъ былъ не въ состояніи.

Первый изъ этихъ вопросовъ, хотя и, быть можетъ, наиболѣе настоятельный, былъ, правда, поднятъ офиціально, но оставленъ безъ всякаго разрѣшенія; второй былъ подвинутъ послѣ долгихъ тщетныхъ усилій и проектовъ значительно впередъ, но не княземъ Голицынымъ, а другимъ болѣе сильнымъ человѣкомъ, Сперанскимъ. Благодаря неутомимой дѣятельности Сперанскаго и его организаторской способности, найдены были, наконецъ, достаточныя денежныя средства для преобразованія и поднятія духовныхъ училищъ, составленъ и утвержденъ самый планъ преобразованія, приступлено даже къ его практическому осуществленію. Императоръ Александръ отнесся сочувственно къ начатой реформѣ, но мы бы совершенно ошиблись, если бы вздумали предполагать, что это сочувствіе вытекало у него изъ религіознаго источника. Императоръ смотрѣлъ на это дѣло точно также, какъ и Сперанскій, т. е. исключительно съ точки зрѣнія государственной пользы. Преоб-

разованныя церковныя школы должны были готовить годныхъ чиновниковъ, людей болѣе крѣпкаго закала, нежели тѣ, которыхъ давали только что возникающія высшія свѣтскія училища. Интересъ государства, интересъ создаваемой имъ бюрократіи, стоялъ для Сперанскаго положительно выше интереса церковнаго. Къ этому послѣднему великій дѣятель, вышедшій изъ среды духовенства, относился съ замѣчательною холодностью. Какъ мало понималъ онъ духъ православной Церкви и міросозерцаніе народа русскаго, видно изъ того, что онъ хлопоталъ о введеніи въ Россіи гражданскаго брака на образецъ Франціи. Какъ безразлично относился онъ къ печальному и во многихъ отношеніяхъ безправному положенію того сословія, изъ котораго вышелъ онъ самъ, ясно изъ того, что онъ не сдѣлалъ ничего для устраненія того неестественнаго положенія, въ силу котораго духовенство господствующей Церкви поставлено было во всѣхъ отношеніяхъ далеко не такъ выгодно, какъ служители не только другихъ христіанскихъ исповѣданій, но даже и самого мусульманства.

Указывая на это послѣднее обстоятельство, мы касаемся, быть можетъ, одной изъ важнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ чертъ всей религіозной системы первой половины царствованія Александра I. Что русское правительство этой эпохи блюло во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе интересы лютеранскихъ пасторовъ, католическихъ ксендзовъ и татарскихъ муллъ, нежели интересы православнаго духовенства, вытекало, разумѣется, всецѣло изъ того философскаго принципа вѣротерпимости, который лежалъ въ основѣ всего міровоззрѣнія Императора Александра и его выдающихся совѣтниковъ. Религія занимала, очевидно, во всей ихъ системѣ мѣсто второстепенное, она должна была служить цѣлямъ, въ сущности, ей чуждымъ, — цѣлямъ частью чисто государственнымъ, частью образовательнымъ. Разсматриваемая съ таковой точки зрѣнія всякая религія, всякая церковь, за исключеніемъ грубаго шаманизма, являлась одинаково полезною и необходимою, заслуживала одинаковаго поощренія и поддержки. Особеннымъ покровительствомъ должны были пользоваться, по этому взгляду, тѣ церковныя учрежденія и общества, которыя обладали наибольш-

шею образовательною силою, которыя могли болѣе содѣйствовать правительству въ его цивилизаторскихъ, просвѣтительныхъ стремленіяхъ. Лютеранскіе пасторы были образованнѣе, по ходячему мнѣнію, православныхъ священнослужителей; естественно, что они должны были пользоваться болѣшими правами и льготами, нежели эти послѣдніе. И вотъ, мы видимъ, что пасторы въ остъ-зейскихъ губерніяхъ имѣли свои имѣнія, что въ пользу ихъ установлены были особые сборы съ прихожанъ, что отъ этихъ сборовъ не освобождены были даже православные обыватели края. Римско-католическое духовенство пользовалось также, и опять въ силу того-же культурнаго преимущества, полною автономіею, широкими привилегіями, владѣло колоссальною поземельною собственностью и сотнями тысячъ крѣпостныхъ.

Что вѣротерпимость русскаго правительства вытекала изъ указаннаго выше источника, что вѣротерпимость эта походила какъ одна капля воды на другую, на индифферентизмъ, сомнѣваться въ этомъ мы не будемъ имѣть ни малѣйшаго основанія, если обратимъ вниманіе на одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ церковной политики Императора Александра, на его отношенія къ ордену іезуитовъ. *) Какъ ученикъ Лагарпа, какъ питомецъ философіи XVIII вѣка, Александръ не могъ, повидимому, относиться сочувственно къ общинѣ Игнатія Лойолы, а прошлая исторія іезуитовъ въ Россіи, баснословные подвиги, совершенные ими въ два предшествующія царствованія, должны были, казалось, побудить его отнести къ отцамъ іезуитамъ, если и не съ враждою, то по крайней мѣрѣ, съ величайшею осторожностью и бдительностью. Александръ и его совѣтники должны были, разумѣется, знать, какъ мало сочувствовала Екатерина Великая ордену іезуитовъ и какъ ловко съумѣли однако-же обойти знаменитую Императрицу почтенные сыны Лойолы. Іезуиты облеклись тогда такъ искусно въ покровъ

*) „Исторія іезуитскаго ордена въ Россіи разработана самымъ подробнымъ и тщательнымъ образомъ Морошканинымъ въ его „Исторіи іезуитовъ въ Россіи“. Кромѣ того имѣетъ еще значеніе исторія католицизма въ Россіи Толстаго, томъ 2-й. Бернгарди въ своей „Исторіи Россіи“ пользуется почти исключительно Морошканинымъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія даетъ историкъ іезуитовъ, Кретпножолъ. См. также статьи Шипина и другихъ.

вѣрнѣйшихъ подданныхъ россійской Самодержицы, что Екатерина, предписывавшая вначалѣ своимъ намѣстникамъ во вновь прибрѣтенныхъ отъ Польши краяхъ наблюдать съ особеннымъ вниманіемъ за іезуитами, этими коварнѣйшими изъ всѣхъ латинскихъ монаховъ, вскорѣ начала считать ихъ сама за первыхъ сторонниковъ Россіи, взяла подъ свое покровительство ихъ орденъ и запретила обнародовать въ своей Имперіи папскую булу, обрекавшую на уничтоженіе ихъ орденъ.

Еще дальше пошли іезуиты при преемникѣ Екатерины, Павлѣ Петровичѣ. Уже они напали возможность свить себѣ гнѣздо въ Петербургѣ, уже наиболѣе ловкій изъ нихъ, патеръ Груберъ, *) успѣлъ проникнуть въ близкій кружокъ Императорской семьи, сдѣлаться близкимъ и довѣреннымъ лицомъ самого Императора Павла. Трудно представить себѣ болѣе искуснаго и ловкаго человѣка, какъ этотъ знаменитый въ свое время іезуитъ. Родомъ австріецъ, членъ Полоцкой коллегіи іезуитовъ, онъ является въ Петербургъ подъ маскою ученаго, предлагаетъ на разсмотрѣніе академіи наукъ изобрѣтенный имъ ткацкій станокъ, втирается во всѣ аристократическіе кружки столицы, проникаетъ, наконецъ, въ качествѣ случайнаго зубнаго врача во дворецъ и предлагаетъ свои услуги Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Цѣлебныя средства патера оказали чудодѣйственное дѣйствіе **). Императрица излечилась отъ зубной боли и благодарный Павелъ хотѣлъ наградить іезуита орденомъ. Отецъ Груберъ съ благодарностью отклонилъ предложенную ему высокую честь, но онъ добился въ тоже время несравненно высшаго: онъ сдѣлался близкимъ и довѣреннымъ лицомъ Павла, кабинетъ государя былъ от-

*) О Груберѣ кромѣ Морошкина см. Biographisches Lexicon des Kaiserthums Oestterreich von Wurzbach 5 Theil, гдѣ помѣщена подробная біографія знаменитаго патера. Другіе источники перечислены у Морошкина, т. I, ст. 367.

***) Груберъ былъ, что говорится, мастеръ на всѣ руки. Въ Полоцкомъ коллегіумѣ онъ преподавалъ архитектуру, механику, физику и обогатилъ тамошній физическій кабинетъ многими инструментами своего изобрѣтенія. Въ тоже время онъ былъ математикъ, историкъ, химикъ, музыкантъ, кандитеръ (Павелъ былъ въ восторгѣ отъ шоколада, который приготавлиалъ ему собственно-ручно Груберъ), языковѣдъ и живописецъ. Наружность Грубера была самая типическая: маленькая сутоловатая фигура, огромная, заостренная къ верху голова, сверкающіе, лѣчно опущенные глаза, скромная, какъ будто робкая поступь. Такъ изображаютъ его очевидцы.

крыть для него во всякое время. Утвердившись въ милости Императора, о. Груберъ старался постепенно и незамѣтно внушить ему самое высокое понятіе о всеспасающемъ значеніи братства Іисуса въ страшныя эпохи всеобщаго шатанія и революціонныхъ бурь. Одни іезуиты, доказывалъ онъ, могутъ возвратить умамъ утраченную стойкость и нравственность, одни они могутъ воспитать юношество въ духъ смиренія и повиновенія властямъ предержащимъ, одни они могутъ воскресить исчезнувшее уваженіе къ существующей государственной власти, къ законнымъ, освященнымъ вѣками формамъ, учрежденіямъ, правамъ. Чтобы спасти общество, чтобы предупредить проникновеніе революціоннаго яда въ Россію, надо, слѣдовательно, предоставить прежде всего воспитаніе знатнаго русскаго юношества іезуитамъ. Что можетъ помѣшать іезуитамъ дѣйствовать и въ Россіи на поприщѣ воспитанія также благотворно, какъ дѣйствовали они въ свое время въ другихъ странахъ? Развѣ отцы іезуиты могутъ чѣмъ либо повредить интересамъ господствующей греко-россійской Церкви: развѣ ученіе и догматика этой Церкви расходятся въ чемъ либо существенномъ съ римскимъ католицизмомъ, — развѣ рознь, возникшая между ними, не отличается чисто внѣшнимъ іерархическимъ характеромъ, — развѣ обѣ христіанскія церкви, восточная и западная, не обязаны соединить всѣ свои силы для отпора одному общему врагу ихъ, духу отрицанія, невѣрія, революціи?

Проповѣди и внушенія о. Грубера падали на хорошо подготовленную почву. И Императоръ Павелъ, и русская знать не могли сомнѣваться въ непреложности доводовъ ученаго и ловкаго патера. Это было то время, когда страхъ передъ революціею заступилъ мѣсто прежняго страха передъ вѣчными муками ада, когда забота о спасеніи земныхъ благъ и преимуществъ оттѣснили на второй планъ заботу о спасеніи душъ. Вскорѣ о. Груберъ началъ казаться Императору настоящимъ оракуломъ премудрости, вскорѣ онъ началъ выслушивать его мнѣнія даже въ первостепенныхъ вопросахъ чисто политическаго свойства. Молва о вліяніи, о силѣ о. іезуита быстро разнеслась по всему міру, сильные и сильнѣйшіе міра сего начали заискивать Грубера. Самъ первый консуль француз-

ской республики, страшный Наполеонъ Бонапарте, обращался съ собственноручными письмами къ Груберу, убѣждалъ его содѣйствовать въ видахъ религіи сближенію между Россією и Францією. О. Груберъ внялъ этимъ просьбамъ. Съ своей стороны онъ сдѣлалъ все для устройства русско-французскаго соглашенія и оказалъ тѣмъ, по свидѣтельству новѣйшаго апологета и историка ордена іезуитовъ, Кретино-Жоли *), двойную услугу католицизму и возстановителю алтарей во Франціи.

Содѣйствуя, такимъ образомъ, рѣшенію вопросовъ высшей политики, о. Груберъ не упускалъ въ тоже время изъ виду и достиженія своихъ ближайшихъ цѣлей. Прежде всего онъ старался подчинить своему ордену римско-католическую церковь въ Россіи и обратить ее въ покорное орудіе іезуитовъ. Задача нелегкая, особливо если вспомнимъ, что во главѣ этой церкви стоялъ еще со временъ Екатерины человѣкъ въ высшей степени энергическій, умный, образованный и притомъ заклятый врагъ іезуитовъ, архіепископъ Могилевскій, Сестренцевичъ-Богушъ **). По волѣ Екатерины, подтвержденной затѣмъ самимъ Павломъ, Сестренцевичу-Богушу предоставлены были самыя широкія полномочія; ему подчинены были безусловно всѣ католическіе ордена въ Россіи, въ томъ числѣ и сами іезуиты. Не смотря на безусловную благонамѣренность Сестренцевича, не смотря на искреннюю преданность этого почтеннаго прелата интересамъ Россіи, о. Груберъ напелъ, однакоже, пути и возможность очернить и оклеветать его въ глазахъ Императора. При этомъ самъ іезуитъ оставался въ сторонѣ ***). Доносы, всевозможныя клеветы на Сестренцевича поступали въ кабинетъ Павла чуть не каждый день; они шли изъ самыхъ различныхъ мѣстъ, въ

*) Кретино-Жоли прямо выставляетъ Грубера главнымъ совѣтникомъ Павла въ дѣлѣ русско-французскаго союза. *Histoire de la compagnie de Jesus, par Crétineau-Joly*. Т. 5, стр. 499

**) Сестренцевичъ, по своему характеру и образу мыслей, представлялъ единственное исключеніе въ средѣ латинскихъ прелатовъ. Умный, высокообразованный, гуманный, чуждый всякаго фанатизма и нетерпимости, онъ сознавалъ превосходно обязанности гражданина и, будучи католическимъ прелатомъ, сумѣлъ быть въ тоже время вѣрнѣйшимъ подданнымъ русскихъ государей. См. Морощкинъ, т. 2, стр. 48.

***) Объ интригѣ противъ Сестренцевича подробнѣе всѣхъ говоритъ Морощкинъ. Т. I. стр. 381 и слѣд.

томъ числѣ и изъ Рима. Сестренцевича обвиняли въ подозрительномъ образѣ мыслей, въ ненависти къ монархическому принципу; ему приписывали самые чудовищные революціонные замыслы; утверждали, что онъ стремится подчинить безусловно своей власти всю латинскую іерархію, утвердить свой авторитетъ надъ многочисленнымъ католическимъ населеніемъ Западнаго края Россіи, съ измѣнническою цѣлью отторженія этого края отъ Имперіи. Какъ ни лживы были всѣ эти внушенія, но Императоръ, подпавшій уже подъ окончательное вліяніе Грубера, мало-по-малу убѣдился въ ихъ основательности. Сестренцевичъ-Богущъ и его покровитель, графъ Растопчинъ, вдругъ впали въ немилость. Растопчинъ былъ удаленъ отъ двора и высланъ въ Москву, Сестренцевичъ выгнанъ внезапно изъ своей квартиры при католической церкви св. Екатерины въ Петербургѣ и ему запрещенъ пріѣздъ ко двору. Вслѣдъ затѣмъ явился Императорскій указъ, предоставлявшій церковь Св. Екатерины, со всѣми ея пристройками и богатыми доходами, около 18,000 рублей въ годъ, въ полную собственность іезуитовъ. Спустя нѣсколько дней о. Груберъ представилъ Императору длинный проскрипціонный списокъ лицъ, осмѣливавшихся порицать указъ въ пользу іезуитовъ. Въ списокѣ значилось 27 именъ. Во главѣ всѣхъ фигурировалъ Сестренцевичъ, за нимъ слѣдовали всѣ тѣ члены католическаго департамента, которые осмѣливались высказать свои сомнѣнія по поводу законности передачи церкви св. Екатерины іезуитамъ. Павелъ, не терпѣвшій ни малѣйшаго противодѣйствія своимъ распоряженіямъ, не допускавшій даже мысли о ихъ критикѣ, вышелъ по обыкновенію изъ себя; пробѣжавъ списокъ и выслушавъ коварныя внушенія іезуита, онъ тотчасъ-же распорядился о примѣрномъ наказаніи ослушниковъ своей высочайшей воли. Сестренцевичъ былъ высланъ въ свое имѣніе въ Могилевской губерніи *) и водворенъ тамъ подъ строжайшимъ полицейскимъ надзоромъ. Ему запрещено было принимать ко-

*) Сестренцевичъ былъ водворенъ сначала въ имѣніи Буйничихъ близъ Могилева, гдѣ онъ пользовался сравнительною свободою; затѣмъ по новымъ навітамъ Грубера онъ былъ сосланъ въ м. Малютчи, за 80 верстъ отъ Могилева, гдѣ уже находился подъ строжайшимъ надзоромъ. Морошкнъ, томъ I, стр. 408, 419.

го-бы то ни было, получать или отправлять письма. Всѣ члены католическаго департамента, рѣшившіеся оспаривать законность Императорскаго указа, лишились своихъ мѣстъ и были высланы изъ Петербурга въ отдаленныя губерніи. Самая страшная участь постигла Полоцкаго епископа Одинца, единственно за то, что онъ осмѣлился обратиться къ Сестреничичу съ сочувственнымъ письмомъ. Его бросили безъ слѣдствія и суда въ рavelинъ Петро-Павловской крѣпости *). Мѣста всѣхъ удаленныхъ и изгнанныхъ заняты были іезуитами; должность предсѣдателя католическаго департамента представлена была, по рекомендаціи Грубера, Могилевскому коадьютору, іезуиту Бениславскому. Груберъ достигъ первой изъ своихъ цѣлей: католическая церковь въ Россіи была подчинена безусловно іезуитамъ.

Новые господа не замедлили воспользоваться своею властью. Прежде всего они издали новый регламентъ для католической церкви въ Россіи **). Регламентъ этотъ измѣнялъ самымъ радикальнымъ образомъ существующій порядокъ; онъ наносилъ страшный ударъ епископской власти, освобождалъ изъ-подъ нея всѣ монастыри и монашескіе ордена, возстановлялъ орденскіе капитулы, давалъ монастырямъ право избирать самостоятельно своихъ настоятелей, поручалъ надзоръ за монастырскими имѣніями и монашескою дисциплиною орденскимъ провинціаламъ, избираемымъ самими орденами и отнималъ, въ заключеніе, у епископовъ всякое право суда надъ монахами. Давая такую полную автономію монашескимъ орденамъ, іезуиты имѣли, разумѣется, прежде всего въ виду самихъ себя и положеніе своего ордена. Положеніе это сдѣлалось теперь во всѣхъ отношеніяхъ господствующимъ, исключительнымъ. Новый Императорскій указъ давалъ іезуитамъ полномочіе увеличивать, по собственному усмотрѣнію, число своихъ резиденцій и воспитательныхъ заведеній; онъ предписывалъ въ то же время сенату возвращать іезуитамъ, при открытіи ими каждаго новаго учрежденія, соотвѣтственную часть изъ преж-

*) См. трогательное письмо Одинца къ генераль-прокурору Оболянинову у Морозкина, т. I, стр. 416—418.

**) Регламентъ этотъ помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ 1800 г. декабря 11, № 19684.

нихъ имѣній ихъ ордена. Іезуиты спѣшили воспользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ этою новою царскою милостію. Они принялись раскидывать свои сѣти по всей Имперіи; повсюду, гдѣ жило хотя нѣсколько католиковъ, возникали какъ грибы іезуитскія резиденціи и миссіи. О. Груберъ и его товарищи мечтали уже о самой широкой пропагандѣ среди православнаго населенія. Великое, необъятное будущее открывалось передъ ихъ глазами. Уже самъ папа, снисходя на ходатайство Императора Павла, возстановилъ орденъ іезуитовъ въ Россіи. *) Уже Груберъ отважился представить самому Императору проектъ воссоединенія церквей, когда внезапная кончина Павла разстроила, повидимому, всѣ планы іезуитовъ и грозила разрушить все, созданное ими.

Характеръ новаго Императора и хорошо извѣстный всѣмъ образъ его мыслей не предвѣщали, казалось, ничего добраго братству Лойолы. Школа, которую проходилъ молодой Александръ, была самая враждебная іезуитамъ; идеи, развитыя въ немъ его воспитателями, должны были отталкивать его самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ братства Іисуса. Александръ являлся пламеннымъ поборникомъ просвѣщенія, свободы, вѣротерпимости, гуманности; естественно было ожидать, что онъ отвернется съ отвращеніемъ отъ учрежденія, преслѣдовавшаго самыя узкія церковныя цѣли, порожденнаго духомъ фанатизма и нетерпимости, осуждавшаго и преслѣдовавшаго свободу и гуманность во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, ни малѣйшему сомнѣнію, что Александръ долженъ былъ нанести, въ силу своихъ убѣжденій, рѣшительный ударъ іезуитскому ордену, но несомнѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что, благодаря уже хорошо извѣстнымъ намъ свойствамъ его характера, онъ не давалъ никогда полной воли своимъ убѣжденіямъ, ограничивался въ большинствѣ случаевъ полумѣрами, останавливался на половинѣ пути, подчинялся нерѣдко такимъ вліяніямъ и людямъ, которые были ему противны въ глубинѣ души, къ которымъ онъ относился съ затаенною ненавистію и презрѣніемъ. Іезуиты, и прежде всѣхъ о. Груберъ,

*) Письмо папы Пія VII къ Императору Павлу и бреве о возстановленіи іезуитскаго ордена въ Россіи см. у Морошкина, т. I ст. 463—469.

отлично знали всѣ эти свойства натуры Александра. Вотъ причина, почему внезапная смерть Павла не произвела въ ихъ лагерѣ такого переполоха, какого слѣдовало, повидимому, ожидать. Иезуиты сожалѣли безъ сомнѣнiя о смерти своего благодѣтеля, но они не потеряли ни на одну минуту присутствiя духа и смотрѣли въ будущее съ прежнею гордою самоувѣренностью. *) Въ характерѣ молодаго Императора они усматривали не мало хорошихъ предзнаменованiй для себя. Они могли бояться лишь того, кто обладаетъ энергiею, силою, рѣшительностью; Александръ не обладалъ въ достаточной мѣрѣ ни однимъ изъ этихъ качествъ. Они могли страшиться ударовъ, наносимыхъ рукою твердою и беспощадною, а Александръ былъ прежде всего человѣкъ мягкiй и въ высокой степени нерѣшительный. Иезуиты знали также отлично, что молодой Императоръ будетъ подчиняться чуждымъ влiянiямъ, что онъ будетъ зависѣть во многомъ, если не во всемъ, отъ взглядовъ и стремленiй своихъ приближенныхъ и совѣтниковъ. Иезуиты изучили давно уже и въ совершенствѣ всѣхъ сильныхъ и влiятельныхъ людей при дворѣ; они знали, что въ числѣ этихъ людей есть не мало такихъ, которые относятся къ ордену съ полнымъ сочувствiемъ, а еще больше такихъ, которые, считая себя философами и либералами, относятся ко всѣмъ орденамъ и ко всѣмъ религiямъ въ мiрѣ съ полнѣйшимъ пренебреженiемъ и равнодушиемъ. Къ числу болѣе или менѣе искреннихъ друзей иезуитовъ принадлежали всѣ аристократы и придворные польскаго происхожденiя, большинство французскихъ эмигрантовъ, итальянскiе выходцы и, наконецъ, тѣ русскiе баричи, которые получили свое воспитанiе у иезуитовъ. Въ этой пестрой, разнохарактерной толпѣ мы встрѣчаемъ такихъ лицъ, которыя пользовались сильнымъ влiянiемъ на Императора: стоитъ припомнить лишь имена Чарторижскаго, Огинскаго, дюка де-Ришелье,

---

*) Лучшимъ доказательствомъ этой самоувѣренности можетъ служить письмо, съ которымъ обратился Груберъ къ молодому Императору тотчасъ-же послѣ его вступленiя на престолъ. Въ этомъ письмѣ Груберъ проситъ государя о немедленномъ опубликованiи папскаго бреве о восстановленiи ордена иезуитовъ въ Россiи, проситъ личной аудiенцiи для себя и выражаетъ надежду, что Александръ отнесется также благосклонно къ ордену, какъ и его предшественникъ. Письмо Грубера напечатано въ подлинникѣ у Морозкина, т. II стр. 34—35, примѣчанiе 1.

Де-Местра. Каждый изъ этихъ лицъ былъ настолько близокъ къ государю, что всегда могъ предупредить и устранить всякое рѣшеніе, дѣйствительно гибельное для іезуитовъ. Еще болѣе горячихъ сторонниковъ имѣли іезуиты въ средѣ женской аристократіи; а всякій, знакомый хотя сколько-нибудь съ Александровскою эпохою, знаетъ, что вліяніе знатныхъ, красивыхъ и умныхъ женщинъ не ограничивалось тогда узкими предѣлами салона и двора, а распространялось на самыя важныя сферы общественной и политической жизни. Слѣдя вѣковыми преданіямъ своего ордена, іезуиты съ самаго начала своего водворенія въ Россіи старались пріобрѣсти себѣ какъ можно болѣе прозелитокъ въ кругу знатныхъ и вліятельныхъ женщинъ. У нихъ были свои спеціалисты по части совращенія русскихъ барынь въ лоно всеспасающей римской церкви; пальма первенства на этомъ, не особенно опасномъ и славномъ, но зато заманчивомъ и пріятномъ поприщѣ принадлежала патеру Розавену *). Родомъ бретонецъ, запальчивый, смѣлый до дерзости, совершеннѣйшій ханжа и лицемѣръ, настойчивый до упрямства, широко образованный, тонкій діалектикъ, ярый защитникъ іезуитовъ на литературномъ поприщѣ, Розавенъ вельдѣло пропаганды, по преимуществу, въ женскомъ аристократическомъ кружку такъ открыто и безстрашно, что приводилъ въ изумленіе даже самыхъ смѣлыхъ іезуитовъ. Трудно сказать, имѣлъ-ли при этомъ іезуитскій герой въ виду одни интересы своей церкви и ордена, хотя всѣ іезуиты единогласно объявляли его человекомъ святымъ **). Что почтенный патеръ не забывалъ при случаѣ и своего собственнаго брэннаго я, что его отношенія къ женщинамъ, спасаемымъ имъ отъ вѣчнаго осужденія, отличались подѣ-часъ довольно двусмысленнымъ характеромъ, видно изъ того, что въ числѣ его вещей найдены были, между прочимъ, два портфеля съ записочками, волосами, картинками и другими женскими сувенирами,

*) О Розавенѣ см. Морошкинъ, т. II стр. 144 и слѣд.—Histoire de la compagnie de Jesus par Cretineau-Joly. Т. II стр. 62—63, 293.—Гизо, Memoires pour servir a l'histoire de mon temps. Т. VII, стр. 388—457.

**) Особенно энергично бралъ подъ свою защиту Розавена русскій іезуитъ Ггаринъ. См., между прочимъ, его письмо къ Морошкину. „Іезуиты въ Россіи“. Т. II стр. 144, примѣчаніе 3.

а также нѣсколько писемъ съ подписью: Катинька Т. (т. е. съ подписью извѣстной аристократической фамиліи).

Какъ-бы то ни было, но благодаря неутомимымъ стараніямъ патера Розавена и другихъ миссіонеровъ, братство Лойолы насчитывало въ средѣ своихъ пріятельницъ цѣлую плеяду прелестныхъ и вліятельныхъ русскихъ дамъ. Извѣстная въ то время красавица, Марья Антоновна Нарышкина, урожденная Четвертинская, была духовною дочерью одного изъ іезуитовъ. Въ случаѣ надобности она употребляла все свое вліяніе въ пользу іезуитовъ, а вліяніе это было не малое, какъ можно убѣдиться въ этомъ изъ мемуаровъ Растопчина. Изъ переписки іезуитовъ мы узнаемъ, что они пользовались покровительствомъ и заслугами такихъ женщинъ какъ: Толстая, Бутурлина, Голицына, Растопчина, Гагарина, Шувалова, Куракина; изъ той-же переписки мы узнаемъ, какимъ громаднымъ вліяніемъ пользовались всѣ эти барыни на своихъ мужей и иныхъ высокопоставленныхъ лицъ.

Итакъ, у іезуитовъ было не мало друзей, и притомъ друзей сильныхъ и вліятельныхъ. Гдѣ-же были ихъ враги, откуда могли выйти ихъ обличители? Изъ среды русскаго духовенства? Но духовенство не пользовалось рѣшающимъ вліяніемъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ могъ быть рѣшенъ вопросъ о судьбѣ іезуитовъ. Изъ среды либераловъ и реформаторовъ, окружавшихъ Императора въ первые годы его царствованія? Но эти люди никоимъ образомъ не могли быть опасны для іезуитовъ. Всѣ они безъ исключенія были прежде всего философы, т. е., другими словами, полнѣйшіе индифферентисты въ области религіи. „Для нихъ, замѣчаетъ Морошкинъ, всѣ вѣроисповѣданія были одинаково хороши, всѣ одинаково терпимы, всѣ имѣли одинаковое право на покровительство правительства, а іезуитское ухо въ этихъ словахъ слышало такія фразы: всѣ вѣроисповѣданія, терпимыя и покровительствуемыя вами, одинаково дурны, не имѣютъ права на ваше покровительство; у васъ вѣтъ вѣры, слѣдовательно, васъ нужно просвѣтить вѣрою и это мы беремъ на себя; мы сдѣлаемъ васъ вѣрующими, да вы сами предоставляете намъ право взять на себя этотъ трудъ, и мы принимаемъ его охотно“ *).

*) Морошкинъ. „Іезуиты въ Россіи“, т II стр. 31.

іезуитовъ всѣ либеральные и образованные сановники начала Александровской эпохи, то еще важнѣе, что въ числѣ этихъ оригинальныхъ философовъ-либераловъ были и такіе, которые открыто и всѣми силами покровительствовали ихъ ордену. Чѣмъ же руководились при этомъ всѣ эти господа? А вотъ чѣмъ: они желали во что-бы то ни стало и какъ можно скорѣе просвѣтить Россію, создать въ ней такое-же просвѣщеніе, какое существовало на Западѣ. Подъ просвѣщеніемъ они понимали прежде всего извѣстную сумму знаній, а затѣмъ тотъ внѣшній лоскъ, то европейское приличіе, которыхъ недоставало русскимъ людямъ. Насаждать то и другое призваны были, по ихъ мнѣнію, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, исключительно иностранцы. Всякій иностранецъ могъ выступить, по ихъ мнѣнію, въ роли учителя и воспитателя русскихъ людей,—все равно, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, положенію и убѣжденію, только-бы онъ былъ человѣкъ образованный и свѣтскій. Іезуиты были, безъ сомнѣнія, и свѣтскіе и образованные люди, къ тому-же они пользовались изстари славою отличныхъ и опытныхъ педагоговъ. Что-же можетъ мѣшать пользоваться услугами іезуитовъ? Ихъ католическая ревность, ихъ страсть къ пропагандѣ? Но религіозность, изъ какихъ-бы убѣжденій ни исходила она, есть дѣло хорошее въ смыслѣ сдержанія массъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, а для пропаганды іезуиты могутъ найти себѣ въ Россіи широкое поприще, вовсе не касаясь при этомъ послѣдователей господствующей православной Церкви. Они могутъ обращать въ христіанство язычниковъ, мусульманъ, евреевъ; развѣ не все равно, къ какой христіанской сектѣ примкнуть эти новообращенные? Вѣдь, во всякомъ случаѣ, іезуиты дадутъ имъ вмѣстѣ съ своею вѣрою и зачатки высшей культуры, что и требуется доказать. Если-же іезуиты задумаютъ пропагандировать въ средѣ протестантовъ, или даже самихъ православныхъ, то и тутъ съ точки зрѣнія философа-либерала не будетъ еще особенной бѣды.

Такихъ мнѣній о значеніи іезуитской педагогики и пропаганды держался, между прочимъ, и князь Голицынъ, этотъ оффиціальныи представитель интересовъ образованія и религіи въ Россіи. Голицынъ, по мѣткому замѣчанію Морошкина, былъ

„игралищемъ всѣхъ сектантовъ, всѣхъ религіозныхъ утопистовъ. Онъ способенъ былъ увлекаться всевозможными религіозными системами, какъ-бы чудовищны и нелѣпы ни были онѣ сами по себѣ. То онъ возился съ масонами и видѣлъ въ ихъ мистеріяхъ послѣднее слово религіозной философіи, то сходился съ изуродованнымъ и разлагающимся скопцомъ Селивановымъ, то восхищался откровеніями бѣспующейся Татаринной“ *). Къ отцамъ іезуитамъ князь относился съ особеннымъ сочувствіемъ: онъ открывалъ даже между собою и ими какую-то тѣсную, таинственную связь. „Нѣчто божественное соединяетъ насъ“, **) писалъ онъ іезуиту Березовскому. И вотъ въ силу этой божественной связи, а равно изъ пламеннаго желанія просвѣтить какъ можно скорѣе народъ русскій, Голицынъ хлопочетъ купно съ дюкомъ де-Ришелье о развитіи іезуитскихъ воспитательныхъ учрежденій въ Одессѣ и предоставляетъ главѣ іезуитской пропаганды въ Новороссійскомъ краѣ, патеру Николаю, должность визитатора и начальника всѣхъ католическихъ церквей на югѣ Россіи, поощряетъ вмѣстѣ съ маркизомъ Паулуччи іезуитскую пропаганду въ Ригѣ, открываетъ іезуитамъ доступъ на Волгу, въ Сибирь, хлопочетъ о предоставленіи іезуитамъ имѣній, правъ и щедрого жалованья отъ казны.

Но, быть можетъ, замѣтятъ читатели, князь Голицынъ покровительствовалъ іезуитамъ единственно изъ личной, религіозной симпатіи къ нимъ, и что въ этомъ отношеніи онъ представляетъ не болѣе какъ исключеніе въ ряду тѣхъ просвѣщенныхъ совѣтниковъ, которые окружали Императора Александра въ первые годы его царствованія; но къ несчастію, князь Голицынъ вовсе не былъ исключеніемъ; его примѣру слѣдовали и другіе, уже, во всякомъ случаѣ, болѣе развитые и либеральные совѣтники молодого Императора. Что Кочубей принадлежалъ къ числу наиболѣе свободномыслящихъ сподвижниковъ Александра, что по уму и образованію онъ стоялъ, во всякомъ случаѣ, выше князя Голицына, достаточно извѣстно; менѣе извѣстно, что онъ относился къ дѣлу іезуитской пропаганды не то, что равнодушно,

*) Морошкинъ. „Іезуиты въ Россіи“, т. 2 стр. 30.

**) *Ce qui nous unit est divin.*

а просто сочувственно. Въ извѣстномъ сочиненіи графа Д. Толстаго „Католицизмъ въ Россіи“ мы читаемъ слѣдующее: „Еще въ 1802 году, при самомъ учрежденіи министерствъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ о дозволеніи іезуитамъ распространять римско-католическую вѣру и обращать въ нее черезъ своихъ миссіонеровъ магометанскіе и идолопоклонническіе народы, обитающіе въ Астраханской, Оренбургской и сибирскихъ губерніяхъ. Противъ Кочубей возсталъ, бывший тогда министромъ юстиціи, бессмертный нашъ поэтъ Державинъ, говоря, что достаточно терпимости вѣръ, которая уже существуетъ въ Имперіи, что возводитъ католическую вѣру на степень владычествующей религіи неприлично достоинству Имперіи, и что, напротивъ того, слѣдовало-бы подумать объ образованіи и посылкѣ къ иновѣрнымъ идолопоклонническимъ и магометанскимъ народамъ миссіонеровъ господствующей религіи, какъ дѣлалъ царь Іоаннъ Васильевичъ, чтобы они приучили этихъ дикарей къ хлѣбопашеству, разнымъ промысламъ и къ нравамъ коренныхъ русскихъ подданныхъ. Къ мнѣнію Державина присталъ графъ Румянцевъ, и попытка Кочубей въ пользу іезуитовъ не удалась“. *)

Если таковы были воззрѣнія выдающихся либеральныхъ совѣтниковъ Императора Александра, если самъ государь усматривалъ прежде всего въ іезуитскомъ орденѣ прекрасное и годное орудіе для просвѣщенія и цивилизованія Россіи, то неудивительно, что всѣ опасности, грозившія іезуитамъ послѣ смерти Павла, были скорѣе кажущіяся и призрачныя, нежели дѣйствительныя. Правда, на первыхъ порахъ новаго царствованія послѣдовали нѣкоторыя, крайне непріятныя для іезуитовъ, распоряженія: Одинецъ освобожденъ былъ изъ заточенія, Сестренцевичъ поставленъ вновь во главѣ католической церкви, іезуитамъ дозволено открывать новыя учрежденія и школы въ Имперіи не иначе, какъ вслѣдствіе особаго Императорскаго разрѣшенія, и возвращеніе прежнихъ имѣній ордена было приоста-

*) Д. Толстой. „Католицизмъ въ Россіи“, т. II стр. 185; записки Державина, стр. 359—360. Къ числу либеральныхъ покровителей іезуитскихъ миссій въ Россіи принадлежали также Лопухинъ и Воронцовъ.

новлено; но сыны Лойолы, испытанные въ вѣковыхъ бояхъ съ сильными міра сего, ловко сумѣли ослабить силу направленныхъ на нихъ ударовъ и постепенно и незамѣтно съ избыткомъ вознаграждать себя за все потерянное. Богатство, сила и вліяніе іезуитскаго ордена въ Россіи возрастали быстро и непрерывно во всю первую половину царствованія Императора Александра. Сѣть іезуитской пропаганды раскинута была по всѣмъ областямъ Имперіи; центромъ ея служилъ не далекій и бѣдный Полоцкъ, а сама столица государства, Петербургъ. Тутъ основанъ былъ іезуитскій институтъ для воспитанія знатнаго русскаго юношества; тутъ получали свое образованіе дѣти нашихъ аристократовъ, сыновья князей Юсуповыхъ, Голицыныхъ, графовъ Орловыхъ; тутъ учились молодые Нарышкины, Гагарины, Меншиковы, Плещеевы, Бенкендорфы, Волконскіе, Полтарацкіе, Дмитріевы и другіе. Всѣ эти юноши, предназначенные впоследствии къ занятію высшихъ государственныхъ должностей, пропитались здѣсь принципами и духомъ іезуитскаго ордена, воспитывали въ себѣ чувство пренебреженія и равнодушія, если и не вражды къ своей родной національности и къ вѣрѣ своихъ предковъ, своего народа. На глазахъ высшаго правительства іезуиты сумѣли превратить въ своемъ институтѣ преподаваніе Закона Божія православнымъ дѣтямъ въ орудіе искаженія православія и насмѣшки надъ нимъ. Они поручали это преподаваніе лицамъ во всѣхъ отношеніяхъ недостойнымъ, грубымъ, невѣжественнымъ; они отводили для него лишь одинъ часъ въ недѣлю, и то въ субботу предъ роспускомъ. Что же удивительнаго, что, когда впоследствии іезуиты принуждены были передать религіозное обученіе въ болѣе достойныя руки, то результаты его продолжали оставаться все-таки крайне неудовлетворительными.

Работая такимъ успѣшнымъ образомъ въ Петербургѣ, іезуиты учреждали въ то же время миссіи повсюду, гдѣ представлялась къ этому хотя какая-нибудь возможность, гдѣ проживала хотя горсть католиковъ, нуждавшихся въ ихъ духовномъ руководствѣ. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ на Волгѣ они вели дѣятельную и небезуспѣшную пропаганду въ средѣ протестантскихъ колонистовъ и всѣми способами соблазняли въ

тоже время не только инородцевъ, но и русскихъ крестьянъ. Въ Ригѣ они свили себѣ прочное гнѣздо, основали тамъ нѣсколько мужскихъ и женскихъ школъ, воспитывали въ нихъ лютеранъ и православныхъ и заманивали къ себѣ воспитанниковъ и прозелитовъ изъ податнаго сословія, добивался различными темными путями ислюченія ихъ изъ податнаго званія. Въ Астрахани они захватили въ свои руки тамошнюю католическую общину и завели дѣятельную пропаганду между армянами и другими инородцами. Въ Новороссійскомъ краѣ и въ Крыму они подчинили себѣ съ согласія правительства все католическое населеніе и устроили фанатическую пропаганду какъ между иновѣрцами, такъ и православными. Въ Одессѣ знаменитый аббатъ Николая воспитывалъ подъ покровомъ дюка де-Ришелье благородное руссійское юношество.

Березовскій, преемникъ патера Грубера и послѣ его смерти генералъ іезуитскаго ордена въ Россіи, исполнилъ дѣйстви-тельно одно изъ важнѣйшихъ предначертаній своего предшественника: разнесъ іезуитское просвѣщеніе по всѣмъ концамъ Россіи — отъ Петербурга до Тифлиса, отъ Полоцка до границъ Китая. Іезуитскія заведенія открыты были въ Полоцкѣ, Петербургѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Витебскѣ, Ужвальдѣ, Ригѣ, Романовѣ, Дагдѣ, Пуцѣ, Халгѣ, Чечерскѣ, Лозовичахъ, Ряснѣ, Астрахани, Саратовѣ, Моздокѣ, Одессѣ и Сибири. Во всѣхъ этихъ пунктахъ іезуитскія миссіи возникали не только съ согласія правительства, но даже при его содѣйствіи. Поразительнѣйшимъ примѣромъ того высокаго, почти безусловнаго довѣрія, которымъ пользовались іезуиты въ глазахъ русскаго правительства, можетъ служить исторія проникновенія іезуитовъ въ Москву. Дѣло происходило въ самомъ началѣ 1812 года, наканунѣ Наполеоновскаго нашествія. Многіе изъ католическихъ духовныхъ, находившихся тогда въ Москвѣ, навлекли на себя своимъ поведеніемъ и своими отношеніями къ французамъ подозрѣніе русскихъ властей и были частью высланы за границу, частью отправлены въ отдаленные города Имперіи. На ихъ мѣста правительство рѣшилось назначить іезуитовъ, которыхъ оно считало способнѣйшими и вѣрнѣйшими изъ всѣхъ латинскихъ клириковъ. Березовскій, тогдашній генералъ орде-

на, прислалъ въ Москву, по требованію правительства, пятерыхъ іезуитовъ, причемъ каждому изъ нихъ назначено было изъ суммъ іезуитскаго ордена громадное содержаніе отъ 2,500 до 3,000 рублей. „Такимъ образомъ, замѣчаетъ Морошкинъ, православная Москва изъ рукъ, такъ сказать, самого правительства получила въ даръ себѣ часть папской гвардіи, и въ послѣдствіи времени до поразительной ясности показала, что она не уступаетъ нѣмецкому Петербургу въ пламенномъ стремленіи къ латинству и въ легкомысленной быстротѣ мѣнять вѣру отцевъ своихъ на папизмъ“ *).

Въ первую половину Александровской эпохи Россія во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлалась обѣтованною страной іезуитовъ; число іезуитской братіи, стекавшейся тогда къ намъ со всѣхъ концовъ свѣта, доходило въ 1812 г., по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 349 человекъ **) (въ дѣйствительности оно было не менѣе 400 человекъ); въ теченіи какихъ-нибудь десяти, двѣнадцати лѣтъ оно возросло, слѣдовательно, болѣе чѣмъ на 50 процентовъ. Имущества и доходы ордена, а равно и отдѣльныхъ его членовъ были громадны. Іезуиты владѣли въ Россіи 14,000 душъ крестьянъ, они обращались съ ними также звѣрски и безчеловѣчно, какъ польскіе паны, обременяли ихъ самыми тяжелыми работами и невыносимыми поборами, не заботились нимало о ихъ матеріальномъ и нравственномъ преуспѣяніи и доводили ихъ до такой страшной нищеты, тупости и одурѣнія, до которыхъ не доходили никогда крѣпостные, принадлежавшіе частнымъ лицамъ. На своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ іезуиты заводили фабрики, мельницы, пивоварни и инныя промышленныя заведенія и извлекали изъ нихъ огромные доходы. Не малые доходы имѣли они также отъ своихъ типографій, наводнявшихъ всю Имперію безчисленными книгами и книженками, гравюрами, мѣсяцословами. Педагогическая дѣятельность была, разумѣется, одною изъ самыхъ прибыльныхъ статей дохода іезуитскаго общества. Морошкинъ, на основаніи документовъ, бывшихъ у него въ рукахъ, вычисляетъ, что іезуитскій орденъ получалъ ежегодно отъ своихъ пансіоновъ, конвиктовъ

*) Морошкинъ. „Іезуиты въ Россіи“, т. II, стр. 458.

**) Толстой. „Католицизмъ въ Россіи“, т. II, приложение I-е.

и другихъ воспитательныхъ учрежденій—до 300,000 рублей. Еще громаднѣе были доходы, получаемые іезуитами съ своихъ прихожанъ. Не смотря на то, что всѣ іезуиты, исправлявшіе должности приходскихъ священниковъ, получали весьма значительное жалованье отъ казны, почтенные патеры драли нещадно съ своихъ прихожанъ деньгами и натурою за выполненіе церковныхъ требъ. Саратовскіе іезуиты, напримѣръ, получали ежегодно съ своихъ прихожанъ, на основаніи договора, одними деньгами 184,200 рублей; кромѣ того они получали еще натурою: рыбу, икру, плоды, молоко, мясо, дичь и т. д. А между тѣмъ Саратовская миссія іезуитовъ была, во всякомъ случаѣ, не самая обширная и не самая богатая. Спрашивается: какіе-же громадныя доходы извлекали они изъ Бѣлоруссіи и Литвы, гдѣ число ихъ прихожанъ доходило до 30,000 душъ,—изъ такихъ богатыхъ центровъ, какъ Петербургъ и Москва, гдѣ въ числѣ ихъ прозелитовъ и поклонниковъ встрѣчались люди изъ самой богатѣйшей русской знати того времени? *)

Судьба іезуитскаго ордена въ Россіи въ первыя 12 лѣтъ правленія Александра I принадлежитъ къ числу наиболѣе характерныхъ и знаменательныхъ страницъ нашей отечественной исторіи. Въ ней выразилась, какъ нельзя болѣе ярко, та національная и религіозная расшатанность, которая заразилась тогда всѣ высшіе слои нашего общества, жертвою которой сдѣлался и тотъ благородный монархъ, котораго само провидѣніе избрало своимъ орудіемъ для спасенія Европы и человѣчества отъ невыносимаго ига, наложеннаго на нихъ побѣдоноснымъ преемникомъ революціи. Время испытанія, борьбы, борьбы на жизнь и смерть уже приближалось, но ни Императоръ Александръ, ни его совѣтники и друзья, ни вся оффиціальная Россія не были еще готовы къ борьбѣ. Они не открыли еще настоящаго, неизсякаемаго источника своихъ силъ, они не стояли еще на почвѣ народности и вѣры, они искали еще средствъ и путей къ спасенію тамъ, откуда грозили имъ предательство и гибель. Непроницаемая завѣса предубѣжденій все еще покрывала ихъ духовныя очи; обманчивые призраки скрыва-

*) О богатствахъ и доходахъ іезуитскаго ордена см. главнымъ образомъ Мошкина, т. II стр. 460 и слѣд.

ли отъ нихъ и страшную, въ дѣйствительности, опасность и единственно возможный путь спасенія. Только неожиданные, потрясающіе удары судьбы могли разсѣять окутывавшій ихъ мракъ и озарить ихъ спасительнымъ свѣтомъ истины. Эти удары не замедлили обрушиться на нихъ.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ.

(Продолженіе *).

V.

Тѣмъ-же самымъ указомъ, которымъ Иннокентій былъ переведенъ изъ Вологды въ Харьковъ, Харьковскій архіепископъ Смарагдъ, бывшій учитель Иннокентія и его предмѣстникъ по ректорству въ Кіевской академіи, изъ Харькова переводился въ Астрахань. Въ Харьковъ Смарагдъ былъ переведенъ изъ Могилева. Такъ какъ „по іерархическимъ рангамъ“ Могилевъ стоялъ въ то время гораздо выше Харькова, то своимъ переводомъ, истолковывая его въ смыслѣ іерархическаго пониженія, Смарагдъ былъ очень недоволенъ и чуть-ли не каждому синодскому чиновнику высказывалъ по этому случаю свое неудовольствіе. Впрочемъ, въ послѣдствіи онъ очень полюбилъ Харьковъ и былъ также недоволенъ, когда чрезъ полтора года состоялся его переводъ въ Астрахань. Самъ по себѣ Смарагдъ не рассчитывалъ скоро оставить Харьковъ и даже, не смотря на полученіе указа, думалъ ходатайствовать о дозволеніи ему выѣхать изъ Харькова, когда установится колесный путь. Вдругъ неожиданно-негаданно въ среднихъ числахъ января онъ получилъ отъ оберъ-прокурора Св. Синода *отношеніе*, въ которомъ, увѣдомляя Смарагда о томъ, что Государь Императоръ, сверхъ прогонныхъ денегъ, велѣлъ выдать ему на подъемъ еще тысячу рублей, просилъ ускорить прибытіемъ

*) См. Вѣра и Разумъ 1884 г. № 8.

въ Астраханскую епархію, для которой присутствіе его становилось особенно необходимымъ по случаю открывшихся тамъ нѣкоторыхъ неустройствъ. Постѣ этого Смарагдъ рѣшился не медлить и какъ можно скорѣе выѣхать изъ Харькова. Онъ даже не дождался того, пока въ казначействѣ было получено распоряженіе о выдачѣ ему слѣдующихъ денегъ. 26 января 1842 года на приведенномъ *отношеніи* оберъ-прокурора онъ положилъ слѣдующую резолюцію: „предлагаю духовной консисторіи сіе отношеніе рассмотреть и такъ какъ предлежитъ мнѣ скорый отъѣздъ въ Астрахань, то нельзя-ли выдать мнѣ изъ какихъ-либо суммъ какъ прогонныя, такъ и Всемилости-вѣйше пожалованныя деньги заимобразно съ тѣмъ, что консисторія по надлежащему возвратитъ оныя по моей довѣренности, которую обязуюсь оставить“. Консисторія выдала Смарагду 1239 р. 64 к., заимобразно взятыя ею изъ суммъ епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, и 3 февраля 1842 года архіепископъ Смарагдъ навсегда оставилъ Харьковскую епархію.

Между тѣмъ еще до отъѣзда Смарагда изъ Харькова, именно 28-го января, члены Харьковской духовной консисторіи отправили къ Иннокентію въ Вологду отъ себя поздравленіе съ назначеніемъ его на Харьковскую паству, причемъ испрашивали также и его распоряженія относительно высылки для него экипажа на границу Харьковской епархіи, какъ это прежде всегда дѣлалось. Въ отвѣтъ на это поздравленіе Иннокентій писалъ въ консисторію слѣдующее: „Съ любовью приеми сей знакъ усердія ко мнѣ почтенныхъ членовъ Харьковской консисторіи и прошу ихъ вмѣстѣ со мною вознестъ ко Господу усердное моленіе, да подастъ мнѣ силы достойно предстоять церкви харьковской и право править Слово истины“. Нѣтъ сомнѣнія, что харьковская паства, такъ много наслышанная о гениальномъ и даровитомъ архипастырѣ, не смотря на свой высокій санъ и положеніе не переставшемъ быть *человѣкомъ*, по добротѣ своего сердца и знанію людей,—съ восторгомъ, съ радостію встрѣтила вѣсть о назначеніи этого „орла“ (такъ харьковцы часто называли Иннокентія) своимъ архипастыремъ. Но какъ взглянулъ на свое новое назначеніе самъ Ин-

покантій? Едва-ли онъ былъ имъ вполне доволенъ. 1) Самый переходъ изъ одной епархіи въ другую—дѣло не особенно легкое и пріятное. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ своему петербургскому другу Иннокентій писалъ: „трудно таскаться изъ края въ край Россіи, не физически—вездѣ можно найти нужное,—а нравственно: ибо скоро-ли узнаешь людей на новомъ мѣстѣ и оснуешь съ ними надлежащую связь?“ Частые переходы для Иннокентія могли быть неудобны и въ матеріальномъ отношеніи, въ смыслѣ денежныхъ затратъ; очевидцы рассказываютъ, что одну бібліотеку Иннокентія изъ Вологды въ Харьковъ везли на двѣнадцати подводахъ... 2) Вологда—первая епархіа Иннокентія, къ которой, не смотря на свое кратковременное пребываніе, онъ уже однако успѣлъ привыкнуть и даже привязаться, встрѣчая повсюду взаимную любовь и привязанность. Наконецъ, 3) въ іерархическомъ отношеніи Харьковъ въ то время стоялъ ниже Вологды, и переводъ изъ Вологды въ Харьковъ въ то время могъ вызвать лишь одни недоумѣнія, могъ быть истолкованъ въ смыслѣ даже пониженія, что могло имѣть еще большее значеніе въ отношеніи къ Иннокентію, такъ какъ въ то время выше его въ іерархическомъ рангѣ стояли уже и нѣкоторые изъ его учениковъ,—хотя самъ по себѣ, Харьковъ, какъ университетскій городъ, увеличивавшійся съ каждымъ годомъ въ своемъ значеніи для жизни Россіи, Иннокентію могъ быть и пріятенъ... Такъ именно смотрѣлъ на свой переводъ въ Харьковъ и самъ Иннокентій. Въ своемъ письмѣ уже изъ Харькова отъ 28-го феврала 1842 года Иннокентій писалъ своему петербургскому другу: „Усерднѣйше благодарю ваше превосходительство за дружественное участіе въ перемѣнѣ моего положенія и за пріятную вѣсть объ успѣхѣ моихъ представленій для пользы Вологды, которая, не смотря на краткость моего въ ней пребыванія, дорога сердцу моему, какъ мой *Рувимъ*, какъ начало и трудовъ и величія пастырскаго. Если бы вы видѣли, съ какими слезами она провожала меня! Послѣ сего не безъ горести и грусти можно было оставить край, когда Господь видимо благословилъ тамъ служеніе мое успѣхомъ. Только назначеніе преемника моего (Иринарха, бывшаго епископа Острогожскаго, ви-

карія Воронежской епархіи) послужило мнѣ въ успокоеніе... Харьковъ всегда былъ мнѣ милъ; поэтому я ѣхалъ въ него съ удовольствіемъ, которое нисколько не умалилось и по приѣздѣ моемъ въ него. Народъ добрый и образованный. На дорогѣ, впрочемъ, особенно въ Москвѣ, было не безъ вопросовъ: какъ случилось перемѣщеніе мое, что за цѣль? и т. п. Виною недоумѣній наши бѣдныя ранги іерархическія, въ отношеніи къ коимъ Харьковъ и Вологда стоятъ почти въ обратномъ положеніи. Поелику ученики мои давно занимаютъ степени гораздо высшія, то всякое движеніе мое въ противномъ направленіи кажется подозрительнымъ публикѣ. Это однакоже нисколько не мѣшаетъ мнѣ оставаться совершенно довольнымъ своимъ добрымъ Харьковомъ“ *)

Такимъ образомъ, какъ видно изъ этого письма, переводъ въ Харьковъ вызвалъ у Иннокентія какое-то смѣшанное чувство: съ одной стороны онъ былъ доволенъ Харьковомъ, какъ хорошимъ городомъ, съ другой стороны ему жаль было оставлять и Вологду и нужно было спокойно переносить косые взгляды нѣкоторыхъ лицъ...

Какъ бы то ни было, но въ первыхъ числахъ февраля, сдавъ консисторіи дѣла епархіи, Иннокентій, послѣ довольно трогательнаго прощанія съ бывшею своею паствою, оставилъ Вологду и отправился въ путь согласно своему новому назначенію. На пути онъ заѣхалъ въ Москву, гдѣ и остановился на нѣсколько дней для свиданія съ нѣкоторыми изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ и съ цѣлію побывать въ синодальной библіотекѣ для отысканія нѣкоторыхъ рукописей, въ которыхъ онъ нуждался при составленіи давно имъ начатаго, по синодальному порученію, „Догматическаго Сборника“.

Наконецъ, 24 февраля 1842 года Иннокентій прибылъ въ Харьковъ, почти два мѣсяца съ нетерпѣніемъ его ожидавшій. Первое слово, которое услышала харьковская паства изъ устъ своего новаго архипастыря, — было „слово при вступленіи на паству харьковскую,“ сказанное Иннокентіемъ въ Харьковскомъ, въ то время еще только городскомъ, Успенскомъ соборѣ. Произнесши текстъ изъ посланія ап. Павла къ Корин-

*) „Рус. Старина“, 1878, ноябрь, стр. 372.

оянамъ (1 Кор. II, 1, 2, 4, 5), которымъ апостоль Павелъ напоминалъ, какъ онъ въ первый разъ явился предъ ними и какъ образъ явленія его былъ противоположенъ ихъ ожиданіямъ, Иннокентій, обращаясь къ жителямъ Харькова, говорилъ: „И вашъ градъ, братіе мои, подобно Коринѳу, извѣстенъ любовью къ просвѣщенію и наукамъ. Не удивительно посему, если и вы обыкли смотрѣть на все не очами токмо вѣры, а и взоромъ ума испытующаго. Поелнѣ-же и намъ выпалъ жребій провести не мало времени не только *при ногу*, но и на самомъ сѣдалищѣ Гамалииловѣ; то легко можетъ статься, что нѣкоторые ожидаютъ отъ насъ слова высокаго и проповѣди по всѣмъ правиламъ витійства человѣческаго. Да будетъ же вамъ извѣстно, братіе мои, что и мы, подражая великому учителю языковъ, приходимъ къ вамъ не съ премудростію слова, не съ выпрѣнными умозрѣніями, не съ блестящими оборотами витійства, а съ простотою вѣры Евангельской и съ единою, если дастъ Господь, силою чувства христіанскаго. Да будетъ вѣдомо, что и мы, во все время нашего пребыванія съ вами, не желали-бы казаться знающими что-либо, кромѣ Иисуса Христа, *и сего распята*. Иисусъ и Крестъ Его—се наша мудрость! Изображеніе Его предъ вами въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ представленъ у св. пророковъ и апостоловъ—вотъ наше краснорѣчіе! Бдльшаго не знаемъ и не обѣщаемъ; лучшаго не можемъ и не хотимъ. И если-бы когда-либо уклонились мы отъ сего святаго правила и обѣта и предались суетному желанію блистать предъ вами мудростію человѣческою и витійствомъ: то, вмѣсто вниманія слову нашему, закройте тогда слухъ отъ него; остановите насъ и напоминайте, что мы говорили теперъ предъ вами“...

Недѣлю спустя, именно 7 марта, харьковцы вторично пользуются случаемъ, чтобы послушать окрыленное слово своего златоустаго архипастыря. Въ первыхъ числахъ марта умерла дочь одного богатаго харьковскаго помѣщика, дѣвица К. П. Хрущева. Иннокентій былъ приглашенъ для погребенія ея. Отцѣваніе происходило въ Университетской церкви. Народа была толпа. Въ утѣшеніе скорбящимъ родителямъ Иннокентій произнесъ свое теплое, прочувствованное слово, въ которомъ,

поставивъ вопросъ: „можно-ли не скорбѣть при гробѣ?“ и указавъ на примѣръ самого Господа, прослезившагося у гроба друга своего Лазаря,—проповѣдникъ говоритъ: „послѣ сего примѣра осмѣлимся-ли мы пререкать вашей скорби и сѣтованію, отецъ и мать умершей отроковицы? Нѣтъ, скорѣе мы сами смѣшаемъ свои слезы съ вашими, видя изъ примѣра почившей, какъ ничто не спасаетъ отъ смерти, ни юность возраста, ни чистота души и сердца, ни любовь присныхъ и знакомыхъ, ни искусство и усердіе служителей здравія человѣческаго... Только святая вѣра и Евангеліе въ силахъ утѣшить насъ въ подобной скорби и сѣтованіи...“ Эти двѣ проповѣди убѣдили харьковцевъ, что они далеко еще не имѣли истиннаго понятія объ Иннокентіѣ, зная его лишь по его печатнымъ проповѣдямъ и рассказамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ... Иннокентій теперь сталъ предметомъ общаго вниманія. О немъ говорили въ каждомъ домѣ, то удивляясь его геніальнымъ дарованіямъ, то восхищаясь его гуманнымъ обращеніемъ...

Между тѣмъ Иннокентій тотъ часъ-же по прибытіи въ Харьковъ, донесъ Св. Синоду, что 24 февраля онъ благополучно прибылъ въ Харьковъ и, по принесеніи Господу Богу моленія, немедленно вступилъ въ отправленіе своей должности. Служеніе Иннокентія на харьковской паствѣ было продолжительнѣе вологодскаго и, несомнѣнно, гораздо плодотворнѣе: здѣсь оно продолжалось около семи лѣтъ и ознаменовалось очень многими и, притомъ, весьма важными дѣлами и событіями. Въ Харьковѣ Иннокентій привелъ въ исполненіе то, что въ Вологдѣ онъ только начерталъ себѣ въ видѣ программы своей архипастырской дѣятельности. Программа эта была не велика по своему объему, но весьма важна по своему внутреннему значенію и содержанію. Ее можно точно обозначить слѣдующими тремя словами: „исправить“, „возсоздать“, „устроить“.

По этимъ тремъ рубрикамъ можно разсматривать и всю архипастырскую дѣятельность преосвященнаго Иннокентія за время его управленія Харьковскою епархією, не нарушая въ то же время и хронологической послѣдовательности главныхъ событий изъ его жизни.

Въ Харьковѣ архипастырская дѣятельность Иннокентія на-

чалась *исправленіемъ* существовавшихъ неурядковъ, господствовавшихъ какъ среди духовенства, такъ и въ самомъ епархіальномъ управленіи. Въ то время харьковское духовенство положительно не умѣло распредѣлять своего времени и чрезъ это, конечно, происходила неурядица, бросающаяся въ глаза новому человѣку. Въ рождественскій и великій постъ, предъ большими праздниками и даже нерѣдко предъ самою Пасхою духовенство часто бросало свои приходы, оставляло безъ служенія св. храмы и ретировалось въ Харьковъ. Чего?— Просить болѣе доходнаго мѣста, стихаря, билета на женитьбу, заносить клязу на товарищей... Иннокентію это прежде всего бросилось въ глаза и, конечно, очень не понравилось.. Въ мартѣ мѣсяцѣ, на прошеніи одного дьячка о переводѣ его на другое мѣсто Иннокентій положилъ такую резолюцію: „выслать къ должности, сказавъ, чтобы просилъ о переводѣ послѣ Пасхи“. Такую-же резолюцію положилъ онъ и еще на двухъ—трехъ подобныхъ прошеніяхъ. Но видя, что подобными частными мѣрами трудно вывести этотъ безпорядокъ, преосвященный Иннокентій обратился къ циркулярному предписанію и на прошеніи одного пономаря о перемѣщеніи его на другое мѣсто положилъ такую резолюцію: „дать знать всѣмъ духовнымъ правленіямъ, чтобы священно- и церковно-служители въ продолженіи великаго поста оставались на своихъ мѣстахъ, какъ того требуетъ святость времени и пужда Церкви въ священно-служителяхъ, и являлись въ Харьковъ не иначе, какъ токмо по особой какой-либо, не терпящей отсрочки, нуждѣ“. Къ сожалѣнію, и эта мѣра не привела къ желанной цѣли и оказалась только полумѣрой: духовенство перестало лишь лѣзть къ Иннокентію въ великій постъ съ пустыми дѣлами; но приходы оставались нерѣдко все-таки безъ священнослужителей, церкви безъ служенія, священники-же и причетники, безъ всякаго вѣдома ихъ непосредственнаго начальства, пріѣзжали въ самый Харьковъ и жили тамъ, пока имъ хотѣлось, таскаясь иногда по улицамъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Вотъ почему въ первый-же годъ своего управленія Харьковскою епархіею Иннокентій далъ въ консисторію слѣдующее предложеніе: „Не разъ замѣчено мною, что духовныя лица,

произвольно оставивъ свои мѣста, являются въ Харьковъ, проживаютъ въ немъ сколько и какъ угодно, влачатся по улицамъ не всегда въ приличномъ видѣ, навлекаютъ симъ нареканіе на духовенство и потомъ уѣзжаютъ домой безъ вѣдома начальства; для прекращенія сего безпорядка и соблазна предписываю консисторіи дать знать по всей епархіи, что отселѣ каждый изъ духовенства, по пріѣздѣ въ Харьковъ, обязанъ явиться въ консисторію и, по предъявленіи билета на проѣздъ, записать тамъ въ книгѣ, для того заведенной, свое имя съ означеніемъ, для чего пріѣхалъ, сколько времени предполагаетъ прожить и гдѣ остановился на квартирѣ. Равнымъ образомъ, каждый долженъ явиться и предъ отъѣздомъ, дабы извѣстно было, что онъ отправился къ своему мѣсту. Нарушитель сего постановленія имѣеть подлежать суду и штрафу". Впослѣдствіи мѣра эта была усилена еще болѣе: даже должностныя лица въ уѣздахъ и уѣздныхъ городахъ, желая по какому-либо дѣлу отправиться въ Харьковъ, предварительно должны были испрашивать письменное разрѣшеніе непосредственно отъ самого Иннокентія. Въ предложеніи, данномъ по этому случаю консисторіи, Иннокентій писалъ: „для прекращенія бесполезныхъ, а иногда и вредныхъ для службы отлучекъ отъ своего мѣста, консисторія имѣеть дать знать по всей епархіи, чтобы лица духовныя, обязанныя какими-либо должностями, не иначе впредь оставляли свои мѣста и являлись въ губернской городъ, какъ испросивъ на то предварительно отъ епархіальнаго начальства письменное дозволеніе“.

Не мало непріятностей первоначально причиняли Иннокентію непорядки и въ самомъ архіерейскомъ домоуправленіи. У каждаго архіерея обыкновенно бывали особыя, приближенныя лица, занимавшія въ архіерейскомъ домоуправленіи видныя мѣста экономовъ, казначеевъ, ризничихъ и т. п. Съ переводомъ преосвященнаго въ другую епархію, почти всегда слѣдовали за нимъ и эти лица, а должности ихъ были занимаемы приближенными лицами новаго преосвященнаго. Такъ было въ то время и въ Харьковской епархіи. За Смарагдомъ послѣдовали въ Астрахань изъ Харьковскаго архіерейскаго дома экономъ, казначей, нѣкоторые другіе монахи и даже нѣкоторые

изъ консисторскихъ чиновниковъ. Переселенія эти однако-жъ причиняли архіерейскому домоуправленію немалыя затрудненія, а иногда даже и матеріальный ущербъ. Это можно сказать и о бывшемъ при Смарагдѣ экономѣ Харьковскаго архіерейскаго дома, іеромонахѣ Іерооѣѣ. Узнавъ о переводѣ Смарагда въ Астрахань и намѣреваясь слѣдовать за нимъ, онъ сдѣлалъ въ наемъ по контракту флигель архіерейскаго дома, со всѣми принадлежащими къ нему постройками, какой-то французенкѣ всего только за 150 рублей ассигнаціями въ годъ. О другихъ подобныхъ его продѣлкахъ мы не считаемъ нужнымъ и говорить. Консисторія уволила его изъ епархіи еще до прибытія Иннокентія. Но Иннокентій былъ этимъ очень недоволенъ и на консисторскомъ журналѣ объ увольненіи Іерооѣѣ изъ Харьковской епархіи въ Астраханскую положилъ такую резолюцію: „подобныя перемѣны экономовъ при перемѣнѣ преосвященныхъ вовсе неумѣстны и запрещены закономъ. По крайней мѣрѣ консисторіи не слѣдовало, по увольненіи сего недобросовѣстнаго человѣка, позволять ему дѣлать по дому архіерейскому такихъ расходовъ, кои показываютъ явное грабительство“.

Недоволенъ былъ Иннокентій и медленностію епархіальнаго дѣлопроизводства какъ по консисторіи, такъ и по духовнымъ правленіямъ. На журналѣ консисторіи о высылкѣ, по требованію, сдѣланному уже канцелярією Св. Синода, вѣдомости объ училищахъ при монастыряхъ, Иннокентій написалъ: „такой запросъ не рекомендуетъ дѣятельности канцеляріи консисторской. Немедленно г. секретарь имѣетъ объяснить причину медленности и представить вѣдомость, если не отослана еще“. Въ другой разъ онъ сдѣлалъ консисторіи уже рѣзкій укоръ за такую медленность. „Крайне не хорошо и стыдно“, писалъ онъ въ своей резолюціи, „что отвѣты на нѣкоторые указы Синода, не требовавшіе никакихъ особенныхъ соображеній, оставались безъ отвѣтнаго донесенія; возникнуть, кто виною такого непростительнаго происшествія и немедленно донести мнѣ“. — 20-го марта 1842 года Иннокентію была доложена справка по дѣлу, начавшемуся еще до поступленія Смарагда на харьковскую паству. На этой справкѣ Иннокентій написалъ: „весьма благодаренъ за такия справки, коимъ надлежа-

ло давнымъ давно быть представленными еще предмѣстнику моему!.. А на одномъ бракоразводномъ дѣлѣ, которое велось съ 1830 по 1842 годъ, онъ замѣтилъ: „какъ-же долго длилось это дѣло!“.. Упорядоченіе канцелярскаго-дѣлопроизводства Иннокентій началъ съ духовныхъ правленій, надѣясь, что консисторія сама догадается, чего хочетъ отъ нея новый преосвященный. Купянское духовное правленіе первое получило замѣчаніе: „Изъ дѣлъ замѣчаю“, писалъ Иннокентій въ первое-же время своего управленія Харьковскою епархією, „что Купянское духовное правленіе неисправно въ исполненіи предписаній; дать знать ему, что я ожидаю отъ него большей дѣятельности.“ Впослѣдствіи Купянское духовное правленіе, а затѣмъ и Зміевское, были совершенно упразднены Иннокентіемъ. Вскорѣ, впрочемъ, Иннокентій увидѣлъ, что Купянское духовное правленіе не представляло собою какого-нибудь исключенія въ этомъ случаѣ,—что не лучше вели свои дѣла и другія духовныя правленія, а потому менѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ послѣ замѣчанія, сдѣланнаго Купянскому духовному правленію, онъ уже далъ консисторіи слѣдующее предложеніе: „при разсматриваніи мною журналовъ сей консисторіи, оказалось, что немалое количество дѣлъ, въ томъ числѣ и нѣкоторые указы Святѣйшаго Синода, останавливаются исполненіемъ за непростительною медленностію духовныхъ правленій въ доставленіи нужныхъ свѣдѣній; желая поставить управленіе Харьковскою епархією на принадлежащую ему степень совершенства, я предлагаю консисторіи немедленно дать знать указомъ всѣмъ духовнымъ правленіямъ, дабы впредь не было подобныхъ зловредныхъ промедленій, внушивъ особенно мѣстнымъ протоіереямъ и столоначальникамъ, что отнынѣ будетъ вестись за симъ постоянный, строгій надзоръ и что они первые имѣютъ подлежать отвѣтственности за неисправное теченіе дѣлъ“. И дѣйствительно, впослѣдствіи Иннокентій довольно строго взыскивалъ съ столоначальниковъ духовныхъ правленій „за неисправное теченіе дѣлъ“. Какъ-то Изюмское духовное правленіе несвоевременно представило въ консисторію вѣдомость о состоящихъ при приходскихъ церквахъ училищахъ для обученія грамотѣ поселянскихъ дѣтей. По этому

случаю консисторія опредѣлила: „за несвоевременное доставленіе означенной вѣдомости членамъ Изюмскаго духовнаго правленія и особенно столоначальнику онаго еще разъ сдѣлать строжайшее замѣчаніе съ объявленіемъ, что если и за симъ замѣчено будетъ какое-либо упущеніе по должности, то непременно виновные подвергнутся законному сужденію.“ Иннокентій нашелъ недостаточнымъ это опредѣленіе и положилъ такую резолюцію: „столоначальника выдержать три дня подъ арестомъ въ духовномъ правленіи со взятіемъ къ тому съ него росписки въ исправности на будущее время“.

Чтобы дать возможность духовнымъ правленіямъ на будущее время исправнѣе вести дѣлопроизводство, Иннокентій вскорѣ же послѣ своего вступленія въ управленіе Харьковскою епархіею рѣшилъ сократить кругъ дѣлъ, которыми они завѣдывали прежде, и притомъ завѣдывали даже незаконно. „Усмотрѣно мною“, писалъ Иннокентій въ своемъ предложеніи мѣстной консисторіи, „что духовныя правленія и благочинные, въ противность устава духовныхъ консисторій, §§ 164, 165 и 168, производятъ слѣдствія сами собою, не имѣя на то порученія высшаго начальства и часто въ такихъ дѣлахъ, которыя принадлежатъ только непосредственному архіерейскому судопроизводству, почему я предлагаю консисторіи воспретить низшимъ начальствамъ производить слѣдствія безъ моего предписанія или консисторіи, смотря по роду дѣлъ, а вмѣнить имъ въ обязанность по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ судопроизводству, въ возможной скорости доносить мнѣ и консисторіи къ свѣдѣнію и ожидать предписанія, исключая слѣдствій въ важныхъ преступленіяхъ, по горячимъ слѣдамъ“. Кроме того, Иннокентій запретилъ служащимъ въ духовныхъ правленіяхъ лицамъ заниматься посторонними дѣлами: составленіемъ исповѣдныхъ росписей, писаніемъ метрическихъ книгъ и формуляровъ, веденіемъ церковныхъ приходо-расходныхъ книгъ, отчетовъ, рапортовъ и т. п. Въ то время рѣдкіе священники дѣлали все это сами. Обыкновенно, получивъ бланки и шнуры-припечатанныя книги для веденія разныхъ записей, они къ сдачѣ везли ихъ въ духовныя правленія чистенькими, т. е. неписанными; за извѣстную плату ихъ писали правленскіе чиновники, чѣмъ были вполне

довольны обѣ стороны: чиновники брали деньги, а приходскіе священники не получали никакихъ замѣчаній отъ правленія за неправильное веденіе разныхъ записей. Наконецъ, Иннокентій обратилъ вниманіе какъ на количество, такъ и на качество лицъ, служившихъ въ то время въ духовныхъ правленіяхъ. До Иннокентія штатъ канцелярій въ духовныхъ правленіяхъ не былъ строго опредѣленъ. Иннокентій-же приказалъ „принять за правило, чтобы въ духовныхъ правленіяхъ было по одному столоначальнику и по одному писцу; ибо много-ли тамъ дѣлъ?“ Нравственныя качества лицъ, служившихъ въ канцеляріи духовныхъ правленій до Иннокентія особеннаго значенія не имѣли. Пьянство канцелярскихъ чиновниковъ считалось почти какимъ-то неизбѣжнымъ зломъ. Иннокентій обратилъ вниманіе и на это; онъ хотѣлъ видѣть въ духовныхъ правленіяхъ служащими людей нравственныхъ и трезвыхъ, начиная отъ присутствующихъ и оканчивая самыми сторожами. Одинъ пономарь, ведшій не всегда трезвую жизнь, явился однажды пьянымъ въ Купянское духовное правленіе. По этому поводу Купянское правленіе, нуждавшееся въ то время въ сторожѣ, испрашивало у консисторіи разрѣшенія въ наказаніе за такой поступокъ „обратить“ виновнаго изъ пономарей въ сторожа правленія. Зная, что просьба эта Иннокентію не понравится, хотя прежде подобныя „обращенія“ практиковались сплошь и рядомъ, члены консисторіи сдѣлали слѣдующее опредѣленіе: „пономаря для исправленія въ нетрезвой жизни послать на три мѣсяца въ Старо-Харьковскій монастырь въ черную работу, а сторожемъ въ духовное правленіе, если въ немъ имѣетъ оно надобность, велѣть избрать другаго малосвѣдущаго въ церковно-служительскихъ предметахъ, по трезвой жизни причетника“. Дѣйствительно консисторскіе члены не обманулись: просьба Купянскаго духовнаго правленія Иннокентію очень не понравилась и на консисторскомъ журналѣ по этому дѣлу онъ положилъ слѣдующую резолюцію: „Духовному правленію замѣтить, чтобы оно впредь не изъясняло охоты давать у себя притонъ пьяницамъ, а пономаря выслать на шесть мѣсяцевъ въ работу черную“.

Отъ духовныхъ правленій Иннокентій скоро-же перешелъ къ упорядоченію дѣлопроизводства и консисторскаго. Прежде всего, будучи недоволенъ медленностію консисторскаго дѣло-

производства, онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы напомнить „консисто́ристамъ“ о необходимости ускореннаго веденія дѣлъ. Такъ, на рапортѣ протоіерея Голяховскаго о движеніи дѣлъ въ консисторіи онъ положилъ такую резолюцію: „столоначальникамъ рекомендуется усугубить дѣятельность наблюденія въ движеніи бумагъ и исполнять все, что требуется уставомъ и законами“. Иногда онъ грозилъ даже своею ревизіею консисторской канцеляріи. „Объявить столоначальникамъ“, писалъ онъ на такомъ-же рапортѣ протоіерея Голяховскаго въ другой разъ, „чтобы они усугубили дѣятельность и приготовились къ ревизіи ихъ столовъ, которая скоро имѣетъ быть отъ меня“. Или: „объявить г.г. столоначальникамъ, что чрезъ недѣлю я вамъ ренъ сдѣлать смотръ ихъ столовъ“.

Что касается нравственныхъ качествъ консисторскихъ чиновниковъ, то въ этомъ отношеніи Иннокентій дѣйствовалъ также, какъ и въ отношеніи чиновниковъ правленскихъ. Исключенный за пьянство изъ низшаго отдѣленія ученикъ просился въ число канцелярскихъ служителей консисторскихъ *безъ жалованья*. Иннокентій не позволилъ его принять даже и на этомъ условіи и на его прошеніе положилъ слѣдующую резолюцію: „не стоитъ, по неодобрительному поведенію, и мною самимъ замѣченному на испытаніи“. Консисторскіе канцеляристы въ то время слишкомъ грубо и безчеловѣчно обращались съ просителями, особенно когда эти просители были изъ духовнаго званія. Иннокентію это также не нравилось и онъ рѣшился хотя своею властію нѣсколько облагородить консисторскихъ канцеляристовъ. „Дошло до свѣдѣнія моего“, писалъ онъ въ консисторію въ одномъ изъ своихъ предложеній, „что столоначальники и служители консисторіи весьма грубо обращаются съ просителями, особенно духовнаго чина, почему г. секретарь имѣетъ объявить всѣмъ служащимъ въ канцеляріи консисторской, что впредь будетъ за обращеніемъ ихъ съ просителями строго наблюдаемо и по мѣрѣ вины немедленно, за безчинство и грубость, штрафуемо строго“.

Отъ канцеляріи Иннокентій перешелъ затѣмъ и къ самому „присутствію“ консисторіи. „О.о. членамъ консисторіи объявить“, писалъ онъ на рапортѣ протоіерея Голяховскаго о движеніи консисторскихъ дѣлъ, „чтобы они усерднѣе посѣщали

консисторію“. Члены, какъ видно, не всегда исполняли это распоряженіе и Иннокентій принужденъ былъ усугубить свою мѣру. На одномъ изъ консисторскихъ журналовъ онъ написалъ:... „А г.г. членамъ консисторіи объявить, чтобы они неопустительно посѣщали засѣданія консисторіи, что имѣеть быть отмѣчаемо со всею вѣрностію секретаремъ консисторіи“.— По взгляду Иннокентія, члены консисторіи должны быть первыя лица въ епархіи по своимъ дарованіямъ, трудамъ, заслугамъ и почестямъ, но зато и первыя отвѣтчики за свои несправности. И если кто изъ нихъ дѣйствительно оказывался несправнымъ, то ни лѣта, ни прежніе труды и заслуги не могли спасти его отъ замѣчанія или выговора Иннокентія. На рапортѣ законоучителя М—на о прочитанныхъ имъ урокахъ Иннокентій положилъ резолюцію, въ которой не забылъ упрекнуть въ несправности и членовъ консисторіи: „къ свѣдѣнію: а почему прочіе законоучители, между прочимъ, члены консисторіи, не представляютъ рапортовъ о своемъ ученіи?“

Въ консисторскомъ дѣлопроизводствѣ Иннокентій требовалъ скорости, точности, аккуратности и серьезности отношенія къ дѣлу. „Надобно такъ составлять журналъ“, наставлялъ онъ консисторію, „чтобы видѣнь былъ, хотя кратко, весь ходъ дѣла; а здѣсь, напр., не видно, откуда оно и какъ возникло: почему и утвердить его мудроно безъ справокъ“. На опредѣленіи консисторіи о сооруженіи въ селѣ Михайловкѣ Валковскаго уѣзда новой каменной церкви и колокольни, съ условіемъ, чтобы помѣщикъ сего села для втораго причта отвелъ подъ церковную землю, Иннокентій написалъ: „Дозволить немедленно устроить церковь, не обязывая къ отводу земли. А для сего, если окажется нужнымъ, сократить тамъ число причтовъ. А впредь въ журналахъ и протоколахъ выставлять непременно годъ и мѣсяцъ поступления всѣхъ бумагъ, дабы видно было, что въ консисторіи не лежатъ дѣла по цѣлымъ мѣсяцамъ, какъ это, къ стыду членовъ консисторіи, не разъ замѣчено мною“. Какъ-то пропало одно консисторское дѣло; послѣ всѣхъ розысковъ, предпринятыхъ секретаремъ консисторіи, ни виновнаго, ни дѣла однакоже не оказалось. Такъ донесли и Иннокентію. Иннокентій былъ недоволенъ такими консисторскими порядками и на докладѣ секретаря написалъ: „напротивъ, ви-

новный долженъ быть непременно, если не по существу, то по формѣ дѣлопроизводства; посему взыскать его и доложить". Мѣсяца черезъ три послѣ вступленія Иннокентія въ управленіе Харьковскою епархіею, въ консисторіи полученъ былъ указъ Св. Синода о содѣйствіи съ духовной стороны мѣрамъ гражданскаго правительства къ успѣшнѣйшему разведенію картофеля. Выслушавъ этотъ указъ, члены консисторіи, по принятому обычаю, *приказали*: „указъ сей принявъ къ свѣдѣнію, хранить съ прочими таковыми-жъ“. „Какъ къ свѣдѣнію?“—спрашивалъ Иннокентій въ своей резолюціи. „Это значитъ вовсе не содѣйствовать мѣрамъ правительства. Немедленно сдѣлать предписаніе чрезъ благочинныхъ, чтобы священники и примѣромъ и убѣжденіемъ содѣйствовали къ тому, чтобы крестьяне разводили картофель“. Наконецъ, еще одинъ примѣръ. Харьковскою консисторіею полученъ былъ указъ на ея имя изъ Московской Святѣйшаго Правительствующаго Синода конторы, при которомъ препровождался послужной списокъ Воскресенскаго монастыря какого-то іеромонаха Іеронима и которымъ консисторіи давалось знать, „что оный іеромонахъ Іеропимъ уволенъ изъ Воскресенскаго монастыря для опредѣленія въ Одесскій Успенскій монастырь съ тѣмъ, чтобы объ опредѣленіи его въ сей монастырь донесено было конторѣ Св. Синода“. Очевидно, въ канцеляріи синодальной конторы писецъ ошибся: написалъ указъ въ *Харьковскую* консисторію вмѣсто *Херсонской*. Между тѣмъ, кто-то изъ членовъ консисторіи, или вѣрнѣе—консисторскихъ столоначальниковъ, вздумалъ подшутить надъ этой ошибкой писца и составилъ такое постановленіе: „донести рапортомъ Московской Св. Синода конторѣ, что въ Харьковской епархіи ни Воскресенскаго, ни Одесскаго Успенскаго монастырей не имѣется“. Шутку эту Иннокентій нашель однакоже вовсе неумѣстною въ официальномъ дѣлопроизводствѣ и написалъ такую резолюцію: „Да въ указѣ и не говорится, чтобы у насъ былъ Воскресенскій монастырь. Откуда это взято? Чужую ошибку не надобно увеличивать вдвое. Донести, что нѣтъ Успенскаго монастыря,—и только! А канцеляріи впредь быть осмотрительнѣе“. Для упорядоченія консисторскаго дѣлопроизводства Иннокентій употреблялъ вообще разныя мѣры. Такъ, прежде всего онъ всегда отличалъ ис-

правныхъ и аккуратныхъ чиновниковъ отъ „медлительныхъ“, и „нерадивыхъ“. Особенно это отличіе было всегда замѣтно при распредѣленіи наградныхъ денегъ. Такъ, въ концѣ октября 1844 года хозяйственное управленіе при Св. Синодѣ увѣдомило Иннокентія, что изъ Всемиловѣйше пожалованной суммы на награды чиновникамъ духовныхъ консисторій, занимавшихся, сверхъ прямыхъ своихъ обязанностей, дѣлами и счетами по свѣчному сбору, для Харьковской консисторіи Св. Синодъ назначилъ 316 руб. сер. На этомъ *отношеніи* хозяйственнаго управленія Иннокентій положилъ такую резолюцію: „сдѣлать распредѣленіе (наградныхъ денегъ) такъ, чтобы замѣченные въ медленности дѣлопроизводства не были поставлены на ряду съ прилежно трудившимися“. Въ число канцелярскихъ чиновниковъ онъ принималъ только людей способныхъ и хорошо пишущихъ; людей-же неспособныхъ и мало свѣдущихъ онъ не только не принималъ, но и удалялъ безъ всякой просьбы изъ консисторіи, если они были приняты до начала его правленія Харьковскою епархіею. На прошеніи одного исключеннаго изъ высшаго отдѣленія Харьковскаго уѣзднаго училища ученика о принятіи его въ число консисторскихъ служителей, онъ положилъ резолюцію: „плохо пишетъ; если хочеть, пусть просится въ свѣтское званіе“. Напротивъ, на такомъ-же прошеніи уволеннаго изъ средняго отдѣленія семинаріи и отлично писавшаго Иннокентій написалъ: „принять, а слабыхъ и неумѣющихъ писать уволить, чтобы способнымъ было жалованье“. Впослѣдствіи онъ поступалъ еще рѣшительнѣе. Такъ, въ одномъ изъ своихъ предложеній, данныхъ на имя консисторіи, онъ писалъ: „изъ представленныхъ мнѣ послужныхъ списковъ о чиновникахъ и канцелярскихъ служителяхъ, собственными ихъ руками написанныхъ, замѣчено мною, что въ числѣ канцелярскихъ служителей много есть лишнихъ противу штатнаго положенія, и при томъ изъ нихъ: Иванъ и Павелъ Рубинскіе, В. Лихницкій, С. Котляревскій и Василій Червонецкій пишутъ худо. Посему объявить симъ канцелярскимъ служителямъ, чтобы они искали себѣ мѣсть, свойственныхъ ихъ способностямъ, а до пріисканія таковыхъ, хотя и считать ихъ на службѣ, по производство жалованья имъ прекратить съ сего времени, прочимъ-же, также некрасиво пи-

шущимъ, рекомендовать, чтобы они исправили свой почеркъ подь опасеніемъ исключенія изъ службы“. Вообще-же онъ совѣтовалъ консисторіи „безъ особенной нужды не умножать числа приказно-служителей“. Къ консисторскимъ постановленіямъ Иннокентій вообще относился довольно осмотрительно и если замѣчалъ какое-нибудь умышенное или неумышенное упущеніе, тотъ-часъ возвращалъ дѣло для новаго пересмотра, или-же самъ дѣлалъ постановленіе, какое ему казалось справедливымъ. Одинъ запрещенный въ священнослуженіи діаконъ, бывшій на причетнической вакансіи, явился пьянымъ въ церковь въ началѣ литургіи, во время великаго входа; когда священникъ еще только произнесъ царскую фамилію, онъ тотъ-часъ началъ пѣть причастенъ: „въ память вѣчную будетъ праведникъ“, и при этомъ сталъ громко и дерзко бранить останавливавшего его причетника. Консисторія по этому дѣлу сдѣлала такое постановленіе: „оштрафовать виновнаго положеніемъ въ церкви ста земныхъ поклоновъ при причтѣ и прихожанахъ“. Но Иннокентій не согласился съ такимъ постановленіемъ и написалъ слѣдующую резолюцію: „Рѣшеніе противно законамъ. Пересмотрѣть снова, по важности вины, а присутствующимъ и особенно г. секретарю замѣчается, чтобъ впредь не дѣлаемо было такихъ просмотровъ осязательныхъ“. Другой примѣръ. Харьковская палата уголовного суда однажды донесла Иннокентію, что задушившійся - было отъ паровъ въ винокуренномъ заводѣ крестьянинъ, но вытащенный и приведенный затѣмъ въ чувство, все-таки чрезъ три или четыре часа умеръ безъ исповѣди и св. причащенія, такъ какъ приходскій священникъ не захотѣлъ тотъ-часъ отправиться къ нему для напутствованія, ссылаясь на то, что ему нужно ѣхать на хуторъ для погребенія умершаго. Принимая во вниманіе, что священникъ не просто не захотѣлъ напутствовать больнаго, а потому, что былъ занятъ въ это время другою требою, консисторія виновнымъ его не признала. Но Иннокентій взглянулъ на это дѣло совершенно съ другой стороны. „Погребеніе, писалъ онъ, можно было отложить, а испорѣдь была неотложна: посему консисторія снова имѣетъ вникнуть въ это дѣло“.

(Продолженіе будетъ).

НУЖНА-ЛИ ФИЛОСОФІЯ?

(Окончаніе *).

II.

Начало недоразумѣній между философіею и религіею восходитъ къ очень древнимъ временамъ нашей науки, и эти недоразумѣнія касаются не столько права ея изслѣдовать важнѣйшіе вопросы знанія и жизни, входящіе въ тоже время въ составъ и богословской науки, сколько границъ этого права и способа рѣшенія этихъ вопросовъ. Начало недоразумѣній между философіею и естествознаніемъ восходитъ не далеко, не далѣе временъ Закона, но съ особенною рѣзкостію враждебныя отношенія между ними выразились въ наше время и они тѣмъ важнѣе для насъ, что касаются не какихъ-либо спорныхъ границъ между этими областями знанія, но самаго права философіи на изслѣдованіе природы, которую всю и безраздѣльно думаетъ взять въ свое исключительное вѣдѣніе естествознаніе.

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ философія, природа всегда составляла одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ ея изслѣдованія. На первыхъ порахъ нашей науки ученіе о природѣ составляло главное ея содержаніе, по отношенію къ которому прочіе философскіе вопросы занимали второстепенное мѣсто. Главный вопросъ, занимавшій до-сократовскихъ мыслителей, состоялъ въ томъ: какъ произошелъ и какъ устроенъ видимый нами міръ? Главныя сочиненія многихъ до-сократовскихъ философовъ даже озаглавливались однимъ и тѣмъ-же названіемъ: *περί φύσεως* (о природѣ),—заглавіемъ, которое прямо указывало на то, что они считали существенною задачею философіи. Въ составъ

этой задачи входили не только проблемы чисто философскаго свойства, напримѣръ о первомъ началѣ и сущности природы, но и тѣ вопросы, которыми въ настоящее время занимаются науки естественныя. Такъ въ философіи Анаксимандра, Гераклита, Пифагора, Анаксагора и др. мы встрѣчаемъ различнаго рода гипотезы о фигурѣ и обращеніи земли, о величинѣ и движеніи звѣздъ, о причинахъ солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, о происхожденіи животныхъ и человѣка и т. п. Космологическій элементъ вообще настолько преобладалъ въ архаической философіи, что, повидимому, грозилъ опасностью сдѣлать ее одностороннею и отвлечь ея вниманіе отъ другихъ существенныхъ ея задачъ. Сократъ первый созналъ эту односторонность космологическаго направленія философіи своихъ предшественниковъ,—и въ человѣкѣ и его духовной природѣ указалъ высшій и болѣе важный предметъ философскаго изслѣдованія. Онъ, какъ говорили, первый свелъ философію съ неба на землю, обратилъ ея вниманіе отъ міровыхъ вопросовъ къ человѣку. Увлеченный новою задачею философіи, онъ съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на философію природы, считая ея задачи и неразрѣшимыми и бесполезными для истинной цѣли знанія, которая есть, тождественная съ знаніемъ, добродѣтель. Но послѣдующіе за Сократомъ корифеи греческой философіи, Платонъ и Аристотель, не пошли за нимъ по этому односторонне-иэическому пути. Въ философіи Платона ученію о природѣ отводится значительное и почетное мѣсто (Тимей). Но истиннымъ отцемъ философскаго естествознанія справедливо считается Аристотель, какъ потому, что онъ первый раскрылъ начала индуктивнаго метода, такъ и потому, что онъ первый-же представилъ опыты приложенія этого метода въ своихъ многочисленныхъ и замѣчательныхъ, по богатству эмпирическаго матеріала и по разнообразію затронутыхъ вопросовъ, сочиненіяхъ по естествознанію. Но не смотря на то, что въ это время ясно и отчетливо было отдѣлено ученіе о природѣ (физика) отъ прочихъ частей философіи, ни Аристотель, ни послѣдующіе за нимъ философы какъ его собственной, такъ и другихъ школъ, не выдѣляли изслѣдованій о законахъ и явленіяхъ природы изъ области знанія философ-

скаго какъ область ему противоположную и по содержанию, и по методу. Физика, астрономія, фізіологія, ученіе объ образованіи міра, — все это входило въ область философіи, занимая мѣсто на ряду съ логикою, ученіемъ о Богѣ, человѣкѣ и нравственною философіею. *)

Со временъ Аристотеля, какъ естественныя науки вообще (за исключеніемъ развѣ астрономіи), такъ и философія природы не сдѣлали сколько-нибудь значительнаго движенія впередъ до времени возрожденія наукъ. Во весь продолжительный періодъ среднихъ вѣковъ, воззрѣнія на природу Аристотеля и свѣдѣнія его о мірѣ сохранялись и передавались какъ мертвое сокровище безъ серьезныхъ попытокъ вести далѣе изученіе природы по тому-же пути, какой былъ указанъ этимъ великимъ мыслителемъ.

Подавляющее вліяніе Аристотеля, ставши препятствіемъ для

*) Причиной этого включенія естественныхъ наукъ въ сферу философіи была не одна только спутанность понятій о методѣ познанія природы, какъ полагаютъ нѣкоторые. Эта спутанность, если и допустимъ ее въ началѣ, не могла бы быть явленіемъ столь продолжительнымъ, чтобы условливать собою, фактически существовавшее, отнесеніе важнѣйшихъ естественныхъ наукъ къ философіи почти до XVIII вѣка. Причина тому, главнымъ образомъ, заключалась въ принципѣ раздѣленія наукъ, принятомъ почти со временъ Аристотеля. Этотъ принципъ состоялъ въ томъ, что вся область знанія распадалась на два главные отдѣла: знаніе явленій и знаніе причинъ явленій, — или какъ выражались древніе: знаніе *ὄτι* и знаніе *διότι*, познаніе того, что есть и познаніе того, почему что есть. Первая область знанія чисто эмпирическаго и фактическаго не носила одного общаго и точно установленнаго названія; къ ней относились, главнымъ образомъ, науки строгаго описательнаго, прежде всего исторія, затѣмъ географія и простое описаніе естественныхъ предметовъ природы, въ параллель описанію явленій міра человѣческаго, издревле названное естественною исторіею. Такъ какъ въ эту первую область знанія преимущественно входили исторія человѣка и естественная исторія, то мы можемъ назвать ее *историческою*. Второй затѣмъ отдѣлъ составляли всѣ тѣ науки, которыя занимались не только описаніемъ явленій, но и изясненіемъ ихъ причинъ и законовъ, по которымъ они совершаются. Вслѣдствіе этого сюда относилась не только философія въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и тѣ естественныя науки, которыя занимались рациональнымъ изясненіемъ законовъ природы, таковы напр: физика, астрономія, фізіологія. Этотъ классъ наукъ о причинахъ явленій, въ отличіе отъ перваго класса наукъ повѣствовательныхъ, и назывался общимъ именемъ наукъ философскихъ. Естественныя науки, наип упомянутыя, какъ часть философіи, и назывались философіею естественною (натуральною), — терминъ, который до настоящаго времени остался въ употребленіи отъ прежнихъ временъ у англичанъ, какъ названіе высшихъ естественныхъ наукъ, преимущественно физики.

свободнаго движенія ума въ области науки, одностороннія телеологическія воззрѣнія на явленія природы, а преимущественно вызванное общимъ духомъ времени стремленіе къ познанію видимой природы и ея явленій, были причинами враждебнаго отношенія одного изъ родоначальниковъ новой философіи — Бакона къ философскому изслѣдованію природы. Конечно, сильная и вліятельная защита Бакономъ правъ естествознанія и свойственнаго ему индуктивнаго метода имѣла свои основанія и принесла свою пользу, содѣйствуя къ послѣдующему болѣе точному опредѣленію взаимныхъ отношеній и границъ обѣихъ областей знанія. Изъ философіи окончательно выдѣлилось и составило предметъ различныхъ естественныхъ наукъ все то, что доступно эмпирическому познанію природы. Но тѣмъ не менѣе за нею всегда признавалось право на рѣшеніе общихъ космологическихъ вопросовъ и на разъясненіе тѣхъ основныхъ, касающихся всей природы, понятій, изслѣдованіе которыхъ не могло входить въ какую-либо изъ спеціальныхъ эмпирическихъ наукъ *). Но мирное сосуществованіе философіи и естествознанія было нарушено съ тѣхъ поръ, какъ идеалистическая философія Гегеля, и особенно Шеллинга, сдѣлала смѣлую попытку изъ чистыхъ понятій разума, независимо отъ опыта выяснить все существующее, въ процессѣ его законосообразнаго развитія, не исключая изъ этого самой природы съ ея эмпирическими законами. Такое чисто интеллектуальное изъясненіе или, точнѣе, конструированіе природы показалось имъ истинно научнымъ познаніемъ ея, въ сравненіи съ которымъ познаніе эмпирическое имѣло лишь низшее, второстепенное значеніе **).

*) Такъ, по мнѣнію Вольфа, который первый установилъ систематику и методологію раціональной философіи по началамъ Лейбница, философія природы или космологія должна быть наукою о мірѣ вообще. Она не имѣетъ въ виду частное познаніе тѣлъ и ихъ свойствъ, но занимается разъясненіемъ только тѣхъ понятій, которыя, будучи отвлечены отъ реальныхъ явленій міра, приличествуютъ всему міру, вообще понимаемому. Въ силу этого опредѣленія въ космологію входили слѣдующіе предметы: понятіе о мірѣ вообще, о тѣлахъ и общихъ свойствахъ ихъ, о законахъ движенія, о стихіяхъ (элементахъ тѣлъ, — монадахъ), о естественномъ и сверхъестественномъ въ природѣ (т. е. о чудесахъ) и, наконецъ, о совершенствѣ міра.

***) По мнѣнію Шеллинга, задача философіи природы состоитъ въ томъ, чтобы природу, т. е. совокупность міра явленій, вывести изъ философскихъ началъ;

Но такой взглядъ на значеніе философіи въ дѣлѣ изученія природы естественно возбудилъ сильную реакцію со стороны положительнаго естествознанія. Смѣлая мысль — вывести законы природы и объяснить ея явленія изъ одного философскаго принципа путемъ чистаго мышленія, очень не надолго увлекла умы. Кратковременное увлеченіе подобною мыслию смѣнилось крайнимъ отвращеніемъ не только къ идеалистической, но и ко всякой философіи природы, такъ какъ эту философію естествоиспытатели не иначе представляли себѣ, какъ въ видѣ ненавистнаго имъ конструированія природы а priori, по методу Шеллинга и Гегеля. Противъ философіи природы возстали не только защитники матеріалистическаго міросозерцанія, но и безпристрастные, враждебные этому направленію, естествоиспытатели. „На нѣмецкую натурфилософію, говоритъ одинъ изъ нихъ — Либихъ, мы смотримъ теперь какъ на вымершее дерево, которое произвело прекрасныя листья, великолѣпныя цвѣты, но не принесло никакихъ плодовъ. Съ безконечнымъ напряженіемъ ума и остроумія она создавала только призрачныя образы и картины, но для науки нужны не радужныя краски, а чистый свѣтъ истины“. *)

философствовать о природѣ значить творить (schaffen) природу... То, о чемъ едва смѣли мечтать недавно, что по крайней мѣрѣ считали невозможнымъ, — именно полное представленіе интеллектуальнаго міра въ законахъ и формахъ міра являющагося и обратно — полное пониманіе этихъ законовъ и формъ изъ міра интеллектуальнаго, то отчасти уже сдѣлано философією природы, отчасти стоитъ уже на пути къ осуществленію“. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ Шеллингъ старается вывести изъ абсолютнаго начала явленія какъ природы, такъ и духа въ ихъ стройномъ параллельномъ и послѣдовательномъ развитіи. Его философія природы не есть только приложеніе абстрактныхъ началъ къ данному и существующему естествознанію. Его цѣль скорѣе „философски произвести самое естествознаніе, и его философія есть не что иное, какъ естествознаніе“ (эти и другія аналогичныя мѣста изъ Шеллинга см. у Фрогшаммера, въ его сочиненіи: *Ueber die Aufgabe d. Naturphilosophie*, стр. 70, 72). Что касается до философіи природы Гегеля, то начала и основанія ея находятся уже въ его логикѣ; свою философію природы онъ самъ называетъ прикладною логикою. Задача этой философіи — представить абсолютное въ его инобытіи или въ обнаруженіи во видѣ самого себя (Entäußerung); законы его развитія въ природѣ суть тѣ-же формы діалектическаго процесса, изображеніе которыхъ въ абстрактномъ видѣ представляетъ логика. Натурфилософія Гегеля, впрочемъ, не имѣла такого значительнаго вліянія, какъ философія природы Шеллинга.

*) Chem. Briefe. 4. Aufl. B. 1, 28 и др.

Реакція противъ идеалистической натурфилософіи вызвала, какъ часто бываетъ, противоположную крайность. Даже философы начали отказываться отъ права философіи въ дѣлѣ познанія природы, соглашаясь, что всѣ вопросы, касающіеся природы, подлежатъ исключительно естествознанію и могутъ быть рѣшаемы только индуктивнымъ методомъ. На долю философіи, такъ какъ все содержаніе ученія о природѣ отходило къ наукамъ естественнымъ, оставялось не многое,—именно методологическіе вопросы и формальное обобщеніе результатовъ естествознанія *). Естествоиспытатели нашего времени пошли еще дальше; они отвергли даже это ограниченное значеніе философіи для естествознанія. По ихъ мнѣнію, между философіею и науками естественными нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Философія имѣетъ совершенно отличный отъ эмпирическаго образъ мыслей; поэтому всякое соприкосновеніе съ философіею можетъ быть только крайне пагубнымъ для естествознанія. Это раздѣльныя области, которыя должны и навсегда оставаться раздѣленными. **)

Какія же могутъ быть причины столь враждебнаго отношенія современнаго естествознанія къ философіи и кто виновенъ въ этомъ печальномъ явленіи—философія, или современное направленіе естествознанія?

Во времена Бакона, начинающееся нерасположеніе къ философіи, если не оправдывалось, то извинялось тѣмъ преобладаніемъ, которое оказывала на ходъ научнаго познанія природы схоластическая философія, и желаніемъ открыть просторъ и свободу эмпирическому изученію ея. Но въ наше время столь широкаго развитія естественныхъ наукъ, этотъ мотивъ соперничества и вражды между философіею и естествознаніемъ, конечно, не имѣетъ силы; скорѣе философія могла-бы жаловаться на одностороннее отвлеченіе ума къ области положительнаго

*) Такъ, по мнѣнію Милля и Вевеля, философія собственно о природѣ ничего сказать не можетъ; по отношенію къ ней задача ея должна состоять лишь въ томъ, чтобы указать правильные методы изученія природы и раскрыть значеніе, естественныхъ наукъ. По мнѣнію О. Конта, философія природы есть не что иное какъ энциклопедическое изображеніе главныхъ результатовъ естествознанія.

***) Lange. Geschichte des Materialismus. 1874. В. II, S. 144. См. также приведенную у него выдержку изъ рѣчи ботаника Гуго фонъ-Моля, стр. 285—287.

знанія. Опасаться увлеченія философскими вопросами въ ущербъ положительной наукѣ могутъ развѣ тѣ односторонніе естествоиспытатели, которые, строго ограничившись избраннымъ ими кругомъ изслѣдованія и въ виду именно специализаціи научной работы, намѣренно желали-бы устраничь всѣ высшіе космологическіе вопросы, какъ не входящіе въ сферу изучаемыхъ ими явленій и неразрѣшимые при тѣхъ данныхъ и методахъ, какими они пользуются. Но это, конечно, нисколько не говоритъ ни противъ значенія этихъ вопросовъ, ни противъ опытовъ разрѣшенія ихъ въ той наукѣ, которая, по самому существу своему не касаясь тѣхъ или иныхъ специальныхъ вопросовъ и не имѣя притязанія рѣшать ихъ, изслѣдуетъ вопросы общіе, имѣющіе значеніе для всего естествознанія. Если натуралисты, въ оправданіе своихъ опасеній философіи, ссылаются иногда на недавнее будто-бы преобладаніе натурфилософіи Шеллинга и Гегеля, то едва-ли и сами они серьезно вѣрятъ въ справедливость подобныхъ опасеній. Каково-бы ни было вліяніе въ свое время философіи Шеллинга и Гегеля, во всякомъ случаѣ оно было кратковременно и въ области собственно естествознанія очень ограничено; тѣмъ менѣе можно доказать, чтобы вліяніе этой философіи сколько-нибудь замедлило ходъ естествознанія.

Отсюда очевидно, что причина нерасположенія къ философіи заключается не въ какой-либо винѣ ея противъ естествознанія, но въ одностороннемъ направленіи самаго естествознанія, отрицающаго какъ самое право философіи на познаніе природы, такъ и законность того метода, который она употребляетъ при этомъ познаніи. Вопросъ объ отношеніи философіи къ естествознанію требуетъ поэтому разъясненія съ той и другой стороны.

1. Естествознаніе, въ настоящее время столь ревниво оберегающее свои границы отъ вторженія философіи, беретъ природу въ свое исключительное завѣдываніе; всякая попытка изслѣдованія природы внѣ области эмпирическаго знанія представляется посягательствомъ на его право.

Такая исключительность естествознанія имѣла бы полное для себя основаніе, если-бы оно дѣйствительно рѣшало и могло

рѣшить *всѣ* вопросы, касающіеся природы; тогда, конечно, всякая другая наука, претендующая на познаніе природы, была бы, по меньшей мѣрѣ, излишнею. Но можетъ-ли похвалиться этимъ естествознаніе? Не смотря на многочисленный составъ наукъ, эмпирически изслѣдующихъ природу, нѣтъ-ли въ ней какихъ-либо сторонъ, на которыя оно не обращаетъ должнаго вниманія, нѣтъ-ли вопросовъ, на которые оно или вовсе не даетъ отвѣта или даетъ отвѣты неудовлетворительные и одно-сторонніе?

Прежде всего оказывается, что естествознаніе, хотя изслѣдуетъ данные эмпирическіе факты, предметы и явленія природы, описываетъ ихъ, приводитъ въ систему, старается изучить законы ихъ бытія и происхожденія, но оставляетъ въ сторонѣ, предполагая какъ нѣчто само собою понятное и извѣстное, самыя всеобщія и основныя условія бытія природы: *пространство* и *время*. Даже самая отвлеченная естественная наука, — чистая механика (которую по ея точности можно разсматривать какъ часть математики), имѣетъ дѣло только съ движеніемъ и равновѣсіемъ механическихъ силъ. Но механическая сила и движеніе предполагаютъ пространство и время, безъ которыхъ они не могутъ имѣть мѣста и быть мыслимыми.

Точно также естествознаніе принимаетъ понятіе *матеріи*, какъ нѣчто эмпирически данное, какъ фактъ; оно изслѣдуетъ составъ, законы сочетанія и образованія данныхъ матеріальныхъ тѣлъ; но что такое матерія сама по себѣ, — этотъ вопросъ оно оставляетъ нерѣшеннымъ. Самый атомизмъ, въ которомъ нѣкоторые видятъ естествознательное ученіе о матеріи, съ одной стороны въ существѣ своемъ не есть эмпирическая, а философская теорія, такъ какъ атомы не составляютъ предметъ эмпирическаго наблюденія; съ другой, естествознаніе доводитъ только до предположенія качественно различныхъ элементовъ простыхъ тѣлъ (слѣд. собственно — до различныхъ *матерій*), но отчего происходитъ это различіе и что такое матерія первоначальная, — оно не говоритъ.

Далѣе, для объясненія явленій природы естествознаніе предполагаетъ понятіе *силы*, которую, по крайней мѣрѣ, механика строго отличаетъ отъ матеріи. Фактически, хотя многія

изъ этихъ силъ и переходятъ одна въ другую (законъ взаимодѣйствія силъ), но въ то-же время представляются различными силами, не сведенными къ единству. Но что такое сила природы? Какое отношеніе ея къ матеріи? Отъ чего происходитъ разнообразіе силъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ выходитъ за предѣлы эмпирическаго познанія, такъ какъ опытъ показываетъ намъ только обнаруженіе той или другой силы, но не даетъ понятія о силѣ, какъ таковой.

Но каждая сила природы дѣйствуетъ по опредѣленному закону; опредѣленные законы управляютъ и сочетаніемъ химическихъ веществъ. Ближайшее, эмпирическое опредѣленіе законовъ природы составляетъ задачу, успѣшно разрѣшаемую естествознаніемъ. Но что такое самый законъ природы? Могутъ-ли быть законы природы выведены изъ понятія матеріи и силы, или предполагаютъ высшую причину, установившую извѣстный способъ дѣйствія силъ въ матеріи? Отвѣта на эти вопросы не можетъ дать эмпирическое знаніе. спеціальныхъ законовъ природы.

Но природа не есть неподвижный и неизмѣнный объектъ нашего познанія. Она представляетъ намъ процессъ закопосообразнаго развитія, начало и конецъ котораго скрываются въ недоступномъ для эмпирическаго познанія прошедшемъ и будущемъ. Отсюда для ума человѣческаго естественно возникаютъ вопросы о происхожденіи и концѣ (цѣли) существованія предметовъ и явленій природы. Естествознаніе намъ, конечно, говоритъ о происхожденіи тѣхъ или иныхъ существъ и предметовъ природы; оно позволяетъ себѣ иногда говорить и о цѣли ихъ существованія. Но его указанія имѣютъ полное значеніе только при объясненіи сравнительно ближайшихъ причинъ и слѣдствій явленій природы; чѣмъ далѣе цѣль этихъ причинъ и слѣдствій удаляется въ недоступное опыту прошедшее или будущее, тѣмъ болѣе и болѣе становятся недостаточными эмпирическія данныя для изъясненія начала и конца вещей, тѣмъ болѣе и болѣе оно должно прибѣгать къ понятіямъ и предположеніямъ, имѣющимъ свое начало не въ опытѣ, а въ умозрѣніи; таковъ напр. вопросъ о происхожденіи органической жизни на землѣ, человѣка. Еще болѣе оказывается

несостоятельнымъ естествознаніе, когда отъ объясненія происхожденія частныхъ предметовъ и явленій природы переходитъ къ вопросу о происхожденіи всего міра и цѣли его существованія. Притомъ, въ самыхъ смѣлыхъ своихъ гипотезахъ, часто только называемыхъ естествознательными, а въ сущности умозрительныхъ, оно доходитъ только до (истиннаго или мнимаго) разрѣшенія вопроса: какъ образовался міръ при предположеніи существованія *данныхъ* условій его бытія, напр. пространства, времени, матеріи, опредѣленнаго способа дѣйствія силъ и законовъ природы? Но откуда первоначально произошли самыя эти условія? Почему отъ сочетанія ихъ произошелъ именно тотъ, а не другой порядокъ вещей? Какой внутренней законъ и цѣль этого порядка? На эти вопросы опытъ не можетъ дать отвѣта,—уже потому одному, что самыя эти условія и предположенія, какъ мы видѣли, выходятъ изъ области опыта.

Что указанные нами вопросы не рѣшаются ни одною изъ спеціальныхъ естественныхъ наукъ, это не подлежитъ сомнѣнію и вполне понятно, такъ какъ каждая изъ этихъ наукъ имѣетъ ограниченный кругъ предметовъ и явленій природы, а вопросы, о которыхъ мы говорили, касаются всей природы вообще. Но если въ то же время, какъ показываетъ самый характеръ этихъ вопросовъ и исторія мышленія, рѣшеніе ихъ всегда составляло существенную потребность ума человѣческаго, то, очевидно, должна имѣть право на существованіе и наука о природѣ, занимающаяся ихъ рѣшеніемъ, и притомъ наука не эмпирическая, такъ какъ эмпірія не рѣшаетъ и не въ силахъ рѣшить; эта наука—философія. Правда, сознавая невозможность эмпирическаго рѣшенія этихъ вопросовъ, но въ то же время и не желая уступать своихъ правъ на познаніе природы какой-либо другой наукѣ, естествознаніе часто объявляетъ самыя эти вопросы неразрѣшимыми для человѣческаго ума и не имѣющими значенія для положительнаго познанія природы. Что касается до разрѣшимости или неразрѣшимости подобныхъ вопросовъ, то въ настоящемъ случаѣ мы можемъ оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ, такъ какъ мы уже касались его, говоря о возможности рѣшенія философскихъ вопросовъ вообще. *)

*) См. статью: „Возможна-ли философія?“

Здѣсь замѣтимъ только, что если мнѣніе о неразрѣшимости философскихъ, касающихся природы, вопросовъ не должно быть ни голословнымъ, бездоказательнымъ мнѣніемъ, ни предразсудкомъ, то оно уже предполагаетъ философію и необходимость ея для естествознанія,—потому что только философскій анализъ нашей познавательной способности и нормальной дѣйствительности можетъ сказать намъ, разрѣшима ли нѣтъ, и въ какой мѣрѣ, указанные вопросы. Что касается до значенія ихъ для естествознанія, то, конечно, спеціальное изученіе какой-либо частной области природы и познанія ближайшихъ причинъ явленій можетъ обойтись безъ рѣшенія этихъ общихъ вопросовъ и устраненіе ихъ можетъ не оказать никакого замѣтнаго вліянія на успѣшный ходъ научнаго изслѣдованія. Для зоолога напр., изучающаго извѣстную породу животныхъ, для химика, изслѣдующаго составъ извѣстныхъ минераловъ, могутъ быть совершенно чуждыми вопросы о происхожденіи міра, о пространствѣ, времени, матеріи и т. п. Но никакъ нельзя сказать того-же о всей совокупности наукъ, изучающихъ природу, о естествознаніи вообще. Безъ рѣшенія указанныхъ нами вопросовъ, познаніе природы было-бы не только одностороннимъ, но и ненаучнымъ въ точномъ смыслѣ слова. Одностороннимъ,—потому что, занимаясь конкретными фактами и явленіями и ближайшими ихъ причинами, оно упускало-бы изъ виду существенное,—общія основанія и начала всѣхъ частныхъ явленій; оно скользило-бы по поверхности природы, не заглядывая въ глубь ея. Оно было-бы ненаучнымъ; ибо истинно научное знаніе должно основываться не на предположеніяхъ, принимаемыхъ на вѣру, но на понятіяхъ научно обслѣдованныхъ и обоснованныхъ. Но такими, принимаемыми на вѣру, предположеніями и являются всеобщія и коренныя понятія естествознанія (напр. матерія, сила, законъ), какъ скоро естествознаніе не допускаетъ, единственно возможнаго здѣсь, философскаго изслѣдованія. Итакъ, самое достоинство естествознанія, какъ знанія научнаго въ строгомъ смыслѣ слова, необходимо требуетъ полнаго единенія его съ философіею, въ какой мѣрѣ она въ кругъ своихъ изслѣдованій вводитъ и тѣ стороны природы, которыя не могутъ быть предметомъ эмпирическаго знанія.

Мы видѣли, что и не выходя изъ области естествознанія въ строгомъ смыслѣ слова, мы встрѣчаемъ много и притомъ очень важныхъ, принципиальныхъ вопросовъ, на которые оно не можетъ дать отвѣта. Но количество этихъ вопросовъ возрастаетъ и важность ихъ увеличивается, какъ скоро мы начнемъ разсматривать природу не только саму по себѣ, но и въ отношеніи ея къ человѣку и опредѣляющимъ его умственную и нравственную жизнь высшимъ идеямъ: истины, добра, изящества. Повидимому природа не имѣетъ ничего общаго съ этими, чисто рациональными и имѣющими приложеніе только къ духовной сферѣ бытія, идеями. Но не такъ на самомъ дѣлѣ; уже общее и непосредственное сознаніе человѣчества никогда не могло и не можетъ обойтись безъ того, чтобы не только о явленіяхъ умственнаго и нравственнаго міра, но и о природѣ и о ея частныхъ феноменахъ не судить съ высшихъ, идеальныхъ точекъ зрѣнія. Человѣкъ никогда не ограничивался простымъ, эмпирическимъ познаніемъ предметовъ природы, но любилъ предлагать вопросы о цѣли и назначеніи того или другаго предмета; онъ не былъ безразличенъ къ ихъ идеальной цѣнности, но считалъ одни изъ нихъ болѣе совершенными, другіе менѣе, въ однихъ находилъ болѣе полное осуществленіе идеи разумности, въ другихъ нѣтъ. Переходя отъ частныхъ явленій ко всей совокупности ихъ, къ цѣлому міру, онъ старался понять вселенную не какъ простой агрегатъ данныхъ предметовъ и явленій, но какъ благоустроенное цѣлое (*κόσμος*), какъ осуществленіе высшихъ идей высочайшаго Разума. Далѣе, хотя понятія добра и зла, повидимому, имѣютъ существенное значеніе только въ области духовно-свободнаго бытія, но по тѣсной связи человѣка съ природою, какъ существо не только духовное, но и органическое, человѣкъ не могъ обойтись безъ того, чтобы не разсматривать и природу по отношенію къ этимъ понятіямъ. Какъ оптимизмъ, такъ и пессимизмъ для своего оправданія искали доказательствъ не только въ мірѣ человѣческомъ, но и въ природѣ, въ свойствѣ ея предметовъ и явленій. Въ природѣ то искали источника нравственнаго и физическаго зла, то условій къ нравственному развитію человѣка, жизнь „сообразную съ природою“ поставляя идеаломъ правиль-

ной жизни; то природу считали уклонившеюся отъ нормы, поврежденною, то человѣка, съ его цивилизаціею уклонившимся отъ природы. Наконецъ, не только разумъ и нравственное сознаніе человѣка принимали участіе въ оцѣнкѣ предметовъ и явленій природы, но и его чувство. Предметы природы производили въ немъ пріятныя или непріятныя ощущенія; одни изъ нихъ онъ называлъ прекрасными, другіе безобразными, между изяществомъ и безобразіемъ устанавливая тысячи оттѣнковъ. Такимъ образомъ, природа служила источникомъ эстетическихъ чувствъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, начиная отъ простыхъ ощущеній пріятнаго и непріятнаго и восходя до эстетическихъ въ точномъ смыслѣ чувствованій.

Конечно, противъ всѣхъ подобнаго рода вопросовъ, именуемое себя точнымъ естествознаніе вооружается еще съ болѣею силою, чѣмъ противъ тѣхъ принципіальныхъ вопросовъ, о которыхъ мы говорили выше. Самые эти вопросы оно называетъ не научными, основанными на фальшивомъ перенесеніи на природу чисто субъективныхъ, человѣческихъ понятій. О предметахъ и явленіяхъ природы, говорятъ, нельзя спрашивать: истинны ли они или неистинны, цѣлесообразны или неформальны, хороши или дурны, изящны или безобразны; оцѣнка ихъ съ этихъ точекъ зрѣнія есть субъективная оцѣнка, которая не должна имѣть мѣста въ объективномъ познаніи природы. Однакоже подобнаго рода вопросы, какъ показываетъ исторія мышленія, всегда предлагалъ себѣ человѣкъ, съ полною увѣренностью въ самой природѣ найти на нихъ реальныя, а не мечтательныя отвѣты и такое или иное рѣшеніе ихъ имѣло несомнѣнное вліяніе на многоразличныя проявленія его умственной, нравственной и эстетической жизни. Итакъ, уже самое историческое значеніе подобнаго рода вопросовъ запрещаетъ относиться къ нимъ легкомысленно и отвѣчать на нихъ простымъ отрицаніемъ ихъ истины. Нужно внимательное изученіе не только человѣческаго духа, гдѣ они коренятся, но и самой природы, чтобы отвѣтить на вопросъ: имѣемъ ли мы право прилагать эти идеальныя понятія къ природѣ и къ оцѣнкѣ ея явленій,—слѣдовательно, нужно во всякомъ случаѣ познаніе не только эмпирической стороны природы, но и той, которою

она соприкасается съ человѣкомъ, — идеальной, нужно философское изученіе природы. Но такое изученіе сейчасъ же покажетъ намъ, что сужденія о природѣ на основаніи идей истины, добра, изящества, являются вовсе не вслѣдствіе произвольнаго наложенія на природу субъективныхъ, человѣческихъ воззрѣній, не имѣющихъ сами по себѣ ничего общаго съ нею, но вызываются въ насъ самою природою, ея собственными, реальными свойствами и сторонами. Если бы эти сужденія были слѣдствіемъ субъективной только оцѣнки явленій природы человѣкомъ, то въ волѣ человѣка было бы считать тѣ или другія изъ этихъ явленій истинными и ложными, прекрасными и безобразными и пр., по крайней мѣрѣ сужденія о природѣ были бы измѣнчивы и случайны. Но, очевидно, не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ; не въ нашей волѣ считать напр. камень болѣе совершеннымъ произведеніемъ природы, чѣмъ человѣческой организмъ, уroda болѣе красивымъ и изящнымъ, чѣмъ строено сложеннаго человѣка, болѣе добромъ и счастьемъ, а здоровье зломъ и пр. Сужденія о цѣлесообразности и нецѣлесообразности, физическомъ добрѣ и злѣ, красотѣ и безобразіи не произвольны, но навязываются, такъ сказать, нашему уму дѣйствительными качествами предметовъ природы. И такъ, въ самой природѣ вещей, на ряду съ эмпирическими свойствами, должны быть высшія, идеальныя, и эти свойства для насъ имѣютъ такую же истину и реальность, какъ и физическія свойства предметовъ: тяжесть, свѣтъ, тепло и пр. Но какъ свойства *природныя*, они очевидно имѣютъ не меньше права на любознательность человѣка и на изученіе ихъ, какъ и свойства физическія. Но если бы даже вопреки очевидности мы стали считать упомянутыя идеальныя свойства природы не подлинными ея свойствами, а выраженіемъ субъективныхъ отношеній къ ней человѣка, то и въ такомъ случаѣ мы не въ правѣ были бы исключать эти свойства изъ области научно полнаго познанія природы. И самъ человѣкъ съ естествознательной точки зрѣнія составляетъ однакоже часть природы, одно изъ важнѣйшихъ ея произведеній. Если же естествознаніе по своей идеѣ должно разсматривать произведенія природы не въ ихъ разрозненности и каждое само по себѣ, но и въ ихъ взаим-

ной связи и взаимныхъ отношеніяхъ, то, конечно, оно имѣеть не только право, но и обязанность разсматривать и природу въ ея отношеніи къ человѣку и при томъ не въ одномъ только отношеніи къ физической его сторонѣ, но и въ отношеніи къ его духовной, истинно и спеціально человѣческой природѣ.

2. Изъ сказаннаго нами видно, что эмпирическимъ познаніемъ природы далеко не исчерпывается все содержаніе вопросовъ, касающихся природы, что поэтому естествознаніе для своей истинно-научной основательности и полноты необходимо имѣеть нужду въ дополненіи своимъ философіею, — и это дополненіе тѣмъ существеннѣе, чѣмъ важнѣе для нашего знанія и жизни тѣ вопросы, которые намѣренно или ненамѣренно обходятъ естествознаніе. Но положимъ, скажутъ ревнители самостоятельности естественныхъ наукъ, эти вопросы могутъ имѣть значеніе для познанія природы и ея отношеній къ человѣку. Почему-же за разрѣшеніемъ ихъ мы должны обращаться именно къ философіи? Не достаточно-ли для рѣшенія ихъ средствъ самаго естествознанія? Напротивъ, тотъ способъ какимъ думаетъ рѣшить ихъ философія, способъ раціональный, апріорный не только, какъ показываетъ опытъ, не приводитъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но всегда вель и ведетъ не къ познанію дѣйствительной природы, а къ мнимымъ, фантастическимъ представленіямъ о ней, которыя вредятъ ходу истинно-научнаго познанія природы.

Дѣйствительно, мы видѣли, что ничто столько не возбуждаетъ въ наше время враждебнаго чувства противъ философіи со стороны естествоиспытателей, какъ ея методъ, съ которымъ у нихъ неизбѣжно соединяется представленіе объ апріорномъ познаніи природы изъ однихъ понятій чистаго разума, безъ всякаго уваженія къ правамъ опыта и индукціи. Мы слишкомъ-бы удалились отъ ближайшей цѣли нашего изслѣдованія, если-бы для уничтоженія этого столь распространеннаго предразсудка стали входить въ разъясненіе сущности истинно раціональнаго метода познанія и его отношенія къ методу индуктивному въ дѣлѣ познанія *). Для устраненія напрасныхъ

*) Съ большею подробностію объ этомъ предметѣ надѣмся сказать, когда будемъ говорить о методѣ философіи.

нареканий на философію въ этомъ отношеніи достаточно остановиться на тѣхъ фактахъ изъ исторіи мышленія, которые обыкновенно приводятся въ доказательство вреднаго вліянія ея на ходъ естествознанія и причину котораго думаютъ видѣть въ преобладаніи философскаго метода въ изслѣдованіи природы.

Обыкновенно любятъ противопоставлять блестящее состояніе естествознанія въ настоящее и ближайшее къ намъ время жалкому состоянію его въ древности и въ средніе вѣка, и причину перваго находятъ исключительно въ начавшемся со времени Бакона приложеніи индуктивнаго метода къ изученію природы, — послѣдняго — въ господствѣ философскаго, такъ называемаго, „метафизическаго“ метода въ познаніи ея. Что въ древности многіе вопросы о природѣ, которые въ настоящее время безспорно принадлежатъ естествознанію, входили въ область философіи и разрабатывались философскимъ методомъ, это, конечно, вѣрно. Но чтобы слабое развитіе естествознанія въ древнемъ мірѣ зависѣло отъ вмѣшательства философіи въ дѣло познанія природы, съ этимъ едва-ли можно согласиться. То, въ чемъ упрекаютъ здѣсь философію, вполне зависѣло отъ общихъ историческихъ условій развитія человѣческаго познанія. На первыхъ порахъ научнаго знанія очень естественно, что мысль человѣка не могла еще строго разграничить различныя области познаваемаго, и различные методы познанія и отдѣлить въ области природы то, что принадлежитъ философіи, отъ того, что принадлежитъ эмпириі. Но это не единственная причина того преобладанія философскаго метода предъ эмпирическимъ, которое замѣчается въ древности. По самому существу дѣла, по состоянію научнаго знанія въ то время, вопросы о природѣ неизбежно должны были стать вопросами философскими. Для эмпирическаго рѣшенія ихъ не было еще почти никакихъ данныхъ, наблюденія были ничтожны; нужны были цѣлыя вѣка, чтобы они могли быть сколько нибудь достаточны и тверды, чтобы дать надежную опору для точныхъ индуктивныхъ заключеній. При томъ-же, одни непосредственныя и простыя наблюденія, не смотря на ихъ количество и продолжительность, были еще недостаточною основою для точнаго познанія земли, а особенно неба, до тѣхъ поръ,

пока открытіе телескопа и микроскопа не двинуло разомъ естественныхъ наукъ впередъ. Что касается до одного изъ сильнѣйшихъ орудій естествознанія, — математики, то и она только дѣлала первые шаги въ школѣ Пифагора. При этихъ условіяхъ понятно, почему одинаково близкіе какъ въ древнее, такъ и въ новое время уму человѣка вопросы о происхожденіи и устройствѣ вселенной могли быть рѣшаемы только теоретическимъ путемъ, при помощи философскихъ умозрѣній; другаго пути для рациональнаго объясненія природы въ то время не было и быть не могло. Конечно, и этимъ путемъ философы могли доходить до правильныхъ воззрѣній на различныя явленія природы; исторія естественныхъ наукъ открываетъ часто въ глубокой древности такія положенія, научная истина которыхъ подтверждена эмпирически только сравнительно въ недавнее время; таковы напр. первыя начала геологической теоріи образованія земли у Анаксимена и Эмпедокла, теорія прогрессивнаго развитія организмовъ у Анаксимандра, ученіе объ обращеніи земли около солнца у Пифагора и т. п. Но по самому методу изученія природы въ то время эти, повидимому, столь удачныя открытія были болѣе или менѣе случайными гипотезами, часто основанными на произвольныхъ началахъ, отъ чего они въ свое время и не удержались въ наукѣ, но легко уступали свое мѣсто другимъ, хотя, какъ оказалось послѣ, и менѣе вѣрнымъ, но за то болѣе, по времени, рационально обоснованнымъ гипотезамъ *).

---

*) Такъ напр. ученіе Пифагора объ обращеніи земли около солнца, составлявшее рѣзкій контрастъ съ общераспространеннымъ воззрѣніемъ древности, было основано не на какихъ-либо наблюденіяхъ, но выведено изъ произвольнаго теоретическаго предположенія, что самое совершенное и божественное въ природѣ должно быть неподвижнымъ; а такъ какъ такимъ совершеннымъ Пифагорейцы почитали солнце, то отсюда а priori выводили, что всѣ прочія міровыя тѣла, въ числѣ ихъ и земля, должны вращаться около солнца. Такъ какъ шаткость подобнаго основанія должна была сказаться скоро, а другихъ доказательствъ въ пользу своей теоріи они представить не могли, то не удивительно, что она скоро была оставлена и уступила мѣсто противоположной, въ пользу которой говорили эмпирическія наблюденія того времени, такъ что мы здѣсь нисколько не должны ни преувеличивать мнимую мудрость Пифагора, ни удивляться внимому повѣствованію его современниковъ и слѣдующихъ за нимъ философовъ, не сумѣвшихъ будто-бы оцѣнить его гениальное открытіе.

Но уже въ древности, съ развитіемъ философіи, въ ея собственныхъ предѣлахъ было положено начало (Аристотелемъ) правильнаго, эмпирическаго познанія природы и указаны основныя приемы индуктивнаго метода. Благодаря этому еще въ древнемъ мірѣ мы встрѣчаемъ опыты независимаго отъ философскихъ теорій, чисто эмпирическаго изслѣдованія явленій природы и приложеніе математики къ ихъ изъясненію, особенно въ астрономіи, которая достигла замѣчательной степени развитія въ древнемъ мірѣ.

Отсюда видно, что вліяніе философіи на изученіе природы въ древности имѣло свои законныя причины и что винить это вліяніе за неудовлетворительное состояніе тогда естествознанія, а освобожденію отъ этого вліянія приписывать его преуспѣяніе въ новое время, также несправедливо, какъ обвинять человѣка за то, что онъ нѣкогда былъ молодъ и при помощи одного ума и воображенія рѣшалъ въ это время тѣ вопросы, для рѣшенія которыхъ нуженъ продолжительный опытъ жизни, приобретаемый лишь въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Вообще современное естествознаніе часто ошибочно приписываетъ себѣ и совершенству своего метода то, что принадлежитъ собственно времени и условливается тысячелѣтнимъ накопленіемъ фактовъ, необходимыхъ для рѣшенія данныхъ вопросовъ. Отъ этого чисто количественнаго накопленія фактовъ въ области эмпирическаго знанія, успѣхъ его зависитъ не менѣе, какъ и отъ приложенія того или другаго метода.

Что касается до причинъ застоя естествознанія въ средніе вѣка, то и враги философіи едва-ли могутъ упрекнуть здѣсь въ чемъ-либо философію уже по тому одному, что сама философія, также какъ и естествознаніе, находилась подъ сильнымъ давленіемъ богословской науки и тѣмъ менѣе могла въ свою очередь оказывать стѣсняющее вліяніе на естествознаніе, что господствовавшая въ то время философія (Аристотеля) была одною изъ философскихъ системъ древности, наиболѣе благопріятствовавшихъ эмпирическому познанію природы. Не даромъ Аристотеля называли часто эмпирикомъ; онъ первый и установилъ индуктивный методъ и представилъ въ своихъ сочиненіяхъ опыты эмпирическаго изслѣдованія природы. Но неспра-

ведливо было-бы въ этомъ случаѣ переносить обвиненіе за упадокъ естествознанія въ средніе вѣка съ философіи и на богословіе. Тема о враждебныхъ столкновеніяхъ религіи съ естествознаніемъ одна изъ любимыхъ темъ современнаго, съ матеріалистическимъ оттѣнкомъ, естествознанія, для раскрытія которой написаны цѣлыя сочиненія. Что такого рода частныя столкновенія могли быть и были,—это вѣрно. Но чтобы религія, даже въ эпоху наибольшаго преобладанія богословской науки (въ средніе вѣка), относилась принципиально враждебно къ изученію природы, съ этимъ согласиться нельзя. Если-бы религіозное знаніе было дѣйствительно такимъ неумолимымъ противникомъ науки, какъ думаютъ, то оно ближе и прямѣе всего не потерпѣло-бы существованія философіи, какъ науки, которая по своему содержанію несравненно ближе соприкасается съ богословіемъ, чѣмъ естествознаніе. Однакоже мы видимъ, что философія Аристотеля, хотя и въ подчиненномъ религіи положеніи, пользовалась огромнымъ значеніемъ въ періодъ схоластики и оказывала несомнѣнное и сильное вліяніе на ходъ самой богословской науки. Изъ этого видно, что религіозное знаніе точно также и на тѣхъ же правахъ, но еще съ большею для себя безопасностью, могло-бы допустить въ свою область и естествознаніе, еслибы развитію его не препятствовали какія-либо другія причины, независѣвшія отъ религіи. Кромѣ той причины, которая замедляла движеніе естествознанія и въ древнемъ мірѣ, — недостаточности наблюденій и искусственныхъ средствъ наблюденія, — недостатокъ, устраненіе котораго зависѣло отъ времени, — главная заключалась въ общемъ настроеніи духа времени, обращеннаго преимущественно къ рѣшенію вопросовъ религіозныхъ. Мы уже замѣчали, что въ историческомъ движеніи познающей мысли человѣка всегда проявляется нѣкоторая односторонность, условливаемая самою ограниченностію человѣческой природы. Умъ человѣка никогда не развивается вдругъ по всѣмъ сторонамъ знанія равномерно; каждое время имѣетъ свою задачу, отчего и происходитъ въ извѣстный періодъ преобладаніе той или другой науки. Поэтому, во время упадка и застоя одной какой-либо науки, винить въ этомъ упадкѣ другую, преобладающую въ то время

(напр. винить философію въ древности, или богословіе въ средніе вѣка, за застой естествознанія) было бы очевидно несправедливо.

Но если бы даже и были какія-нибудь основанія къ жалобамъ на философію и на богословіе со стороны естествознанія въ древнее время и въ средніе вѣка, которыя оправдывали бы вражду противъ нея и желаніе освободиться отъ ея ига, то, повидимому, ни эти жалобы, ни эта вражда не должны бы имѣть мѣста въ новое и новѣйшее время. Со временъ Бакона и Декарта самостоятельность естествознанія упрочена; владѣнія его со стороны философіи точно отмежеваны; вполне выяснена сущность индуктивнаго метода, его приемы и отношеніе его къ дедукціи. Къ удивленію, и въ настоящее время мы слышимъ со стороны естествознанія самыя ожесточенныя нападки на философію, направленные преимущественно на тотъ раціональный методъ, какимъ она пользуется какъ при рѣшеніи своихъ вопросовъ вообще, такъ и при философскомъ познаніи природы. Судя по ожесточенности этихъ нападеній, можно-бы подумать, что естествознанію грозитъ постоянная опасность отъ вторженія дедуктивнаго или, такъ называемаго имъ, „метафизическаго“ метода въ изученіе природы, съ устраненіемъ единственно признаваемаго научнымъ, — индуктивнаго или эмпирическаго. Но имѣютъ ли какое-нибудь фактическое основаніе эти опасенія въ движеніи философіи новѣйшаго времени? Единственное основаніе, на которое постоянно и указываютъ, это попытки Шеллинга и Гегеля, особенно перваго, создать философію природы, независимымъ отъ опыта, путемъ умозрѣнія. Несчастливая идеалистическая философія здѣсь служитъ, такъ сказать, козломъ отпущенія за всѣ дѣйствительныя и мнимыя грѣхи философіи противъ естествознанія и нѣтъ достаточно рѣзкихъ и пренебрежительныхъ выраженій, съ которыми бы не относились натуралисты нашего времени къ этой недавно столь уважаемой и вліятельной философіи. Мы, конечно, не принадлежимъ къ защитникамъ этой философіи и того метода, какимъ она пользовалась при рѣшеніи космологическихъ проблемъ; но тѣмъ не менѣе не можемъ не признать крайне преувеличенными и несправедливыми тѣхъ обвиненій во вредномъ

вліяніи этой философіи на ходъ естествознанія, которыя съ такою силою раздаются въ наше время. По этимъ обвиненіямъ можно бы подумать, что апріорное познаніе природы грозило совершенно упразднить эмпирическое и что, освободившись отъ этой философіи, естествознаніе спаслось отъ какой-то величайшей опасности для своего существованія. Но ничего подобнаго не было и не могло быть. Эмпирическія науки и въ періодъ наибольшаго процвѣтанія этихъ системъ продолжали развиваться, и никакими фактами не можетъ быть доказано, чтобы именно вліяніе этихъ системъ служило тормазомъ для естествознанія, чтобы оно дало какое-либо превратное направленіе ему или даже повліяло на неправильное разрѣшеніе какой-либо специальной естествознательной проблемы. Не могло этого быть и по самому существу дѣла. Идеалистическая философія, не смотря на теоретическую всеобъемлемость своего метода и на притязанія, какія она предъявляла, никогда не думала замѣнить собою эмпирическаго познанія природы, какъ познанія частныхъ ея явленій и предметовъ, упразднивъ естествознаніе. Гегель напр. прямо говорилъ, что фактическимъ предположеніемъ его философіи природы служатъ данныя естествознанія, также какъ философіи исторіи историческое знаніе событій, философіи искусства—эстетическія произведенія художниковъ и поэтовъ. Шеллингъ также допускалъ эмпирическое знаніе природы, какъ приготовительную ступень для знанія высшаго, философскаго *). Ихъ философія природы по преимуществу касалась тѣхъ общихъ вопросовъ, такое или иное рѣшеніе которыхъ вовсе не требовало измѣненія или перетолкованія эмпирическихъ фактовъ или дознанныхъ законовъ природы, да она и не претендовала на это. Можетъ быть, она расширяла границы и права философскаго изученія природы болѣе, чѣмъ слѣдовало, но въ большей части случаевъ, вопросы, ею рѣшаемые, были не эмпирическаго, а философскаго свойства, и изслѣдованіе ихъ никакъ нельзя было

*) Вотъ какъ онъ объясняетъ отношеніе философіи природы къ естествознанію: „справедливо, что химія научаеъ насъ читать буквы (элементы), физика отдѣльные слоги, математика всю книгу природы; но не должно забывать, что понимать и толковать прочитанное можетъ только философія“. Ideen zu einer Philos. d. Natur. W. B. 2, 6.

назвать незаконнымъ вторженіемъ въ область опыта. Жаловаться здѣсь на философію естествознаніе только тогда имѣло бы право, еслибы само оно при помощи индуктивнаго метода рѣшило эти вопросы и рѣшило болѣе удовлетворительно, чѣмъ идеалистическая философія. Но этого не было и нѣтъ и до настоящаго времени; мы видѣли, что естествознаніе или вовсе игнорируетъ эти вопросы, или считаетъ ихъ неразрѣшимыми эмпирически (что и справедливо), или отлагаетъ ихъ рѣшеніе до неопредѣленнаго будущаго. При такомъ положеніи дѣла, какое же основаніе и право можетъ имѣть естествознаніе не дозволять дѣлать попытокъ къ разъясненію высшихъ вопросовъ, касающихся природы, тѣмъ болѣе, когда эти вопросы, какъ мы видѣли, имѣютъ существенное значеніе для полнаго и болѣе глубокаго познанія міра? При сознанной и дознанной невозможности рѣшенія ихъ эмпирическимъ путемъ, имѣютъ полное право существованія опыты рѣшенія ихъ другимъ какимъ либо способомъ и методомъ кромѣ эмпирическаго, и опыты, хотя и неудачные, идеалистической философіи имѣютъ здѣсь полное значеніе, хотя бы то результатъ ихъ былъ отрицательный,—указаніе пути, какимъ не должно идти въ изъясненіи природы.

Итакъ, во всякомъ случаѣ, обвиненіе идеалистической философіи за то, что она вмѣшивалась не въ свое дѣло, занимаясь натуральною философіею, и что это вмѣшательство оказало вредное вліяніе на ходъ естествознанія,—и преувеличено и несправедливо. Но еще несправедливѣе отождествленіе философіи Шеллинга и Гегеля съ философіею вообще и отвѣтственность за дѣйствительныя или мнимыя вины первой, возлагаемая на послѣднюю. Тотъ апріорный, діалектическій методъ, который имѣлъ мѣсто въ философіи Фихте, Шеллинга и Гегеля, подвергся строгой и справедливой критикѣ въ области самой же философіи, предъ судомъ которой онъ оказался несостоятельнымъ, и сражаться противъ него въ наше время въ защиту естествознанія, значило-бы бороться съ несуществующимъ врагомъ. Истинная философія всегда признавала законныя права эмпирическаго познанія природы и не претендовала на рѣшеніе чисто эмпирическихъ вопросовъ; въ ея собственной облас-

ти, а не въ сферѣ естествознанія, установленъ и правильный методъ эмпирическаго познанія и частные способы приложенія этого метода къ различнымъ областямъ познаваемого въ главныххъ эмпирическиххъ наукахъ; на это послѣднее дѣло обращено особенное вниманіе философовъ нашего времени (Милль, Вевель, Бенъ, Вундтъ и др). Не только поэтому не предстоитъ опасности смѣшенія границъ естествознанія и философіи и вторженія послѣдней въ область первой, но, напротивъ, философія, можетъ быть, дѣлаетъ иногда болѣе уступокъ духу времени, чѣмъ сколько слѣдуетъ. Даже идеалистическая метафизика (напр. Гартмана) пытается рѣшать свои вопросы индуктивнымъ методомъ.

До сихъ поръ, говоря о значеніи философіи для наукъ естественныхъ, мы имѣли въ виду преимущественно тѣ ея стороны, которыми она соприкасается съ естествознаніемъ, изслѣдуя природу въ ея всеобщихъ основаніяхъ и въ отношеніи къ человѣку. Мы видѣли, что, занимаясь изслѣдованіемъ идеальной стороны природы, она ни по содержанію, ни по методу своему не только не нарушаетъ правъ естествознанія, но что, напротивъ, только дополненіе его философіею можетъ дать ему истинно научную *основательность* и *полноту*. Но этимъ не исчерпываются всѣ услуги философіи эмпирическому познанію природы; кромѣ того она можетъ и должна сообщить ему правильное *направленіе*.

На первый взглядъ кажется, что подобнаго рода услуга вовсе не нужна для естествознанія; оно тщеславится, тѣмъ, что будучи истинно положительнымъ знаніемъ, оно чуждо всякихъ направленій, тенденцій, идей, высшихъ взглядовъ, что оно съ полнымъ безпристрастіемъ говоритъ только то, что позволяютъ говорить факты и одни только факты. Но вѣрно ли это? И возможенъ ли вообще подобнаго рода индифферентизмъ ко всякаго рода направленіямъ и идеямъ, какой приписываетъ себѣ естествознаніе?

Если-бы каждая наука представляла собою строго отграниченное отъ другихъ наукъ и заключенное въ себѣ цѣлое, то, конечно, она могла-бы жить и развиваться, преслѣдуя только одни свои спеціальные интересы. Но всѣ науки связаны жи-

вою, родственною связью въ цѣломъ организмѣ человеческого знанія и общая жизнь и духъ этого организма неминуемо должны отражаться въ частныхъ наукахъ и сообщать имъ известное направленіе и характеръ, независимо отъ ихъ содержанія. Точно также и естествознаніе, какъ-бы ни ограничивало себя фактами и только фактами, по тѣсной связи съ общимъ строемъ и духомъ научнаго знанія своего времени, не можетъ уберечься, чтобы этотъ духъ не отразился и въ немъ и не сообщилъ известнаго направленія. Съ другой стороны наука не есть нѣчто висящее гдѣ-то на воздухѣ, существующее абстрактно и саморазвивающееся независимо отъ субъективныхъ особенностей занимающихся ею лицъ. Дѣятели науки—живыя лица, съ определеннымъ строемъ мыслей, убѣжденій, и эти убѣжденія необходимо оказываютъ известное вліяніе на ходъ научныхъ изслѣдованій. Къ естествознанію это также приложимо, какъ и ко всякой другой наукѣ. Самый строгій натуралистъ, какъ-бы онъ ни рѣшался ограничить свою познавательную дѣятельность фактами и не признавать ничего кромѣ фактовъ, пока онъ человѣкъ и сколько-нибудь умственно и нравственно развитой человѣкъ, не можетъ устранить изъ своего сознанія высшихъ общечеловѣческихъ вопросовъ и не имѣть на нихъ какихъ-нибудь отвѣтовъ. Особенно это преднамѣренное игнорированіе невозможно относительно тѣхъ высшихъ вопросовъ, которые неизбежно вызываются и навязываются ему самимъ предметомъ его занятій,—вопросовъ космологическихъ; самый строгій естествоиспытатель невольно, по крайней мѣрѣ въ своей душѣ, не можетъ не быть философомъ. И опытъ дѣйствительно показываетъ, что не смотря на теоретическое отчужденіе отъ философіи, не смотря на отрешиваніе современнаго естествознанія отъ всякихъ „метафизическихъ отвлеченностей“, оно не можетъ удержаться, чтобы не увлекаться этими отвлеченностями. Этому невольному увлеченію въ запретную область высшихъ вопросовъ и обязана если не происхожденіемъ, то сильною поддержкою, матеріалистическая философія, нашедшая главныхъ борцовъ своихъ именно въ ряду естествоиспытателей (Молешоттъ, Бюхнеръ, Фохтъ и др.). Правда, болѣе вѣрное себѣ естествознаніе отрывается и отъ

этой философіи; матеріализмъ, по его мнѣнію, такая-же метафизика, какъ и идеализмъ; вполне положительная наука столько-же должна быть чужда матеріалистической, какъ и всякой другой тенденціи. Но это отрицаніе болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; та симпатія къ матеріализму, которая замѣтною струею проходитъ въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ естественныхъ наукъ, та вражда къ идеализму, которая выражается въ ожесточенномъ преслѣдованіи, на примѣръ, понятій цѣлесообразности, жизненной силы, самостоятельности психическаго начала въ человѣкѣ, свободы и др., явно уличаетъ его въ непослѣдовательности и служитъ доказательствомъ невозможности строго держаться однихъ фактовъ, не склоняясь въ мнимомъ научномъ безпристрастіи ни къ какому философскому направленію.

Такимъ образомъ, неосуществимое на дѣлѣ отчужденіе естествознанія отъ философіи само себя обличаетъ и наказываетъ тѣмъ, что увлекается именно тою философіею, которая всего менѣе имѣетъ цѣнности въ философскомъ мірѣ, которая всего ближе стоитъ къ низшему, эмпирическому познанію явленій и на этомъ только основаніи заявляетъ о своемъ ближайшемъ родствѣ съ естествознаніемъ. Такимъ образомъ, между одно-стороннею и не желающею ничего знать кромѣ фактовъ эмпиріею и одно-стороннею философіею образуется ложная солидарность, каковую мы и видимъ въ настоящее время и которая столько-же гибельна для философіи, какъ и для естествознанія, поставляя его вмѣстѣ съ матеріализмомъ во враждебныя отношенія ко всѣмъ высшимъ религіознымъ, нравственнымъ и социальнымъ интересамъ человѣчества.

Положить преграду этому, компрометирующему естествознанію, союзу, сдѣлать естествознаніе не врагомъ, а союзникомъ человѣческаго ума въ дѣлѣ достиженія имъ высшихъ идеальныхъ цѣлей человѣчества, можетъ только истинная, чуждая одно-сторонностей какъ матеріализма, такъ и идеализма, философія.—Прежде всего болѣе глубокое и основательное изученіе философіи покажетъ, что кажущаяся близость и удобство для естествознанія именно матеріалистической философіи есть не болѣе какъ предразсудокъ нашего времени, который умѣетъ

искусно эксплуатировать въ свою пользу материализмъ. Для материализма, при слабости чисто философскихъ доводовъ въ свою пользу, конечно, выгодно связать свои интересы съ интересами, столь уважаемыхъ въ наше время, естественныхъ наукъ и тѣмъ увлечь умы, неспособные къ серьезной философской мысли. При слабости логическаго мышленія, подъ маскою импонирующихъ фактовъ изъ естественныхъ наукъ, легко могутъ проскользнуть, не связанные на самомъ дѣлѣ съ этими фактами или неподтверждаемыя ими, философскія воззрѣнія материализма. Но для самаго естествознанія такая связь съ материализмомъ вовсе не нужна. Исторія философіи ясно показываетъ, что многія лица, оказавшія величайшія услуги естествознанію, древняго и новаго міра (напр. Аристотель, Декартъ, Галилей, Кеплеръ, Ньютонъ и др.) не были материалистами, что рациональная философія не только не отрицала правъ естествознанія и значенія его методовъ, но что именно въ ней они находили свое высшее освѣщеніе и высшее дополненіе.

Но расторгненіе связи между материализмомъ и естествознаніемъ не единственная услуга, которой послѣднее можетъ ожидать отъ философіи. Слабость этой связи и желаніе освободиться отъ метафизики материализма чувствуютъ и многіе современные натуралисты. Но одно отстраненіе отъ этой метафизики въ принципѣ, какъ мы сказали, при естественномъ и неискоренимомъ стремленіи ума къ рѣшенію высшихъ философскихъ вопросовъ, не можетъ предохранить его отъ материалистическихъ симпатій и тенденцій. Нужно дать этому естественному стремленію положительное удовлетвореніе въ истинной философіи. Только такая философія можетъ сообщить тотъ, противодѣйствующій материализаціи современнаго естествознанія, идеальный элементъ, отсутствіе котораго такъ живо чувствуется въ наше время. Чѣмъ болѣе духъ времени и сочувствіе современнаго общества склоняется къ изученію природы и ея явленій, тѣмъ болѣе возникаетъ опасности для науки и для высшихъ интересовъ нравственной жизни отъ всякаго односторонняго направленія естествознанія. Въ наше время благовременнѣе чѣмъ когда-либо вспомнить слова Бакона, что недостаточное познаніе природы легко можетъ увлекать

человѣка къ безбожію, но болѣе полное и глубокое приводитъ его къ религіи *). Но естествознаніе, намѣренно или ненамѣренно выключаящее изъ своей области высшіе вопросы, касающіеся природы, вопросы философскіе, не есть-ли по тому самому одностороннее, недостаточное познаніе природы, и не въ этомъ-ли кроется причина того удаляющаго отъ религіи направленія, въ которомъ, можетъ быть, не безъ основанія, видятъ естественныя науки? Дѣйствительно, ограничивая себя тѣсными предѣлами эмпирическаго только изученія природы, естествоиспытатель, по свойственной человѣку односторонности, легко подвергается опасности, за внѣшнюю, физическою стороною природы упустить изъ виду внутреннія, нематеріальныя основы бытія и его высочайшую Первооснову. Забывая объ этихъ внутреннихъ основахъ, обращая взоръ на одну строгую законосообразность, господствующую въ природѣ, на ея вѣчно повторяющійся круговоротъ явленій, онъ легко увлекается безуспѣшною попыткою изъяснить все въ мірѣ механически изъ законовъ тяжести, притяженія и отталкиванія, химическаго сродства и пр., упуская изъ виду эмпирически незримую силу духа и мудрость божественнаго провидѣнія. Но подъ руководствомъ истинной философіи, физикъ, химикъ, фізіологъ легко убѣдится, что въ совокупности вещей есть нѣчто, что выходитъ далеко за предѣлы этихъ физическихъ силъ, что, напр. въ организмѣ, матеріальный составъ его строенія ни въ какомъ случаѣ не есть *основа*, но только *слѣдствіе* жизни, безъ которой матеріальные элементы и физическія силы никакъ не могли дать себѣ такого порядка и связи, въ какой являются въ организмѣ. Этимъ путемъ онъ легко придетъ къ убѣжденію, что сокровенное зерно жизни природы аналогично и сродно съ началомъ жизни духовной и что оба міровыя начала суть откровенія Духа безконечнаго, который, будучи самостоятельнымъ и вполне совершеннымъ, однако-же во всемъ живетъ, всѣмъ движеть и всему даетъ бытіе. Не меньшею опасностію односторонній эмпиризмъ грозитъ и жизни нравственной. Огра-

*) „Certissimum atque experientia comprobatum: leves gustus in philosophia naturalis movere fortassis in atheismum, sed pleniores haustus ad religionem reducere“. Rixner, Gesch. d. Philosophie, 11—13.

ничиваясь строго кругомъ внѣшнихъ явленій и не проникая глубже въ ихъ внутреннюю основу, онъ привыкаетъ видѣть вездѣ только вѣчную смѣну формъ и явленій, образъ исчезновенія и смерти. Онъ видитъ, что всѣ существа земныя являются и исчезаютъ, чтобы дать мѣсто другимъ, и легко приходитъ къ мысли, что и человѣкъ не составляетъ здѣсь исключенія, что и люди такія-же мимолетныя и преходящія явленія, какъ и прочія неразумныя созданія природы. Но болѣе глубокое, философское проникновеніе въ тайны природы покажетъ ему, что даже въ области самой природы не все подчинено условіямъ матеріальнаго бытія, что въ человѣкѣ это невидимое *нѣчто*, условливающее матеріальную жизнь вообще, достигаетъ до такой высоты и совершенства, которое освобождаетъ его отъ подчиненія законамъ природы и указываетъ на его высшее назначеніе и высшую судьбу.

Какъ скоро естествознаніе, подъ руководствомъ философскаго анализа дѣйствительности, убѣдится, что видимостію явленій далеко не ограничивается область истинно-сущаго, а познаніемъ эмпирическимъ область истинно-познаваемаго, то исчезнетъ и та самоувѣренность и то самодовольство эмпирическаго знанія природы, которое служитъ одною изъ причинъ пренебрежительнаго отношенія къ философіи и грозитъ опасностію матеріализаціи не только науки, но и жизни отвлеченіемъ ума отъ высшихъ, духовныхъ интересовъ его къ низшимъ, практическимъ, — въ узкомъ значеніи этого слова, — цѣлямъ земной жизни. Ни что столько не способствуетъ, какъ философія, установленію правильнаго понятія о дѣйствительныхъ границахъ какъ знанія вообще, такъ эмпирическаго въ частности и не содѣйствуетъ такъ къ пріобрѣтенію той истинно научной сдержанности мысли и скромности, которая составляла замѣтную черту великихъ естествоиспытателей прежняго времени *) и которая такъ противоположна самомнѣнію естествознанія нашего времени,

*) „Я не знаю, говоритъ Ньютонъ, что міръ подумаетъ о моихъ трудахъ; но что касается до меня, то мнѣ кажется, что я былъ не болѣе какъ ребенокъ, играющимъ на берегу моря и которому по счастью удалось найти то камешекъ, нѣсколько болѣе красивый, то раковину, нѣсколько болѣе блестящую, тогда какъ великій океанъ истины простирался предо мною неизслѣдованнымъ въ своей безграничной широтѣ и глубинѣ.“ (Newton, Corresp).

поставляющаго познаніе природы единственнымъ истиннымъ знаніемъ, отъ котораго только и можно ожидать рѣшенія всѣхъ вопросовъ, занимающихъ человѣчество. Философское самопознаніе и знаніе силъ познающаго духа освободитъ естествознаніе отъ тѣхъ справедливыхъ опасеній и нареканій, которыя возбуждаетъ иногда его самомнѣніе во всѣхъ защитникахъ высшихъ религіозныхъ и нравственныхъ интересовъ *), и предотвратитъ опасность, которою можетъ грозить имъ одно-стороннее увлеченіе знаніемъ одной только видимой природы. Что касается до этой опасности, позволимъ привести здѣсь картинное изображеніе ея у одного изъ извѣстныхъ физиковъ нашего времени (Moigno). Говоря о широкомъ развитіи естествознанія въ наше время, о многочисленныхъ примѣненіяхъ его къ удобствамъ внѣшней жизни, которыми оно столь гордится, о современномъ увлеченіи естественными науками, онъ не скрываетъ и возможныхъ послѣдствій его. Увлеченіе красотой природы, явленіе не новое. „Св. Писаніе повѣствуетъ намъ, что было нѣчто подобное во времена первобытныя. Да, было нѣкогда поколѣніе исполиновъ и ихъ плачевная исторія можетъ стать и нашею исторіею, если мы не будемъ стоять на сторожѣ. Сыны Божіи нашли прекрасными дочерей земли; но неразумная любовь развратила ихъ сердце и помрачила ихъ разумъ. Духъ печальнымъ образомъ кончилъ тѣмъ, что отождествилъ себя съ плотію. Это неразумное и преступное единеніе произвело исполиновъ!“

„И въ самомъ дѣлѣ, когда геній человѣка сосредоточиваетъ всю свою дѣятельность, всю свою энергію на матеріи, когда онъ нѣкоторымъ образомъ одушевляетъ ее своимъ дыханіемъ жизни божественной, онъ становится какъ-бы исполиномъ. Но тогда, въ опьяненіи своимъ триумфомъ, онъ считаетъ себя также богомъ; его взоры не подьются больше къ небу; онъ обращается къ себѣ самому; онъ болѣе и болѣе воплощается

---

*) Къ естествознанію болѣе, чѣмъ къ какой другой наукѣ приложимы слова знаменитаго проповѣдника (митроп. Филарета) о современномъ ему знаніи: „наша мудрость высока только въ гордомъ о себѣ мнѣніи, глубока только потому, что роется въ землѣ и прахѣ чувственныхъ опытовъ и мелочныхъ изысканій, плодотворна только сомнѣніями, тверда только упорствомъ невѣрія.“

въ матерію, масса которой кончаетъ тѣмъ, что нѣкоторымъ образомъ поглощаетъ его. И вотъ начинается страшная реакція! Матерія, ставши царицею, лишаетъ силы и подчиняетъ себѣ своего царя! Порабощенный, доведенный до огрубенія чувствами, духъ теряетъ всѣ свои высшія стремленія и порывы; наука исчезаетъ и начинается вновь варварство! *)

В. Жудравцевъ.

---

*) Ab. Moigno, Splendeurs de la foi 1879. T p. 37.

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

въ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *).

Посмотримъ, какъ въ твореніяхъ Гомера облекается и наполняется содержаніемъ идея Божества, существа абсолютно совершеннаго. Начнемъ съ свойствъ онтологическихъ, которыя суть: единство, самобытность, неизмѣняемость, вездѣсущее и вѣчность.

4. *Единство*. Какая, повидимому, рѣчь о единствѣ Божества по Его бытію можетъ быть въ отношеніи къ твореніямъ Гомера, — полнѣйшаго выразителя и представителя эллинскаго многобожія (политеизма)? Въ чемъ искать здѣсь выраженія идеи единобожія, когда эти творенія полны самыхъ пластическихъ изображеній множества различнѣйшихъ по значенію и характеру, по взаимнымъ связямъ и по отношеніямъ къ природѣ и человѣку божествъ, мужскихъ и женскихъ, полубоговъ и полубогинь и пр.? Не удивительно, поэтому, что многіе изслѣдователи мифологіи Гомеровою и не ищутъ въ нихъ такой идеи, а просто объективно излагаютъ содержаніе его политеистическаго представленія, лишь иногда отвлекаясь отъ наружныхъ поэтически-пластическихъ формъ и покрововъ, облекающихъ собою идею Божества въ нихъ, лишь изрѣдка углубляясь до зерна истины, заключающагося въ такомъ представленіи нашего пѣвца. Таковы даже и столь спеціальныя труды, какъ

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 9.

выше упомянутое „Homerische Theologie“ von Nägelsbach ¹⁾, не говоря уже о трудахъ по мифологіи, прямо такъ именуемой. Но всматриваясь ближе и ближе въ поэтически-пластическія изображенія Гомера, проникая глубже и глубже подъ наружныя формы и покровы, облегающіе зерно истины, присущее его твореніямъ въ такой-же, если не большей степени, въ какой оно присуще и твореніямъ философствующихъ искателей истины, сличая всѣ, разсѣянныя во множествѣ по твореніямъ Гомера, изображенія Божества между собою, и возводя множественность представленій къ единству идеи, мы увидимъ нѣчто болѣе, нежели только пластическое изображеніе многобожія. Изъ-за множества боговъ, богинь, полубоговъ и полубогинь выступаетъ предъ нами величественная фигура *одного* только бога, вполне достойнаго этого имени, — *Зевса* Олимпійскаго, „отца боговъ и людей“, по выраженію Гомера ²⁾. Ни Кроносъ или Хроносъ, являющійся по мифологическому представленію эллиновъ, довольно поздно выработавшемуся и едва лишь мимоходомъ отмѣчаемому у Гомера ³⁾, отцомъ Зевса, ни Ураніоны (титаны и пр.), по тому-же позднѣйшему представленію, также едва лишь мимоходомъ и случайно отмѣчаемому у Гомера ⁴⁾, упреждавшіе собой бытіе Зевса, ни тѣмъ болѣе другіе Кроніоны и поколѣвіе Кроніоновъ, со включеніемъ и поколѣвія самого Зевса, отнюдь не имѣютъ такого значенія, не облакаются столь возвышенными божественными достоинствами у Гомера, какъ Зевсъ. Всѣ они какъ-бы ступеньваются за его величественною фигурою. Но и этого мало. На основаніи нѣкоторыхъ, немногихъ, впрочемъ, мѣстъ въ твореніяхъ Гомера, значительная часть ученыхъ Запада, а вслѣдъ за ними и наши отечественные ученые утверждаютъ, что и надъ Зевсомъ у Гомера является будто-бы господствующею и возвышающеюся какая-то темная сила, обозначаемая именемъ

¹⁾ Только въ одномъ мѣстѣ, именно на стран. 113 цит. изд. *Нэгельсбахъ* высказывается въ пользу того, что въ разсужденіи Зевса у Гомера ясно проглядываетъ „монотеистическая тенденція“.

²⁾ Πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε. Ил. I, 544; IV, 68; V, 426; VIII, 49; 132, XI, 182 и др.; Од. I, 28; XII, 445 и др.

³⁾ См. напр. Ил. XIV, 203—204; XV, 187 и дал. и нѣк. др.

⁴⁾ См. напр. Ил. I, 403; V, 898; XIV, 279 и нѣк. др.

судьбы (*αἴσα* или *μοῖρα*). Однако, входя глубже въ тонъ рѣчи и общій характеръ представленія Гомера, мы не можемъ согласиться съ этимъ. Строго говоря, во всѣхъ твореніяхъ Гомера мы не находимъ ни одного яснаго мѣста, гдѣ бы значилось, что именно Зевсъ подчиненъ судьбѣ, и тѣмъ болѣе, какъ божеству высшему, нежели онъ самъ. Если въ Одисс. III, 236—238 говорится, что

„И богамъ не возможно отъ общаго смертнаго часа
 „Много имъ человѣка избавить, когда онъ ужь преданъ
 „Въ руки на вѣкъ усиляющей смерти судьбиною ¹⁾ будетъ“:

то здѣсь рѣчь о богахъ вообще, а не о Зевсѣ. Но вотъ мы встрѣчаемъ два мѣста въ Иліадѣ, прямо относящіяся къ Зевсу. Одно изъ нихъ гласитъ такъ, въ устахъ Нестора:

„Такъ, Агамемнонъ, свершается все! и уже не возмогъ-бы
 „Самъ Громовержецъ того, что свершилось, устроить иначе!“ ²⁾

Во второмъ читаемъ такія слова Главка, друга Сарпедона, павшаго въ войнѣ Троянской:

„... воинъ храбрѣйшій погибнулъ,
 „Зевсовъ сынъ, Сарпедонъ! не помоги Громовержецъ и сыну“ ³⁾

Что-же однако говорятъ эти два мѣста? Въ первомъ изъ нихъ рѣчь о паденіи твердынь Ахейскихъ, защищавшихъ корабли ихъ за то время, когда, *по опредѣленію воли Зевса* ⁴⁾, Ахейцы (они-же Греки) должны были испить до дна чашу униженія и пораженій со стороны Троянцевъ, когда, въ исполненіе той-же Зевсовой воли, Ахиллесъ все еще продолжалъ гнѣваться на Агамемнона и не принималъ участія въ битвѣ. Во второмъ изображается первый моментъ поворота счастья на сторону Грековъ, обнаружившійся принятіемъ участія въ битвѣ ихъ противъ Троянцевъ со стороны друга Ахиллесова, Патрокла, съ разрѣшенія Ахиллеса, видѣвшаго близость полнаго торжества Троянцевъ, при чемъ Патроклъ именно и убиваетъ Сарпедона. Но и эта смерть Сарпедона послѣдовала съ вѣдома и

¹⁾ *Μοῖρ' ὀλοή.*

²⁾ XIV, 53—54.

³⁾ XVI, 521—522.

⁴⁾ Срав. Ил. I, 5: *Διὸς ἐτελείετο βουλή*—„свершалась Зевсова воля“—относительно судьбы всей Троянской войны.

соизволенія, а не противъ воли Зевса. Ибо еще ранѣе того Зевсъ предъоткрылъ это событіе супругѣ своей Ирѣ (Герѣ), предсказавъ ей о Патроклѣ, что онъ „многихъ юношей храбрыхъ свергнетъ, и съ ними его (Зевса) драгоцѣнную вѣтвь, Сарпедона“. ¹⁾ Иначе сказать, мы вмѣстѣ съ такими учеными знатоками греческаго языка и его словесности, какъ *Г. Велькеръ*, *Л. Преллеръ* и др., признаемъ, что судьба у Гомера ²⁾ тождественна съ волею или дѣйствиємъ Божества, опредѣленнаѣ — Зевса, ³⁾

„... Который, все вѣдая въ мірѣ,

„Благо и зло земнороднымъ по волѣ своей посылаетъ.“ ⁴⁾

Въ этомъ смыслѣ судьба у Гомера нерѣдко и прямо обозначается, какъ Διὸς, μοῖρα или Διὸς, αἴσα—судьба Зевса ⁵⁾. А за всѣмъ тѣмъ господствующимъ въ представленіи Гомера о Божествѣ опять остается только единый Зевсъ. Къ нему, слѣдовательно, по преимуществу (κατ' ἐξουσίην) должны быть относимы и всѣ эпитеты, предикаты, онтологическаго ли-то или духовнаго, нравственнаго характера, которые у Гомера прилагаются къ Божеству (θεός, θεοί, δαίμων) вообще, безъ означенія при семъ другихъ извѣстныхъ боговъ или богинь греческой религіи. Было-бы слишкомъ утомительно, да и не соразмѣрно съ другими частями настоящаго нашего изслѣдованія, подробно излагать всѣ тѣ признаки, эпитеты и пр., которыми Гомеръ отличаетъ главное, единое верховное Божество среди всѣхъ другихъ божествъ народной религіи,—Зевса. Одними цитатами на это изъ твореній Гомера можно было-бы испестрить цѣлыя страницы, какъ и пестрятся ими страницы сколько-нибудь полныхъ словарей или лексиконовъ Гомеровскихъ ⁶⁾.

¹⁾ Ил. XV, 66.—67.

²⁾ Мы не говоримъ о судьбѣ по богословію послѣ-гомеровскому.

³⁾ Подробнѣйшее развитіе этой мысли, равно какъ и опроверженіе мнѣній, съ нею несогласныхъ, а также и литературу предмета, можно находить въ изслѣдованіи Aug. Christ'a: Schicksal und Gottheit bei Homer. Innsbruck, 1877.

⁴⁾ Од. XX, 75—76.

⁵⁾ См. напр. Ил. I, 608; VI, 357; X, 70—71; XV, 117 и др.; Од. IX, 52; гимнъ Аполлону, ст. 433 и др.

⁶⁾ Такъ, наиримѣрь, въ одномъ изъ нихъ, которымъ и мы пользовались и который считается лучшимъ изъ всѣхъ, именно въ цитованномъ Lexicon Homerisum, изд. Ebeling'a, подъ словомъ Ζεὺς, это занимаетъ стран. 521 — 524 формата 8° majore.

Для примѣра мы приведемъ лишь одинъ небольшой отрывокъ изъ Иліады, нагляднѣе, нежели другія мѣста твореній Гомеровыхъ, по нашему мнѣнію, изображающій величіе Зевса, какъ единого высочайшаго божества, въ средѣ другихъ божествъ, и уже издавна обращавшій на себя особенное вниманіе ученыхъ съ этой стороны ¹⁾. Этотъ отрывокъ, притомъ, годится и для другихъ дальнѣйшихъ нашихъ соображеній и выводовъ. Именно, онъ говоритъ о томъ,

- „Какъ боговъ на соборъ призывалъ молнелюбецъ Кроніонъ; ²⁾
 „И на высшей главѣ многохолмнаго сидя Олимпа,
 „Самъ онъ вѣщалъ, а безсмертныя ³⁾ окрестъ безмолвно вѣдали.
 „Слушайте слово мое, и боги небесъ, и богини: ⁴⁾
 „Я вамъ повѣдаю, что мнѣ въ персяхъ сердце внушаетъ;
 „И никто отъ богинъ и никто отъ боговъ да не мыслитъ
 „Слово мое низпровергнуть; покорные всѣ совокупно
 „Мнѣ послѣшайте, да я безпрепятственно дѣло исполню! ⁵⁾
 „Ктожь изъ безсмертныхъ мятежно захочетъ, и я то узпаю,
 „Съ неба сойти, пособлять Иліонянамъ или Давалямъ,
 „Тотъ, пораженный позорно, страдать на Олимпѣ возвратится!
 „Или, восхичу его, и'низвергну я въ сумрачный Тартаръ,
 „Въ пропасть далекую, гдѣ подъ землею глубочайшая бездна:
 „Гдѣ и мѣдяный помостъ и ворота желѣзныя, Тартаръ,
 „Столько далекій отъ ада, какъ свѣтлое небо отъ дола!
 „Тамъ онъ почувствуетъ, сколько могучѣе всѣхъ я безсмертныхъ! ⁶⁾
 „Или дерзайте, извѣдайте боги, да всѣ убѣдитесь:
 „Цѣпь золотую темеръ-же спустивъ отъ высокаго неба,
 „Всѣ до послѣдняго бога и всѣ до послѣдней богини
 „Свѣсьтесь по ней; но совлечь не возможете съ неба на землю
 „Зевса, строителя вышняго, ⁷⁾ сколько-бы вы не трудились!
 „Если-же я, разсудивши за благо, ⁸⁾ повлечь возжелаю,
 „Съ самой землею, и съ самимъ моремъ ее полеку я,
 „И моею десницею окрестъ вершины Олимпа

¹⁾ См. на примѣръ, диссертацию Chr. Aug. Clodii, De sublimitate Homeri, pag. XXXIV sqq. Lipsiae, 1764.

²⁾ Въ подлинникѣ прямо: Ζεύς.

³⁾ Въ подлинникѣ сильнѣе: θεοὶ πάντες—всѣ боги.

⁴⁾ Опять: πάντες τε θεοὶ, πᾶσαί τε θεαί—всѣ боги и всѣ богини.

⁵⁾ Τελευτήσω. Срав. вышеприведенное мѣсто изъ Ил. I, 5: Διὸς δ' ἐτελεί-
στο βουλή.

⁶⁾ Ὅσον εἰμί θεῶν χάρτιστος ἀπάντων.

⁷⁾ Ὑπατοῦ μῆστωρ(α)—верховнаго мыслителя, промыслителя:—знаменатель-
ный эпитеъ!

⁸⁾ Πρόφρων—предусмотрительно, благоразумно дѣйствующій.

„Цѣпь привяжу; и вселенная вся на высокихъ повиснетъ! 1)
 „Столько превыше боговъ, и столько превыше я смертныхъ! 2)
 „Такъ онъ вѣщаль; и молчанье глубокое боги хранили,
 „Всѣ пораженные рѣчью: ужасно грозенъ вѣщаль онъ;
 „Но, наконецъ, свѣтлоокая такъ возгласила Афина: 3)
 „О всемогущій отецъ нашъ, Крононъ, верховный владыко! 4)
 „Вѣдаемъ мы совершенно, что сила твоя необорна; 5)
 „Но милосердуемъ мы объ Ахейнахъ, доблестныхъ волахъ,
 „Кои, судьбу ихъ жестокою скоро исполнивъ, погибнуть.
 „Всѣ мы однако отъ брани воздержимся, если велишь ты;
 „Мы лишь совѣты внушимъ Аргивлянамъ, да храбрые мужи
 „Въ Троѣ погибнуть не всѣ подъ твоимъ сокрушительнымъ гнѣвомъ. 6)

Таково значеніе Зевса среди другихъ божествъ народной религіи эллиновъ, по представленію Гомера. Всѣ остальные боги и богини являются не больше какъ послушными орудіями въ рукахъ Зевса, и притомъ не только изъ поколѣнія Кропидовъ, но и изъ числа боговъ старшихъ поколѣній: „Съ самой землею, и съ самимъ моремъ ее (цѣпь) повлеку я“,—говоритъ властно Зевсъ. А мы знаемъ, что „Земля“ (γαῖα), въ мифологіи греческой, является супругою Неба (Урана—Οὐρανός), отъ которыхъ произошли Крононъ (Χρόνος—время) и Рея (теченіе),—родители Зевса, Иры, Посидона и Аида. Помнимъ мы также, что водное пространство (въ настоящемъ случаѣ называемое „моремъ“ θάλασσα), олицетворяемое у Гомера подъ именемъ „рѣки Океана“, является первоосновою бытія, источникомъ, „отъ коего все родилось“, подобно тому, какъ и самъ Зевсъ называется въ этомъ смыслѣ „отцомъ боговъ и людей“. 7) Равнымъ образомъ не безызвѣстно намъ, что Океанъ является именно старѣйшимъ властителемъ воднаго пространства, нежели Посидонъ, братъ Зевса. И однакоже, кромѣ того, что

1) Μετήρα πάντα γένοιτο.

2) Τόσσον ἐγὼ περί τ' εἰμι θεῶν, περί τ' εἰμ' ἀνθρώπων.

3) Не забудемъ, что Афина (лат. Минерва) была богиня мудрости. Самый эпитетъ ея: γλαυκῶπις—свѣтлоокая (съ глазами, какъ у совы, видящей ночью, когда другіе не видятъ) указываетъ на ея мудрость.

4) ὦ πάτερ ἡμέτερε, Κρονίδη, ὕπατε κρείοντων.

5) Ὅ τοι σθένος οὐκ ἐπιεικτόν.

6) VIII, 2—37. На послѣднее согласился Зевсъ, подѣ мудрымъ смотрѣніемъ и велѣніями котораго велась вся Троянская война по Гомеру.

7) Πατήρ ἀνθρώπων τε θεῶν τε. См. напр. Ил. I, 544; IV, 68; V, 426; VIII, 49; 132; Од. I, 28; XII, 445 и др.

слышится въ рѣчи самого Зевса на соборѣ боговъ и богинь, сейчасъ изложенной,

„Съ нимъ, Громовержцемъ, ни царь Ахелой не дерзаетъ равняться,
 „Ни могуществомъ страшный сѣдой Океанъ безпредѣльный;
 „Тотъ, изъ котораго всякій источникъ, и всякое море,
 „Рѣки, вѣкчи и глубокіе кладязи всѣ истекаютъ;
 „Но трепещетъ и онъ всемогущаго Зевса перуновъ,
 „И ужаснаго грома, когда отъ Олимпа онъ грянетъ.“¹⁾

Тѣмъ болѣе, конечно, долженъ былъ уступать Зевсу младшій властитель воднаго пространства,—второй (послѣ него) братъ его, Посидонъ. Однажды хотѣлъ онъ, въ теченіе той-же Троянской войны, поступить вопреки волѣ Зевса, выставляя, въ основаніе такихъ дѣйствій своихъ, равенство правъ своихъ съ правами Зевса, по божественному значенію ихъ, въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ вѣстницѣ Зевса Ирисѣ, посланной отъ послѣдняго для убѣжденія его не поступать вопреки волѣ Громовержца:

„Три насъ родилося брата отъ древняго Крона и Рея:
 „Онъ, Громовержець, и я, и Аидъ, преисподнихъ владыка,
 „На трое все дѣлено, и досталось каждому царство:
 „Жребіи бросившимъ намъ, въ обладаніе вѣчное пало
 „Мнѣ волношумное море, ²⁾ Аиду полземные мраки,
 „Зевсу досталось межъ тучъ и зенита пространное небо; ³⁾
 „Общею всѣмъ остается земля и Олимпъ многохолмный. ⁴⁾

Но едва только Ириса сказала ему:

„Сей-ли отвѣтъ отъ тебя, колебатель земли черновласный,
 „Зевсу должна я повѣдать отвѣтъ и суровый и страшный?
 „Или, быть можетъ, смягчишь ты? Смягчини сердца благородныхъ.
 „Знаешь и то, что Эриніи ⁵⁾ вѣчно стоятъ за старѣйшихъ, ⁶⁾

какъ

„Ей отвѣтствовалъ вновь колебатель земли, Посидонъ:
 „Слово твое справедливо и мудро, Ириса, богиня!
 „Благо, когда возвѣститель исполнець совѣтовъ разумныхъ.
 . . . . .
 „Нынѣ, хотя негодующій, волѣ его уступаю. ⁷⁾

¹⁾ Ил. XXI, 194—199.

²⁾ “*Ἄλα=θάλασσαν*.

³⁾ *Οὐρανὸν εὐρὺν ἐν αἰθέρι καὶ νεφέλησιν*.

⁴⁾ Ил. XV, 187—193. Земля—*Γαῖα*, о чемъ см. выше сказанное.

⁵⁾ Богини-мстительницы.

⁶⁾ Ст. 201—204. Припомнимъ, что Зевсъ былъ старше всѣхъ своихъ братьевъ.

⁷⁾ Ст. 205—207. 211.

Еще болѣе уступалъ Зевсу младшій братъ его Аидъ, „преисподнихъ владыка“. Не даромъ-же Зевсъ, среди множества эпитетовъ, которыми украшается у Гомера, носить эпитетъ и „*καταχθόνιος*“, т. е., выражаясь словами Гомера, былъ также, какъ и Аидъ, „преисподнихъ владыка“, наблюдалъ и „подземные мраки“. ¹⁾ А послѣ всего этого спрашивается: что-же такое—всѣ другія божества, помимо Зевса?—Изъ предшествующаго можно догадываться, кажется, что они представляютъ собою ни болѣе ни менѣе, какъ поэтически художественное олицетвореніе силъ и явленій безпредѣльно обширной области природы, притомъ не только неразумной, но и разумной, подъ общимъ владычествомъ *единого* Зевса. Дальнѣйшее и подробнѣйшее разъясненіе этой мысли, этого основоположенія мы считаемъ излишнимъ и вѣдь цѣли нашего настоящаго изслѣдованія лежащимъ. Мы скажемъ только то, что не безъ основанія на этомъ пониманіи народной религіи созидалось все дальнѣйшее теченіе и развитіе религіозно-философскаго сознанія и міросозерцанія древней Греціи,—и ни философы, ни поэты, ни аллегористы-толкователи мифологии Гомеровою не считались безбожниками въ народѣ за такое пониманіе и изъясненіе народной религіи. ²⁾ Для насъ достаточно того, что *единовластительство Зевса*, какъ верховнаго Божества, теперь, какъ намъ кажется, упрочено на основаніяхъ незыблемыхъ. Переходимъ къ другимъ онтологическимъ свойствамъ Божества, по представленію Гомера, которыя, послѣ сказаннаго потребуютъ уже меньшихъ подробностей для ихъ изложенія.

5. *Самобытность*, или безусловность, независимость по бытію, самосущность. Повидимому, у Гомера, такъ наглядно, чувственно изображающаго происхожденіе и генерации боговъ и богинь, не исключая и самого Зевса, не можетъ быть и рѣчи о самобытности Божества, положимъ Зевса. Но уже и изъ предшествующаго мы могли видѣть, какъ замѣтна у поэта нашего борьба того, что внушала его духу чистая идея

¹⁾ Срав. *καταχθόνιος* о Зевсѣ въ Ил. IX, 457 съ упомянутымъ изображеніемъ Аида, какъ владыки подземнаго царства.

²⁾ Для такого пониманія и изъясненія Гомера мы укажемъ изъ древнихъ на цитованія „*Allegoriae Homericae*“ Геракланда Понтійскаго, а изъ новѣйшихъ на цитованную же статью *Воеводскаго* въ Зап. Новор. Унив. за 1882 г. т. 33.

Божества, ему, какъ и всѣмъ, присущая, съ тѣмъ, что приходило въ его религіозное сознание изъ народнаго преданія, (да нерѣдко даже и не чисто народнаго, а чужеземнаго, каково, между прочимъ, и начинавшее тогда входить въ силу преданіе о Кронѣ, отцѣ Зевса). Еще яснѣе это видно въ настоящемъ случаѣ. Не смотря на то, что не только всѣ остальные боги и богини, не говоря о полубогахъ и полубогиняхъ, а и самъ Зевсъ, по Гомеру, являются происшедшими отъ кого бы то ни было изъ боговъ, слѣдовательно не самобытными, Гомеръ употребляетъ относительно ихъ такіе эпитеты, которые прямо характеризуютъ ихъ самобытность. Гомеръ называетъ ихъ не только безсмертными (*ἀθάνατοι*), то есть, безконечными по ихъ бытію, но и вѣчно сущими (*αἰὲν ἔόντες*), ¹⁾ вѣчно рожденными (*αἰετιγενέται*), ²⁾ то-есть, безначальными по тому же бытію, иначе,—самобытными. И притомъ, хотя Зевсъ именно и прямо у Гомера не называется ни вѣчно сущимъ, ни вѣчно рожденнымъ, однако, не говоря о томъ, замѣченномъ нами выше обстоятельствѣ, что все относящееся къ богамъ у Гомера вообще относится въ частности и къ Зевсу ³⁾, мы встрѣчаемъ и болѣе ясное указаніе рассматриваемаго свойства именно въ Зевсѣ. Разумѣемъ изображеніе шествія всѣхъ „вѣчно сущихъ“ ⁴⁾ боговъ на Олимпъ, въ предшествіи Зевса ⁵⁾. Заключение отсюда просто и ясно: если скромно шествующіе позади Зевса боги, и притомъ „всѣ вмѣстѣ“ ⁶⁾, вѣчно сущи: то тѣмъ болѣе присносущъ тотъ изъ нихъ, который предшествовалъ имъ. Не даромъ же Зевсъ именно, а ни кто другой изъ боговъ или богинь, называется „отцемъ людей и боговъ“ ⁷⁾. Какъ существу самобытному по преимуществу, Зевсу Гомеръ считалъ всѣхъ болѣе приличнымъ усвоить и вину бытія существъ, даже высшихъ людей и боговъ. Такъ и сквозь мракъ грубочувственнаго многобожія

¹⁾ Ил. I, 290, 494, XXI, 518, XXIV, 99. Од. V, 7; VIII, 306 и др.

²⁾ Ил. II, 400, XIV, 244, 333, XVI, 93. Од. XXIII, 81; XXIV, 373 и др.

³⁾ A toto ad partem valet consequentia:—позвѣстное правило логики.

⁴⁾ Ἀἰὲν ἔόντες.

⁵⁾ Ζεὺς δ' ἤρχε. Ил. I, 494—495.

⁶⁾ Πάντες ἄμα.

⁷⁾ Цыгаты см. выше.

и „родословіи безконечныхъ“ ¹⁾ просвѣчиваютъ невольно у Гомера лучи чистой истины идеи божества.

6. *Неизмѣняемость.* Это онтологическое свойство требуетъ, для своего выведенія, болѣе, нежели другія, отвлеченныхъ, даже прямо философскихъ соображеній. Поэтому у Гомера, религиозное сознаніе котораго, какъ мы знаемъ, стояло на степени только представленія, это свойство Божеству прямо не приписывается. Тѣмъ не менѣе, если не прямо, то косвенно, неизмѣняемость Божества несомнѣнно сознаваема была Гомеромъ, какъ необходимый атрибутъ бытія существа высочайшаго и совершеннѣйшаго, по сравненію съ бытіемъ существъ ограниченныхъ. Измѣняемость въ области бытія ограниченаго замѣчалось также, какъ и теперь замѣчается, въ природѣ неразумной и въ мірѣ существъ разумныхъ. Перваго рода измѣняемость Гомеръ выражаетъ, именуя мать Зевса и супругу Крона—Рею (*Ῥέα* или *Ῥείη*, также *Ῥέη*). ²⁾ Не даромъ уже древніе ³⁾ въ этомъ имени видѣли указаніе на всеобщую, такъ сказать, текучесть ⁴⁾, измѣняемость, что и дѣйствительно, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ союзу этой богини съ Крономъ—временемъ ⁵⁾. Теперь, такъ какъ, по представленію Гомера, Зевсъ лишилъ царской власти супруга ея ⁶⁾, а вмѣстѣ съ нимъ и ее, то тѣмъ самымъ онъ лишилъ силы измѣняемость и, основавъ свое собственное вѣчное царство ⁷⁾, установилъ для божескаго существа, какъ необходимое свойство Его, неизмѣняемость. Съ другой стороны, въ мірѣ существъ разумныхъ измѣняемость наблюдается какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ составѣ ихъ (человѣкъ

¹⁾ 1 Тим. 1, 4; срав. Тит. 3, 9. Подобно гностическимъ „родословіямъ“ (*γενεαλογίαι*) и въ эллинской мифологіи родословія боговъ и богинь, полубоговъ и пр. были почти „безконечны“. Срав. для сего діалогъ Платона: Евэифронъ и др.

²⁾ См. Ил. XV, 187; XIV, 203; гимнъ Аполл. 93; Афрод. 43;—Димитръ 459 и др.

³⁾ Напрямѣръ Платонъ въ Кратилѣ.

⁴⁾ Срав. *ῤέω*—теку, *ῤέεθρα*—потоки и пр. употребляющіеся у Гомера.

⁵⁾ *Κρόνος* = *χρόνος*, о чемъ подробнѣе мы будемъ говорить въ свое время.

⁶⁾ Ил. XIV, 203.

⁷⁾ Срав. выше приведенныя слова Посидона: „въ обладаніе вѣчное“ (*καίεμεν αἰεῖ*). Ил. XV, 190.

—ближайшій предметъ наблюденія съ этой стороны). Въ тѣлennomъ составѣ болѣзни, утрата силъ въ старости, наконецъ смерть; въ духовномъ—непостоянство воли въ ея дѣйствіяхъ, неодинаковость въ распредѣленіи и употребленіи умственныхъ способностей и т. п.—все это характерные признаки измѣняемости. Боги должны быть свободны отъ этого недостатка; какъ существо абсолютно совершенное, Божество и въ этомъ отношеніи должно быть абсолютно совершенно. И вотъ боги и богини мифологіи Гомеровою вѣчно юны, черпая эту юность изъ неизсякаемаго источника вѣчности чрезъ посредство дочери Зевса и Иры—богини юности Ивы (Гебы) ¹⁾. Уже въ томъ, что Ива, по представленію Гомера, является дочерью Зевса, видно, что Зевсъ-же есть въ сущности и первоисточникъ вѣчной юности. И дѣйствительно, Зевсъ представляется у Гомера свободнымъ даже отъ тѣхъ незначительныхъ случайностей въ этомъ отношеніи, отъ которыхъ не всегда свободны другіе высшія божества. Такъ, на примѣръ, онъ не измѣняетъ своего вида, какъ измѣняютъ его другіе боги и богини: Посидонъ, являвшійся въ видѣ старца ²⁾, Аполлонъ, являвшійся въ видѣ молодаго человѣка ³⁾, Аѳина, представшая смертнымъ въ видѣ молодой женщины ⁴⁾ и т. д. Онъ отнюдь не подвергается такимъ случайностямъ, какимъ подвергались нѣкоторыя божества во время Троянской войны, какъ на примѣръ Арей (Марсъ), котораго сильно ранилъ герой Діомидъ, такъ что

„Взревѣлъ Арей мѣднобронный

„Страшно, какъ будто-бы девять, или десять воскликнули тысячь

„Сильныхъ мужей на войнѣ“ ⁵⁾,

и такъ что потребовалась особенная врачебная помощь на Олимпѣ, поданная по повелѣнію тогоже Зевса, для исцѣленія раны Арея ⁶⁾. Равнымъ образомъ и со стороны духовной

¹⁾ См. Ил. IV, 2 и схолия на это мѣсто; см. Ил. V, 905, Од. XI, 604 и др. Ср. Nagelsbach, Homerische Theologie, 41, 115 и др.

²⁾ Ил. XIV, 136.

³⁾ Ил. XVI, 715.

⁴⁾ Ил. I, 194 и дал.

⁵⁾ Ил. V, 864—866.

⁶⁾ Тамъ же, ст. 899 и дал.

Гомеръ всюду старается изображать Зевса также неизмѣннымъ какъ въ отношеніи къ уму, такъ и въ отношеніи къ волѣ и сердцу, что мы яснѣе увидимъ при изображеніи нравственныхъ, духовныхъ или идеальныхъ свойствъ Божества.

7. *Вездѣсущіе*. Вездѣприсутствіе или вездѣсущіе Божества у Гомера живописуется весьма наглядно, не смотря на то, что главнымъ мѣстомъ пребыванія боговъ вообще и въ частности Зевса представляется у него Олимпъ—гора въ Тессалии, снабженная всѣмъ необходимымъ для царственнаго и притомъ божески - царственнаго пребыванія ихъ на ней. Не говоря о другихъ богахъ, самъ Зевсъ, поэтому, нерѣдко называется у Гомера Олимпійскимъ ¹⁾. Мы помнимъ, что на Олимпѣ именно было выше обрисованное собраніе боговъ, созванное Зевсомъ; отсюда же низпосылались велѣнія Зевса, и пр. Но мы, конечно, не забыли и того, что за область принадлежала тому же Зевсу, какъ всемірному владыкѣ: „Зевсу досталось межъ тучъ и ээира пространное небо“, по словамъ Посидона, почему онъ называется у Гомера также и „тучегонителемъ“ ²⁾, „чернооблачнымъ“ ³⁾, „живущимъ въ ээирѣ“ ⁴⁾ и т. п. Помнимъ мы также и то, что власть Зевса и его вліяніе простиралось не только на область небеснаго пространства, но и на водное пространство, на землю и царство подземное, словомъ, — на всю вселенную, на все и всѣхъ во вселенной. При такомъ представленіи естественно не должно было оставаться мѣста, гдѣ бы не чувствовалось, гдѣ бы не оказывалось въ той или иной мѣрѣ присутствіе силы этого вліянія. Въ связи съ тѣмъ и въ силу того Гомеръ, какъ само собою понятно, изображаетъ и пространственно это вездѣсущіе Божества, нестѣсняемое никакими пространственными ограниченіями, которыя испытываютъ и нерѣдко не могутъ преодолѣть и устранить существа конечныя. Такъ, напримѣръ, Зевсъ управляетъ міромъ не съ одного лишь Олимпа, а и изъ Додоны Пеласгической, почему называется Δοδωναῖος Πελασγικός ⁵⁾, съ горы

¹⁾ См. Ил. XV, 131, Од. II, 68, IV, 173 и др.

²⁾ Νεφέληγερέτα. Ил. I, 511, 517, 560; IV, 30; V, 631 и др.

³⁾ Κελαινεφής. Ил. I, 397; II, 412 и др.

⁴⁾ Αἰθέρι ναίων. Ил. II, 412; IV, 166; Од. XV. 522 и др.

⁵⁾ Срав. Ил. XVI, 233; Од. XIV, 328 и др.

Иды, почему о немъ встрѣчаются такія выраженія, какъ: Ἰδῦθεν μεδέων, 1) Ἰδαῖος 2) и т. д. Когда нужнымъ представлялось ему, по мудрымъ цѣлямъ міроуправленія его, или самъ онъ или, по его мановеніямъ, другіе боги и богини, съ быстротою молніи или-же и безъ поспѣшности, съ величественной важностью, но всегда безъ малѣйшаго ограниченія условіями пространства, измѣняютъ мѣсто пребыванія своего, являются тамъ или здѣсь, по своему соображенію и свободному произволению, не менѣе свободно и быстро дѣйствуютъ на громаднѣйшихъ пространствахъ и т. п. Такъ, напримѣръ, самъ Зевсъ дѣйствуетъ во мгноveníе ока на поступавшаго вопреки его волѣ Одиссея, „покинувъ край эфіоплянъ, и съ далекихъ Солимскихъ высотъ въ морѣ увидѣвъ его“ 3). Такъ, онъ-же Зевсъ мгновенно „отвращаетъ погибель“ отъ сына своего Сарпедона на полѣ Троянской брани 4). Такъ-же мгновенно совершались, съ его соизволенія и по его велѣніямъ, явленія на землю боговъ и богинь 5) и пр. Вообще эту черту: безпредѣльную быстроту, мгновенность движенія, какъ весьма характеристичную для выраженія идеи вездѣсущія, въ отношеніи къ богамъ, Гомеръ изображаетъ слѣдующими словами:

„Сколько пространства воздушнаго мужъ обмыаетъ очами,
 „Сидя на холмѣ подозрномъ и смотря на мрачное море:
 „Столько прядаютъ разомъ 6) боговъ гордовыя коня 7)“.

Но при этомъ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что вездѣприсутствіе Зевса является въ болѣе духовныхъ чертахъ у Гомера, нежели вездѣприсутствіе другихъ божествъ. По большей части для Зевса достаточно бываетъ одного мановенія его воли, чтобы измѣнить или направить на согласный съ

1) Ил. III, 276; 320; VII, 202; XIV—XV и др.

2) Ил. XVI, 605, XXIV, 291; срав. XIV, 162 и др.

3) Од. V, 282—284.

4) Ил. V, 662. Срав. также изображеніе мгновенности дѣйствія Зевса въ Ил. XV, 6 и др.

5) Срав. вышеупомянутыя явленія Афины и Аполлона; также явленія Сивы Ирисы въ Ил. II и XV и др.

6) Въ подлинникѣ рельефяѣ: ἐπιφρώσχοισι — наскакиваютъ.

7) Ил. V, 770—772. Срав. также Ил. XIII, 90; XX, 444, 438; Од. XIV, 348, 357; XXIII, 185 и др.

намѣреніями его ума путь порядокъ вещей или дѣйствій человѣческихъ, безъ личнаго присутствія при обстоятельствахъ дѣла въ опредѣленномъ объемѣ пространства, безъ необходимаго для сей цѣли передвиженія пространственнаго, между тѣмъ какъ другія Божества обыкновенно не обходятся безъ такихъ передвиженій и личнаго присутствія. Такъ дѣйствуетъ Зевсъ, напримѣръ, въ вышеуказанныхъ случаяхъ,—и это болѣе согласно съ понятіемъ о немъ, какъ божествѣ высочайшемъ и превосходнѣйшемъ (*ὄψατος καὶ ἄριστος*) по сравненію съ другими богами.

8. *Вѣчность.* Кромѣ ограниченія условіями пространства, природа и человѣкъ испытываютъ ограниченія еще и со стороны условій времени. Скоротечность жизни земныхъ существъ слишкомъ наглядна была для Гомера, какъ и для всякаго мыслящаго человѣка, чтобы не ввести въ представленіе о Божествѣ, какъ необходимый предикатъ его, со стороны бытія, вѣчность. Мы видѣли уже, какъ представляетъ Гомеръ одну сторону вѣчности или присносущія Божества, именно безначальность, когда говорили о самобытности Божества, по его міросозерцанію. Остается рассмотреть вѣчность эту съ другой стороны, со стороны безконечности. Гомеръ ясно выражаетъ идею вѣчности и съ этой стороны, когда называетъ боговъ вообще и въ частности Зевса *бессмертными* (*ἀθάνατοι* ¹⁾), или *вѣчными* (*ἄμβροτοι* ²⁾), *нестарѣющимися* (*ἀγήραοι* ³⁾), въ противоположность смертнымъ людямъ ⁴⁾. Такъ, напримѣръ, когда Тетида принесла устроенный Ифестомъ доспѣхъ воинскій сыну своему Ахиллесу, то сей послѣдній, налюбовавшись на этотъ доспѣхъ, воскликнулъ:

„Матерь! доспѣхъ сей бессмертнаго даръ; не сомнительно долженъ
 „Быть онъ твореніемъ бога, не смертнаго мужа онъ дѣло ⁵⁾).

¹⁾ Ил. I, 520; V, 882; VII, 102; Од. IV, 479; V, 447; VIII, 343 и др.; гимны: Аполлону, 191, 206;—Ерму 16, 161 и др. относительно боговъ вообще, а въ Ил. II, 741 и о Зевсѣ въ особености.

²⁾ Правда, этотъ эпитетъ у Гомера относится только къ различнымъ принадлежностямъ боговъ, какъ напримѣръ доспѣхамъ, крови и под. Но ясно, что тѣмъ болѣе относится къ ихъ существу то, что относится до ихъ принадлежности.

³⁾ Ил. VIII, 539.

⁴⁾ Сравн. названія ихъ: *θνητοί, κάταθνητοι, βροτοί* и др., о чемъ см. у *Дунгера* въ его: „Die Homerische Beiwörter Götter-und-Menschengeschlechts. S. 8, ff. Göttingen, 1859; *Nägelsbach*, Hom. Theol. S. 40, ff. и др.

⁵⁾ Ил. XIX, 21—22.

Или, вотъ изображеніе появленія солнца на небосклонѣ со стороны моря:

„Геліось съ моря прекраснаго всталъ и явился на мѣдномъ
„Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,
„Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ¹⁾), и т. д.

Вообще-же вѣчность Божества Гомеръ выражаетъ уже извѣстными намъ эпитетами: αἰὲν ἔσντες и αἰετὴνέται, изъ которыхъ послѣдній, для полноты представленія идеи вѣчности, въ одномъ случаѣ у Гомера относительно боговъ даже соединяется съ эпитетомъ: ἀθάνατοι, именно, когда онъ говоритъ о корабельщикахъ, которые съ молитвою вмѣстѣ соединили

„Должное вѣчнорожденнымъ, безсмертнымъ богамъ возсіянье“²⁾.

Самая пища боговъ, поддерживающая ихъ безсмертіе, не безъ причины называется у Гомера *амвросією*, то-есть, безсмертною³⁾. Знаменитый филологъ Ф. Буттманнъ (1764—1829) неопровержимо доказалъ, что „эта амвросія есть не что иное, какъ подъ видомъ пищи реально или конкретно выражаемое понятіе безсмертія“⁴⁾ боговъ⁵⁾. Ибо и все, человѣкообразно приписываемое богамъ, какъ нѣчто чувственно-материальное, на примѣръ, кровь, пища и пр.—потому и называется у Гомера безсмертнымъ, что оно не похоже на то, что мы видимъ у смертныхъ людей. Вотъ какъ онъ самъ выражаетъ эту мысль, повѣствуя о ранѣ, полученной Афродитою (Венерою) во время Троянской войны; онъ при этомъ говоритъ, что изъ этой раны

„Заструилась безсмертная кровь Афродиты,
„Влага, какая струится у жителей неба счастливыхъ“,

¹⁾ Од. III, 1—3. Другіе примѣры см. у Дунциера и др.

²⁾ Од. II, 432; срав. 431.

³⁾ Ἀμβροσίη, отъ ἀμβρόσιος — безсмертный (ἀ — не и βροτός — смертный). См. Цитов. лексиконъ *Ебелита* т. I, стр. 93. См. у Гомера въ II. XIX, 38; Од. V, 199 и др. гимны: Аполл. 124; Димитръ 49 и др.

⁴⁾ Сравн. Etym. Magn. подъ ἀμβρ.: ἀμβροσίη σημαίνει τὴν ἀθανασία. Срав. *Лукиана*: Dial. Deorum, 4 и др.

⁵⁾ B u t t m a n n, Lexilogus; B. I. S. 124—129. Berlin, 1865.

и далѣе прибавляетъ къ тому о небожителяхъ—богахъ:

„Ибо ни брашна не ядятъ“ ¹⁾ ни отъ гроздій вина не вкушаютъ;
 „Тѣмъ и безкровны они, и безсмертными ихъ нарицаютъ“ ²⁾.

Ясно, что не одно грубо-чувственное выражается у Гомера въ его представленіи о безсмертіи, вѣчности Божества, а отчасти даже напоминающее возвышенную рѣчь одного изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ израильскихъ: *Богъ отнынѣ... не взалчетъ, ниже утрудится* (Ис. 40, 28).

И. Юрсунскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Разумѣется боги.

²⁾ Ил. V, 339—342; срав. слова Откровенія Іоанна Богослова о состояніи блаженныхъ людей въ будущей жизни: *не взалчутъ ктому ниже вжаждутъ* и пр. (7, 16).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО XXVII *).

ВОПРОСЪ О КОНЕЧНЫХЪ ПРИЧИНАХЪ НЕИЗБѢЖЕНЪ ДЛЯ ЧЕЛОВѢКА: КАКЪ У ДРЕВНИХЪ ФИЛОСОФОВЪ ВЪ РѢШЕНІИ ЭТОГО ВОПРОСА ВЫРАЖАЛОСЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО СОЗЕРЦАНІЕ ПРИРОДЫ, ТАКЪ И МУДРЫЙ, ПРИ СОЗЕРЦАНІИ ПРИРОДЫ, НЕИЗБѢЖНО ВСТРѢЧАЕТСЯ СЪ ЭТИМИ ВОПРОСАМИ, И ВЪ РАЗРѢШЕНІИ ИХЪ ПО ЗАКОНУ УМА НАХОДИТЬ УСПОКОЕНІЕ.

Вчера я дѣлилъ свой день пополамъ съ нездоровьемъ; оно отняло у меня все утро до самаго полудня, послѣ-же полудня сдѣлало мнѣ уступку. Я попытался тогда занять свой умъ чтеніемъ; видя, что онъ воспринимаетъ хорошо, я рѣшился требовать отъ него работы, а не просто позволить ему занимать себя. Кое-что писалъ, и даже усерднѣе, чѣмъ дѣлаю обыкновенно, когда веду борьбу съ труднымъ предметомъ и не желаю оказаться безсильнымъ передъ нимъ. Но пришедшіе друзья стали между мной и моей работой, и похитили у меня весь пылъ, начавши удерживать меня отъ работы, какъ больного, допускающаго *непозволительныя* излишества. Мѣсто пера заступилъ разговоръ: я сообщу тебѣ ту часть его, которая для насъ остается спорной и нерѣшенной. Мы согласились взять тебя въ посредники; *не думай впрочемъ, что это—легкое дѣло*: ты найдешь въ немъ больше трудностей, чѣмъ думаешь.

Есть три рода мнѣній, касающихся причинъ. Наши стойки **), какъ ты знаешь, говорятъ, что „два начала сущест-

---

*) Ер. 65.

**) Стойки, послѣдователи философской школы, основанной въ Афинахъ Зенономъ (современникомъ Эпикура),—получившіе такое названіе отъ галлерей или залъ съ колоннами (греч. *ποικίλη στοά*), въ которой они собирались слушать ученіе Зенона.

вуеть, изъ которыхъ возникаетъ все,—причина и матерія“. Матерія всегда неподвижна и недѣйствительна, будучи готова принять какую угодно форму; въ ней не будетъ движенія, если не будетъ двигателя. Причина-же, т. е. разумъ, даетъ ей опредѣленный видъ и видоизмѣняетъ ее въ томъ направленіи, въ какомъ желаетъ; онъ производитъ изъ нея все разнообразіе *существующихъ* вещей. Итакъ, должно существовать то, изъ чего происходитъ что-либо, и тотъ, кто производитъ что-либо: одно—причина, другое—матерія. Всякое искусство есть подражаніе природѣ, и на этомъ основаніи то, что я говорилъ о произведеніяхъ природы, можно приложить къ тому, что въ частности производятъ люди. Статуя, *напр.*, имѣетъ и матерію, которая испытываетъ страдательное состояніе въ рукахъ художника, и самого художника, который даетъ матеріи опредѣленный видъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ статуѣ, матеріей была мѣдь, причиной—художникъ. Тоже условіе сохраняетъ свою силу и по отношенію ко всѣмъ вещамъ: онѣ составлены изъ того, что бываетъ, и изъ того, что дѣйствуетъ.

Стоики утверждаютъ, что существуетъ одна только причина, именно то, что дѣйствуетъ. Аристотель *) думаетъ, что о причинѣ можно говорить трояко. Первая причина, говоритъ онъ, есть сама матерія, безъ которой невозможно произвести что-либо; вторая—художникъ; третья тотъ внѣшній видъ, который вкладывается въ каждое отдѣльное произведеніе, напр. статуи, и который у Аристотеля называется *ἔιδος*. Сюда привходитъ еще четвертая—намѣреніе или цѣль всего труда. Я сейчасъ раскрою, что это значитъ. Мѣдь есть первая причина статуи; ибо статуя никогда не появилась-бы, если-бы не было того, изъ чего она могла быть вылита или изваяна. Вторая причина—художникъ: мѣдь не могла-бы превратиться въ образъ статуи, если-бы за нее не взяли искусныя руки. Третья причина—форма или ея внѣшній видъ; ибо вотъ эта статуя не называлась-бы, *положимъ*, „Дорифоръ“ или „Диадумень“, еслибы ей не сообщили этого именно вида. Что значитъ намѣреніе или цѣль? Это есть то, что расположило художника взяться за работу, что неот-

*) Аристотель, изъ Стагирь, въ Македоніи, греческій философъ, воспитатель Александра Македонскаго, род. въ 384 г. до Р. Хр.; ум. въ 322 г.

ступно руководило его трудомъ. Такою цѣлью могутъ быть деньги, если онъ работалъ для продажи, или слава, если онъ трудился только ради имени, или чувство благоговѣнія и покорности Божеству, если готовилъ даръ для храма. Такимъ образомъ, причина есть и то, ради чего что-либо дѣлается. Не думаешь-ли и ты, что изъ ряда причинъ невозможно исключить ту, при отсутствіи которой и самое дѣло не было-бы совершено? Къ этимъ причинамъ Платонъ *) прибавляетъ пятую,—образецъ, который у него называется идеей, ибо это есть нѣчто такое, сообразуясь съ чѣмъ и оглядываясь на что, художникъ созидаетъ то, что предначерталъ себѣ. Не имѣетъ отношенія къ дѣлу то, внѣ-ли его находится образецъ, къ которому онъ по временамъ устремляетъ свои взоры, или внутри него находится то, что онъ выносилъ въ себѣ и поставилъ для себя какъ образецъ. Эти образы всѣхъ вещей Богъ содержитъ въ своемъ существѣ; божественный Умъ объемлетъ въ совокупности все то, что должно произойти и какъ произойти: Богу присуща вся полнота тѣхъ образовъ, которые у Платона называются бессмертными, неизмѣнными, неисчерпаемыми. Хотя люди и преходятъ, но самая человѣчность,—тотъ образъ человѣка, по которому всѣ созданы—пребываетъ неизмѣнной и не теряетъ нисколько отъ того, что отдѣльныя лица страдаютъ и исчезаютъ во мракъ смерти. Ясно теперь, что существуетъ пять причинъ, какъ говоритъ Платонъ: „то, изъ чего, отъ чего, въ чемъ, въ сообразности съ чѣмъ, ради чего что-либо происходитъ; наконецъ, представить слѣдуетъ и то, что слѣдуетъ ото всѣхъ этихъ причинъ“. Примѣнительно къ сказанному, въ статуѣ, напр., то, изъ чего она составлена, есть мѣдъ, отъ кого составлена—есть художникъ, въ чемъ—есть форма, принаровленная къ изображаемому предмету, въ соображеніи съ чѣмъ—есть тотъ образецъ, который носитъ предъ собой художникъ; ради чего—есть цѣль или намѣреніе трудящагося; какъ слѣдствіе всего этого является статуя. „Всѣ эти

*) Платонъ, философъ, сынъ Аристана и Периктионы, изъ знатнаго рода, по мужской линіи потомокъ Кодра, по женской—Солона, родился въ Афинахъ, въ 429 г. до Р. Хр. (21 мая), ум. въ 347 г. Сколь великимъ почтеніемъ пользовался онъ въ древнемъ мірѣ, можно видѣть уже изъ того, что ему усвоился титулъ „божественнаго“ (греч. θεῖος).

причины, говоритъ Платонъ, дѣйствуютъ и во вселенной: творецъ ея есть Богъ; то, изъ чего она создана, есть матерія; разнообразіе міра и порядокъ, усматриваемый нами во вселенной, есть его форма; образецъ есть тотъ планъ, по которому Богъ создалъ эту чудную громаду, поражающую насъ одинаково и своимъ величіемъ въ цѣломъ и красотой своихъ частей; причина есть то, ради чего Онъ создалъ міръ“. Причина эта—есть Его благость. „Какая причина была у Бога при созданіи міра? говоритъ Платонъ. Богъ благъ, и все сотворенное Имъ благо есть; ибо отъ Того, Кто есть благость, далека и самая тѣнь зависти чему-либо, что есть благо. Того ради Онъ и сотворилъ міръ наилучшимъ и совершеннѣйшимъ“.

Теперь, судья нашъ, составь приговоръ и объяви, кто на твой взглядъ говоритъ иброятное; я не говорю: истину, ибо истина лежитъ выше насъ. Это множество причинъ, устанавливаемое Платономъ и Аристотелемъ, захватываетъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Ибо полагая въ числѣ причинъ того, что произошло, все то, безъ чего, по ихъ мнѣнію, не могло произойти что-либо, они изъ этихъ причинъ берутъ лишь немногія. Они должны были-бы помѣстить въ числѣ причинъ и время; ибо внѣ времени ничего не происходитъ; пусть включатъ сюда и пространство: если предметъ не будетъ занимать какого-либо пространства, въ которомъ онъ можетъ обнаружить свое существованіе, то онъ даже и замѣтенъ не будетъ для насъ, не будетъ существовать для насъ; пусть прибавятъ сюда-же и движеніе; безъ движенія ничто не рождается и ничто не исчезаетъ, нѣтъ ни искусства, ни вообще какой-либо перемѣны. Впрочемъ, мы отыскиваемъ теперь первую и основную причину, которая должна быть проста, какъ и сама матерія проста. Какая это причина? Безспорно это есть творящій Разумъ; ибо всѣ эти, сейчасъ приведенныя, причины не суть отдѣльныя и самостоятельныя причины, но вмѣщаются всѣ въ одной той, которая дѣйствуетъ. Ты говоришь, что внѣшній видъ вещи есть одна изъ ея причинъ; но вѣдь этотъ видъ сообщается своему произведенію художникомъ, онъ составляетъ часть задуманнаго произведенія, а не причину. И образецъ также не есть причина, но вспомогательное средство,

необходимое для причины. Художнику необходима столько-же модель, сколько рѣзецъ и глина; безъ этихъ средствъ работа не можетъ сдѣлать шагу впередъ; при всемъ томъ эти вещи не суть части искусства, или его причины. Говорятъ еще, что цѣль художника, ради которой онъ приступаетъ къ созданію чего-либо, есть причина. Пусть будетъ такъ, но это не творческая причина, а побочная и случайная. Причины, подобныя указанной, трудно и перечислить; а мы говоримъ о причинѣ причинъ. Когда тѣ философы (Аристотель и Платонъ) выставляютъ въ качествѣ причинъ и самый міръ, *какъ вещество*, и являющуюся предъ нами въ совершенномъ видѣ красоту творенія, они говорятъ несогласно съ своею обычной пронизательностію и глубокомысліемъ; ибо не малое разстояніе лежитъ между твореніемъ и причиной его.

Скажи-же свое мнѣніе, или же,—что легче въ подобныхъ дѣлахъ,—объяви, что предметъ для тебя недостаточно ясенъ, и предоставь намъ воротиться къ нему въ другой разъ. Ты скажешь: что за пріятность тратить время на то, что не удалитъ тебя ни отъ волненія душевнаго, ни страсти не изгонитъ? Если говорить обо мнѣ, то я первѣе всего то дѣлаю и о томъ помышляю, что поможетъ умиротворить духъ, и себя прежде разужнаю, а потомъ и міръ. Не подумай, что даже и въ этомъ случаѣ я теряю время. Ибо всѣ эти размышленія, если они имѣютъ источникъ въ духѣ человѣческомъ и не растягиваются до бесполезныхъ словопреній, поднимаютъ и облегчаютъ душу, которая, какъ-бы изнемогая подъ непосильною ношей, жаждетъ избавиться отъ всякихъ путъ и возвратиться туда, гдѣ ея настоящее мѣсто. Вѣдь тѣло наше—тяжесть для души, казнь ея; душа наша *какъ-бы* въ оковахъ и скорбитъ всякій разъ, какъ она хочетъ одного, а тѣло другаго: въ такомъ положеніи нашемъ приходитъ къ намъ на помощь философія, внушая нашей душѣ мысль искать отдыха и обновленія силъ въ созерцаніи природы и поднимая ее отъ дольняго къ небесному. Въ этомъ созерцаніи освобожденіе для души, этимъ она ставитъ себя дальше отъ тѣла, ибо тогда душа вырывается на нѣкоторое время изъ-подъ стражи тѣла, держащаго душу въ плѣну, и укрѣпляется мыслию о небѣ. Какъ художники послѣ работы

надъ какой-либо мелкой вещью, утомляющею глаза сильнымъ напряженіемъ зрѣнія, особенно въ помѣщеніи, дающемъ измѣнчивый и слабый свѣтъ,—выходятъ на просторъ, въ какое-нибудь мѣсто, назначенное для отдохновенія трудящихся людей, и здѣсь при полномъ солнечномъ сіяніи даютъ волю отдохнуть своимъ глазамъ: такъ и душа, запертая въ это удручающее, темное и тѣсное помѣщеніе, *которое мы называемъ тѣломъ*, стремится на просторъ, какъ только открывается возможность, и въ созерцаніи природы и ея явленій находитъ успокоеніе.

Мудрецъ и человѣкъ, ищущій только мудрости, хотя и связанъ узами тѣла, но лучшею частью своего существа далекъ отъ него, и свои помыслы устремляетъ къ горнему. Какъ бы обязанный присягой, онъ считаетъ податью тотъ срокъ, который здѣсь, на землѣ, онъ проживаетъ, и привелъ себя въ такой порядокъ, что у него нѣтъ ни любви къ жизни, ни ненависти къ ней; онъ выноситъ все земное, поскольку знаетъ, что у него сверхъ земнаго остается нѣчто болѣе возвышенное *въ другой области*. — Ты запрещаешь мнѣ разсмотрѣніе вселенной, ты хочешь, отвлекши меня отъ созерцанія цѣлаго, заключить въ область частнаго, *въ той части вселенной, гдѣ я живу?* Развѣ я не могу искать у природы отвѣта на вопросъ о томъ, гдѣ причина всего существующаго, кто творецъ міра, кто раздѣлилъ и привелъ въ порядокъ все то, что прежде было погружено въ безразличное единство и скрывалось въ массѣ недвижной матеріи? Развѣ меня не занимаетъ мысль о томъ, кто художникъ міра, какимъ образомъ эта столь великая громада дошла до состоянія цѣлесообразности и порядка, кто собралъ разсѣянное, для слитаго вмѣстѣ назначилъ различныя вмѣстилища, покоящееся въ единствѣ безразличія раздѣлилъ на части, давъ каждой образъ? Откуда разливается столь сильный свѣтъ? и огонь-ли это, или нѣчто болѣе свѣтоносное, чѣмъ огонь? Развѣ я не желалъ-бы знать, откуда я произошелъ? единожды-ли мнѣ суждено видѣть этотъ міръ, или предстоитъ увидѣть не одинъ разъ? *). Куда мой путь будетъ лежать от-

*) Въ древнемъ мірѣ извѣстно было ученіе о переселеніи душъ (метемпсихозисъ). Въ ученіи Пиеагора (философъ изъ Самоса, род. 580—568 до Р. Хр.) это переселеніе представляется какъ средство для очищенія душъ.

сюда—съ земли? Какое жилище ожидаетъ душу, освободившуюся отъ законовъ человѣческаго рабства? Неужели ты не желаешь, чтобы между мною и небомъ было что-либо связующее, т. е. потребуешь, чтобы я жилъ съ пониженной, опущенной долу головой? Я считаю себя болѣе благороднымъ созданіемъ и рожденъ для большаго, а не для того, чтобы быть рабомъ, *переходящимъ отъ одного господина къ другому*, въ рукахъ моего тѣла; вѣдь по истинѣ я взираю на него, какъ на оковы, опутывающія свободу моего духа. Поэтому я ставлю себя въ такое положеніе, чтобы скорби человѣческаго существованія ограничивались скорбями тѣлесными, но не простирали своего вліянія до моего внутренняго существа. Все, что во мнѣ можетъ испытывать вредъ,—это тѣло; ибо въ этомъ небольшомъ, непрочномъ и склонномъ къ паденію, помѣщеніи обитаетъ душа свободная. Никогда эта плоть не подвигнетъ меня ни къ страху, ни къ неискренности, недостойной добродѣтельнаго человѣка; никогда я не буду говорить неправды для восхваленія этой слабой половины нашего существа. Когда наступитъ время, я расторгну союзъ съ нимъ; впрочемъ, и теперь, когда мы скованы съ нимъ, товарищами съ одинаковыми правами мы съ нимъ никогда не будемъ; душа все законодательство и управленіе возьметъ себѣ одной. Отношеніе къ своему тѣлу, какъ половинѣ нашего существа низшей, есть истинная свобода человѣка.

Возвращаясь къ главному предмету разсужденія, я скажу: для этой свободы много вносить и то созерцаніе, о которомъ упомянуто выше. Конечно, все существующее состоитъ изъ матеріи и имѣетъ основу въ своемъ существованіи отъ Бога: Богъ назначаетъ границы *и цѣли* для всѣхъ вещей, которыя, будучи разлиты повсюду кругомъ насъ, слѣдуютъ за Нимъ, какъ своимъ правителемъ и вождемъ. Но начало дѣйствующее,—что есть Богъ,—болѣе могущественно и болѣе воздѣйствуетъ на духъ человѣка, чѣмъ матерія, которая подчинена Богу, какъ нѣчто страдательное. Какое мѣсто въ этомъ мірѣ принадлежитъ Богу, такимъ владѣетъ душа въ тѣлѣ человѣка; что тамъ, въ мірѣ—матерія, то у насъ тѣло. Итакъ, пусть худшее находится въ подчиненіи у лучшаго, дабы мы могли

крѣпко стоять противъ случайностей, дабы мы не трепетали предъ видомъ обидъ и не боялись ни равъ, ни оковъ, ни бѣдности. Вѣдь смерть—или конецъ всего, или—переходъ въ другую жизнь. Я не боюсь и того, что я—*предположимъ это на минуту*—не буду болѣе существовать; ибо это предположеніе *въ сущности* было бы равнозначительно мысли о томъ, что я совсѣмъ и не начиналъ жить; не боюсь и преставиться, ибо нигдѣ не буду въ столь тягостномъ положеніи, *какъ здѣсь, на землѣ*.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Мая № 10. 1884 года.

Содержаніе: Высочайшій манифестъ.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ правленія Ахтырскаго духовскаго училища.—Краткая вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода за 1-ю треть 1884 года.—Извѣстія и замѣтки.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Любезнѣйшій Сынъ Нашъ и Наслѣдникъ Россійскаго Престола, Цесаревичъ Николай Александровичъ, въ нынѣшній день, по милости Божіей, достигъ возраста совершенныхъ лѣтъ, основными законами установленнаго.

Нынѣ-же, по совершеніи благодарственнаго Господу Богу молебствія, Его Императорское Высочество, во исполненіе закона, принесъ, въ присутствіи Нашемъ, установленную присягу на вѣрное служеніе Намъ и Отечеству.

Благоговѣя предъ Промысломъ Всевышняго о судьбахъ Царя и Царства, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ. Удовая на милость Божію, вѣримъ, что услышана будетъ всеобщая усердная молитва: да утвердитъ Господь юную душу Цервенца и Наслѣдника Нашего въ святыхъ обѣтахъ великаго служенія, волею Божіею Ему предназначеннаго, да водворитъ въ сердцѣ Его и разумъ правду Свою и мудрость, и да осѣ-

нить Его благодать Божія, просвѣщающая на всякое благое намѣреніе и правое дѣло.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 6 день мая, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ четвертое, царствованія же Нашего въ четвертое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
„АЛЕКСАНДРЪ“.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 25-го—27-го апрѣля 1884 года за № 828, о Высочайше утвержденныхъ, 20-го апрѣля 1884 г., новомъ уставѣ и штатѣ духовныхъ академій.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 21-го минувшаго апрѣля за № 1831, въ коемъ изъясняетъ, что, въ исполненіе опредѣленія Святѣйшаго Синода, онъ имѣлъ счастье докладывать Государю Императору новые уставъ и штатъ духовныхъ академій, изготовленные учрежденнымъ для начертанія оныхъ комитетомъ и, по исправленіи, одобренные Святѣйшимъ Синодомъ. Его Императорское Величество, въ 20-й день минувшаго апрѣля, утвердивъ таковые уставъ и штатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить Святѣйшему Синоду приступить, съ начала будущаго 1884—1885 учебнаго года, къ введенію въ дѣйствиіе означенныхъ устава и штата. Приказали: I) Высочайше утвержденные, въ 20-й день минувшаго апрѣля, уставъ и штатъ духовныхъ академій, по напечатаніи ихъ въ здѣшной синодальной типографіи, въ числѣ 1,200 экземпляровъ, разослать въ синодальныя конторы, членамъ Святѣйшаго Синода и епархіальнымъ преосвященнымъ архіереямъ, въ подлежащемъ каждому изъ преосвященныхъ количествѣ, какъ для нихъ лично, такъ для духовныхъ академій (гдѣ онѣ находятся), духовныхъ семинарій, епархіальныхъ консисторій, состоящихъ при преосвященныхъ канцелярій, а равно и викарныхъ архіереевъ, для припечатанія же устава и штата въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ препроводить печатные экземпляры оныхъ въ редакцію названнаго журнала при выпискѣ. II) На основаніи 2 пункта изъясненной въ настоящемъ предложеніи Высочайшей воли ввести новые уставъ и штатъ съ начала 1884—1885 учебнаго академическаго года одновременно во всѣхъ четырехъ духовныхъ академіяхъ. III) Существующія въ Имперіи духовныя семи-

варіи раздѣлить на четыре округа, по числу духовныхъ академій, слѣдующимъ образомъ: а) *С.-Петербургскій духовно-учебный округъ*—семинаріи: 1) с.-петербургская, 2) новгородская, 3) псковская, 4) рижская, 5) архангельская, 6) олонецкая, 7) литовская, 8) холмская, 9) могилевская, 10) минская, 11) витебская и 12) тверская; б) *Московскій духовно-учебный округъ*—семинаріи: 1) московская, 2) виаанская, 3) владимірская, 4) нижегородская, 5) костромская, 6) вологодская, 7) ярославская, 8) пензенская, 9) тамбовская, 10) рязанская, 11) тульская, 12) орловская, 13) калужская и 14) смоленская; в) *Кіевскій духовно-учебный округъ*—семинаріи: 1) кіевская, 2) волынская, 3) подольская, 4) одесская, 5) кишиневская, 6) полтавская, 7) екатеринославская, 8) черниговская, 9) курская, 10) воронежская, 11) харьковская, 12) таврическая, 13) донская, 14) кавказская и 15) тифлисская; г) *Казанскій духовно-учебный округъ*—семинаріи: 1) казанская, 2) вятская, 3) симбирская, 4) самарская, 5) саратовская, 6) астраханская, 7) пермская, 8) уфимская, 9) оренбургская, 10) тобольская, 11) томская, 12) иркутская, 13) благовѣщенская и 14) якутская. IV) Нынѣ же объявивъ правленіямъ семинарій и духовныхъ училищъ о принадлежности ихъ къ округу той или другой академіи, предписать имъ не позже 1-го будущаго іюня представить въ подлежащія академическія совѣты свѣдѣнія объ имѣющихся вакантныхъ учительскихъ должностяхъ въ семинаріяхъ и училищахъ и помощниковъ инспекторовъ въ семинаріяхъ; сообщеніе же таковыхъ свѣдѣній въ канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода къ 1-му мая прекратить, и затѣмъ о каждой имѣющей вновь открыться (послѣ 1-го іюня) вакансіи немедленно сообщать, по прежнему, въ канцелярію Оберъ-Прокурора. V) Поручить совѣтамъ духовныхъ академій, по полученіи означенныхъ выше представленій о вакантныхъ въ ихъ округахъ мѣстахъ для окончившихъ курсъ воспитанниковъ академій, войти въ соображеніе о распредѣленіи ихъ на означенныя мѣста, и соображенія сіи доставить, для дальнѣйшихъ распоряженій, въ Святѣйшій Синодъ не позже 15-го іюля текущаго года; одновременно съ тѣмъ относительно воспитанниковъ, не получающихъ на первый разъ назначенія на духовно-учебную службу, совѣтами должны быть сообщены Оберъ-Прокурору свѣдѣнія о томъ, въ какой должности признается тотъ или другой изъ воспитанниковъ наиболѣе способнымъ, каковыя свѣдѣнія и будутъ принимаемы центральнымъ управленіемъ во вниманіе при послѣдующемъ въ теченіе учебнаго года замѣщеніи вакансій въ училищахъ и семинаріяхъ, которое будетъ совершаться;

на прежнемъ основаніи, по непосредственному усмотрѣнію и распоряженію центрального управленія. VI) Пояснить совѣтамъ академій и правленіямъ духовныхъ училищъ, что замѣщеніе должностей смотрителей духовныхъ училищъ и ихъ помощниковъ совершается прежнимъ порядкомъ, установленнымъ Высочайше утвержденнымъ 24-го октября 1881 года опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, и потому всѣ свѣдѣнія о таковыхъ вакансіяхъ должны, по прежнему, поступать къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода. О содержаніи настоящаго опредѣленія поставить печатными указами въ извѣстность епархіальныхъ преосвященныхъ архіереевъ, для зависящихъ съ ихъ стороны, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженій къ исполненію сего опредѣленія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ Гатчинѣ.

20 апрѣль 1884 года.

II. Отъ 28-го февраля—12 марта 1884 года за № 392, о книгѣ П. Лебедева „Наука о богослуженіи православной Церкви“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительссвующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 14 января 1884 г. за № 35, съ заключеніемъ Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета, о книгѣ, составленной бывшимъ преподавателемъ Московской духовной семинаріи, надворнымъ совѣтникомъ Петромъ Лебедевымъ, подъ названіемъ: „Наука о богослуженіи православной Церкви“ (въ двухъ частяхъ. Москва. 1881 г.). Учебный Комитетъ полагаетъ: означенную книгу одобрить для употребленія въ духовныхъ училищахъ въ качествѣ пособія при преподаваніи въ сихъ заведеніяхъ ученія о богослуженіи. Вмѣстѣ съ симъ Учебный Комитетъ не встрѣчаетъ препятствій къ допущенію означенной книги въ епархіальныя благочинническія и церковныя бібліотеки. Приказали: заключеніе Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета утвердить и для объявленія о семъ по духовному вѣдомству сообщить циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

Епархіальныя извѣщенія.

Списокъ духовнымъ лицамъ Харьковской епархіи, кои, за службу по епархіальному и др. вѣдомствамъ, въ 7-й день апрѣля 1884 года, Всемилостивѣйше удостоены знаковъ отличія, Высочайше жалуемыхъ.

— Ордена св. Анны 2-й степени: — Города Харькова, кафедральнаго Успенскаго собора протоіерей Павелъ *Дажытвскій*; Зміевского уѣзда, церкви села Кочетка, протоіерей Алексій *Иларіоновъ* и Купянскаго уѣзда, церкви слоб. Тарасовки протоіерей Александръ *Басонскій*.

— Ордена св. Анны 3-й степени — Купянскаго уѣзда, церкви слоб. Ново-Екатеринославля, священникъ Михаилъ *Чернявскій*.

— Въ 9-й день марта н. г. Всемилостивѣйше пожалованы медали: серебряная для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ купянскому 2-й гил. купцу Дмитрію *Кочину* и золотая для ношенія на груди на Станиславской лентѣ крестьянину Якову *Папуць*.

— Священникъ Георгіевской церкви хутора Павленкова, Лебединскаго уѣзда, Митрофанъ *Елминскій* награжденъ набедренникомъ.

— Настоятель Соборно-Успенской церкви г. Лебедина протоіерей Викторъ *Андреевскій* утвержденъ въ должности цензора проповѣдей 1-го округа Лебединскаго уѣзда.

— Надзиратель Ахтырскаго духовнаго училища Александръ *Рубинскій* опредѣленъ на настоятельское мѣсто къ Іоанно-Богословской церкви с. Большой Чернетчины, Сумскаго уѣзда.

— Діаконъ Пророко - Ильинской церкви с. Ульяновки, Сумскаго уѣзда, Владиміръ *Красовскій* рукоположенъ во священника къ Вознесенской церкви с. Камепецкаго, Ахтырскаго уѣзда.

— Утверждены церковными старостами къ церквамъ Старобѣльскаго уѣзда крестьяне: къ Успенской церкви слоб. Нижней - Покровки Павелъ *Тремталецъ* и Пантелеймоновской церкви слоб. Богородичной Василій *Ерстовскій*; къ Θεodoro-Стратилатовской церкви с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ Петръ Васильевъ *Пономаренко*.

Вакантныя мѣста:

Священническія: 1) въ с. Ольховомъ Рогѣ, Изюмскаго уѣзда; 2) въ с. Валвенковомъ того-же уѣзда.

Исаломитицкія: 1) въ Ульяновкѣ, Сумскаго уѣзда; 2) въ Бригадировкѣ, Богодуховскаго уѣзда; 3) въ *Полычовѣ*, того-же уѣзда; 4) въ заштатномъ городѣ *Краснокутскѣ*, при Архангело-Михайловской церк-

ви; 5) въ с. *Знаменскомъ*, Валковскаго уѣзда; 6) въ с. *Ольховомъ-Ротъ*, Изюмскаго уѣзда; въ с. *Лиманъ*, Зміевскаго уѣзда; 8) въ зашт. гор. *Славянскъ*, при Троицкой церкви.

Отъ правленія Ахтырскаго Духовнаго училища.

Правленіе Ахтырскаго Духовнаго училища съ разрѣшенія Его Преосвященства объявляетъ, что очередной съѣздъ духовенства Ахтырскаго училищнаго округа имѣеть быть *21 августа* сего 1884 года. Предметы занятій Съѣзда: а) разсмотрѣніе суммъ прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ будущемъ 1885 году; б) разсмотрѣніе вѣдомостей о приходѣ и расходѣ суммъ и повѣрка вѣдичковъ вѣдомостей по церквамъ училищнаго округа; в) избраніе членовъ временно-ревизіоннаго комитета, на основаніи опредѣленія Св. Синода отъ $\frac{3}{17}$ ноября 1882 года, для повѣрки экономическихъ отчетовъ по училищу за 1883 и 1884 годы; г) сужденіе о приглашеніи постояннаго училищнаго врача съ опредѣленнымъ годовымъ содержаніемъ; д) разсмотрѣніе представленія училищнаго правленія о замѣнѣ ламповаго, керосиноваго освѣщенія въ классныхъ помѣщеніяхъ учениковъ экономическими свѣчами, въ видахъ предупрежденія опасности случайнаго воспламененія керосина въ ламповыхъ резервуарахъ; е) текущая дѣла, подлежащая обсужденію Съѣзда.

Краткая вѣдомость о средствахъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода, за первую треть 1884 года.

На 1-е мая 1884 года состоитъ въ наличности: наличными 20,484 р. 97 $\frac{1}{2}$ к.; а) *въ кассѣ*: билетами 100 руб.; б) *въ матеріалахъ*: свѣчей бѣлыхъ, золоченыхъ и желтыхъ въ складахъ и лавкахъ 1151 пуд. 27 ф. на 24,179 р. 15 к., восковыхъ крестиковъ 15 $\frac{1}{8}$ фун. на 15 р. 12 $\frac{1}{2}$ к., воску бѣлаго 724 пуд. 8 $\frac{7}{8}$ фун. на 13,760 р. 21 $\frac{1}{2}$ к., воску желтаго 4014 пуд. 22 $\frac{1}{4}$ ф. на 71,459 р. 10 $\frac{1}{2}$ к., обвощенныхъ остатковъ 154 п. 26 ф. на 1237 р. 20 к., свѣчныхъ огарковъ 3 пуд. 6 $\frac{5}{8}$ ф. на 50 р. 65 к., золота для золоченія свѣчей 230 книж. на 146 р. 5 к., фтильной бумаги, оберточной бумаги, увязи, этикетовъ и друг. матеріаловъ на 826 р. 82 $\frac{3}{4}$ к., укупорочныхъ ящиковъ 1373 шт. на 686 р. 50 к., керосину и свѣчей стеариновыхъ 1 пуд. 17 ф. на 9 р. 60 к., рогожь и рогожяныхъ кулей 6030 шт. на 1062 р. 50 к. Въ хозяйствѣ завода: паровикъ, котлы, трубы, вѣсы, обозъ, лошади, сѣно, овесъ, дрова, камен-

ный уголь, хозяйственные принадлежности завода, въ канцеляріи правленія и епархіальныхъ лавкахъ на 3501 р. 95 к.; въ недвижимости епархіального завода какъ-то: землѣ, лѣсѣ, каменныхъ и другихъ заводскихъ постройкахъ на 30,000 руб.; в) *въ долгахъ заводу*: уѣздные комиссіонеры за свѣчи 47,505 р. 72 к., монастыри и харьковскія городскія церкви 8746 р. 42³/₄ к., заемъ Харьковскому духовному училищу на окончаніе постройки 8000 р., за проданные хозяйственные предметы 16 р. 50 к., выданныхъ впередъ за наемъ помѣщенія для лавокъ 82 р. 62 к., а всего въ наличности 231871 р. 11¹/₂ к. *Долги Епархіальнаго завода*: вкладовъ: отъ церквей, причтовъ и частныхъ лицъ 25,072 р. 71 к., проценты на нихъ на 1-е мая 1884 года 1261 р. 14 к., авансоваго взноса отъ церквей за 273 пуда свѣчей 7098 р., за разный матеріалъ и наемъ помѣщенія 527 р. Итого въ долгахъ 33,958 р. 85 к. А за исключеніемъ означеннаго долга заводъ имѣетъ въ наличности на сумму 197,912 руб. 26¹/₂ коп.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Молитвы, возносимыя на молебнѣ въ день совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Престола.—По поводу празднованія 6 мая.—Новая женская община.—Постриженіе въ монашество.—Толки свѣтской печати о церковно-приходскихъ школахъ.—Резолюція одного изъ преосвященныхъ, вызванная небрежностью священниковъ въ прохожденіи должности законоучителя.—О вѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ.—Новый видъ церковной благотворительности.—Годовое собраніе Православнаго Палестинскаго общества.—Общее собраніе Прибалтійскаго православнаго братства.—Перенесеніе чудотворной иконы изъ Песокъ въ Изюмъ.—Движеніе въ православіе — Судьба „Анти-эпизодики“ въ Болгаріи (Корреспонденція „Листка“).

— Въ дополненіе къ сообщенному уже торжественному церемониалу и формѣ присяги Государя Наслѣдника Престола при объявленіи Его совершеннолѣтія, приведемъ слова молитвъ, которыя возсылаются въ этотъ день на молебнѣ къ Царю Царствующихъ.

Въ первой ектеніи, послѣ молитвы о „плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ и страждущихъ“, діаконъ молился такъ:

„О еже милостивно призрѣти на благодареніе и мольбу раба Своего Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Александровича и Супруги Его, Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны, о первородномъ Сынѣ и Наслѣдникѣ Его, въ возрастъ совершенный входящемъ, Господу помолимся“.

Ликъ: „Господи помилуй“.

„О еже благословити раба Своего, Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, въ возрастъ совершенный входяща, Господу помолимся“.

Ликъ: „Господи помилуй“.

„О еже отложить Ему, яже суть мудрованія младенческаго, мудрствовать же всегда, яже суть мужа совершенна, и тако достигнути Ему въ мѣру возраста исполненія Христова, Господу помолимся“.

Ликъ: „Господи помилуй“.

„О еже даровати Ему совершенное преуспѣяніе въ премудрости и благодати, въ крѣпости и благости, во исполненіе радости Благочестивѣйшихъ Родителей, въ совершеніи надежды Царствія Всероссийскаго, Господу помолимся“.

Ликъ: „Господи помилуй“.

„О еже благодатно пріяти клятвенный обѣтъ Сына Царева, и неизмѣнное исполненіе онаго утвердити, Господу помолимся“.

Передъ чтеніемъ Апостола, діаконъ прочиталъ слѣдующее мѣсто изъ Паралипоменаона:

„Собра Давидъ вся начальники Израилевы, начальники судей и колѣнъ, и вся начальники полковъ, почредно стрегущихъ Царя, и начальники тысящей и сотней, и стражи сокровищъ, и сущыя надъ имѣніями своими, и надъ всѣмъ стяжаніемъ Царевымъ, и сыновъ своихъ со евнухами, и сильныя и храбрыя воинства во Іерусалимъ. И восга Давидъ Царь посредѣ собранія, и рече: слышите мя, братія моя, и людіе мои: Избра Господь Богъ Израилевъ мене отъ всего дому отца моего, да буду Царь надъ Израилемъ во вѣки, и во Іудѣ избра царство, и отъ дому Іудина домъ отца моего: и отъ сыновъ отца моего во мнѣ благоволи, еже быти ми Царю надъ всѣмъ Израилемъ. Отъ сыновъ же моихъ всѣхъ, сыны бо мнѣ многи даде Господь, избра Соломона сына моего, да сѣдитъ на престолѣ Царства Господня, надъ Израилемъ. И нынѣ, Соломоне, сыне мой, да знаеши Бога отецъ твоихъ, и служи Ему сердцемъ совершеннымъ, и душевною волею, вся бо сердца испытуетъ Господь, и всяко помышленіе разумѣетъ. Аще възыщени Его, обрящется: аще же оставиши Его, оставитъ тя въ конецъ. Нынѣ убо виждь, яко избра тя Господь“.

Затѣмъ, послѣ громко пропѣтаго прокимена: „Боже, судъ Твой цареви даждь и правду Твою сыну цареву“, началось чтеніе слѣдующихъ строкъ изъ посланія апостола Павла въ галатамъ:

„Братіе, въ елико время наслѣдникъ младъ есть, ничимже лучший есть раба, господь сый всѣхъ: но подъ повелители и приставники есть, даже до нарока отца. Также и мы егда бѣхомъ млади, подъ стихіями бѣхомъ міра порабощени: егда же прииде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего (единороднаго) раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ: да подзаконныя испуитъ, да всыновленіе воспримемъ“.

Изъ Евангелія отъ Іоанна были прочитаны слѣдующія слова Спасителя:

„Рече Господь ко пришедшимъ къ Нему Іудеомъ: аминь, аминь, глаголю вамъ, не можетъ сынъ творити о себѣ ничесоже, аще не еже видитъ отца творяща: яже бо онъ творитъ, сія и сынъ такожде творитъ. Отецъ бо любитъ сына и вся показываетъ ему, яже самъ творитъ: и больша сихъ покажетъ ему дѣла, да вы чудитесь“.

Затѣмъ протодіакономъ, послѣ обычныхъ молитвъ сугубой ектенізі, были прочитаны слѣдующія молитвы:

„Благодаряще со страхомъ и трепетомъ яко раби недостойніи

благоутробию Твоему, Спасе нашъ Господи, яко даровалъ еси рабу Твоему Благочестивѣйшему Императору нашему и всѣмъ людямъ Твоимъ чаяніе благо въ первородномъ сынѣ Его и Наслѣдникѣ, Его же и въ начало совершеннолѣтія нынѣ dospѣти сподобилъ еси, исповѣдуемъ благодѣянія Твоя, и славословіе Тебѣ приносимъ, и умиленно вопіемъ: даждь правду Твою Сыну Цареву, и истина Твоя и милость Твоя съ нимъ да будетъ, молимтиса, услыши и помилуй“.

Ликъ: „Господи помилуй“.

„Насажденное чловѣками возвращай силою Твоею, Боже, возрасти въ сердцѣ раба Своего Благовѣрнаго Государя Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича насажденныя воспитаніемъ добродѣтели: страхъ Твой святой, повиновеніе къ Рождшимъ Его, ревность о благосостояніи Православныя Церкви и Державы Отеческія, любовь и благодать къ народу своему, яко да почиваетъ на Немъ благословеніе Отца Его и любви Матере Его, и чаяніе людей Твоихъ: паче же и Самъ буди ему во отца, и той да будетъ Ти въ сына благодатію, молимтиса, Отче Всещедрый, услыши и помилуй“.

Ликъ: „Господи помилуй“, трижды.

„Верховный Законоположникъ и Вседержавный царствъ земныхъ Владыко, утверди на вѣки царственные законы Державы Россійскія, и родъ Благочестивѣйшаго Самодержца нашего въ благословеніи продли, яко да подъ сѣнію незыблемаго Престола Его и вси мы тихое и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, прилежно молимтиса, услыши и помилуй“.

Когда кончилась ектенія обычнымъ возгласомъ: „Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ“, и т. д. и послѣ: „аминь“, протодіаконъ возгласилъ: „Господу помолимся“, тогда митрополитъ произнесъ слѣдующую молитву:

„Господи Боже нашъ, Царю Царей и Отче, изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется, даровавъ Аврааму Исаака въ надежду рода и Давиду Соломона во уготовленіе царствія! Благодаримъ Тя, яко и рабу Твоему Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему Императору Александру Александровичу и Супругѣ Его Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ благословеніе чадородія ниспослалъ еси, и яко залогъ благихъ Ему и царствію Его первороднаго Сына и Наслѣдника Его Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича даровавъ, возрастилъ еси“.

„И нынѣ молимъ Тя, Всеблагій Владыко, благослови раба Твоего сего, отроческое житіе отлагающаго, и въ чинѣ совершенныхъ лѣтъ входящаго. Прими отъ устъ Его священный обѣтъ Сына Царева: на сердцѣ же Его не точію обѣтъ сей, но и всю волю Твою святую перстомъ Духа Твоего напиши. Возведи Его въ мужа совершенна: утверди Его Духомъ Владычнымъ: да владычествуетъ въ Немъ свѣтомъ Твоимъ просвѣщенный умъ надъ всякою страстію, и сердце чистое надъ всякимъ вожделѣніемъ чувствъ, да тако и надъ людьми Твоими владычествовати уготованъ будетъ. Даруй же Ему житіе со здравіемъ долголѣтное и благоденственное, въ радость Благочестивѣйшимъ Родителямъ Его, во утверженіе Царствію Всероссийскому, во славу имени Твоего преблагословеннаго“.

„Яко Ты еси источникъ жизни и благословеній, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“.

Послѣ сей молитвы Наслѣдникъ Престола прочиталъ уже извѣстныя слова присяги.

— Каждый праздникъ русской Царской семьи есть праздникъ русскаго народа, тѣмъ болѣе праздникъ 6-го мая, имѣющій знаменательное государственное значеніе. „Здорорый государственный инстинктъ (какъ справедливо говорило „Новое Время“ въ номерѣ отъ 6-го мая), изъ ничтожнаго, порабощеннаго и раздробленнаго государства создавшій нынѣшнюю Россію,—этотъ инстинктъ съ самой колыбели самостоятельнаго государственнаго бытія вѣрно подсказалъ народу русскому все великое значеніе *наслѣдственной царской власти*, по закону и обычаю. И не обманулся народъ, повинувшись своему государственному смыслу. Неурядицы смутнаго времени и не менѣе смутной семибоярщины, съ избирательными просками и кознями, какъ рукой сняло. Русская жизнь вошла въ свое русло и мѣрно потекла впередъ, захватывая своимъ теченіемъ все большее и большее пространство. И съ тѣхъ поръ, въ продолженіе почти трехъ вѣковъ, народъ неизмѣнно преданъ своему царскому дому, видя въ немъ непоколебимую опору государственнаго порядка и благополучія страны. Царствующій домъ для народа—это его собственная исторія, это все его прошлое, это—его завѣтъ грядущему. А живое выраженіе преемства будущаго съ настоящимъ и прошлымъ—это Наслѣдникъ русскаго престола. Совершеннолѣтіе Наслѣдника престола представляетъ собою тотъ важный моментъ, когда внутренняя духовная связь прошлаго и настоящаго съ будущимъ получаетъ вѣншее выраженіе и оправданіе“. „Да цвѣтетъ“

же — скажемъ съ почтенными „Москов. Вѣд.“ — и зрѣеть юный Цесаревичъ, надежда Россіи, проникаясь на царской службѣ священнымъ величіемъ царскаго въ Россіи призванія“.

— Отъ разныхъ сословій, земствъ, обществъ и отдѣльныхъ лицъ, 6-го мая, были получены министромъ внутреннихъ дѣлъ многочисленныя телеграммы, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ поздравленій и благожеланій Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу. Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ министра внутреннихъ дѣлъ докладѣ съ представленіемъ означенныхъ телеграммъ, Всемилостивѣйше соизволилъ начертать: „Искренно благодаримъ всѣхъ“. Московскій генераль-губернаторъ, князь Долгоруковъ, на принесенное Государю Наслѣднику, по случаю совершеннолѣтія, поздравленіе отъ Москвы, удостоился получить рескриптъ Его Высочества съ изъясненіемъ благодарности московскимъ жителямъ и лично генераль-губернатору. Князь Долгоруковъ удостоился также получить отъ Его Высочества другой рескриптъ, при коемъ Государь Наслѣдникъ, желая изъяснить чувства своей привязанности къ первопрестольной столицѣ, препроводилъ 15 тысячъ рублей, для распредѣленія, по усмотрѣнію князя, между жителями Москвы, которые наиболее нуждаются въ помощи; кромѣ того, при рескриптѣ на имя главнаго попечителя Императорскаго человѣколюбиваго общества, высокопреосвященнаго митрополита Исидора, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ прспроводилъ 10 тысячъ рублей, для раздачи, по усмотрѣнію высокопреосвященнаго митрополита, наиболее нуждающимся жителямъ Петербурга. Какъ видно изъ телеграммъ, день совершеннолѣтія Наслѣдника русскаго престола всюду отпразднованъ былъ съ великимъ торжествомъ. Особенно-же величественъ былъ этотъ праздникъ въ сѣверной столицѣ. Народныя массы, столь отзывчивыя на всѣ торжества въ Царской семьѣ, еще задолго до съѣзда въ Зимній дворецъ, заняли всѣ свободныя мѣста близъ дворца. На лицахъ было написано желаніе счастья и благоденствія Царю и Царицѣ и ихъ Августѣйшему Первенцу; торжественности праздника много способствовала прекрасная, чисто лѣтняя погода, внезапно смѣнившая сырую и холодную ночь. Утромъ 6-го мая солнце взошло при совершенно безоблачномъ небѣ и придадо разукрашенной столицѣ особенно ликующій видъ. „Весь городъ (пишетъ одинъ наблюдатель), съ его грандіозными каменными домами-гигантами, казался потонувшимъ въ безчисленныхъ декоративныхъ украшеніяхъ: (флагахъ, разноцвѣтной матеріи, коврахъ и проч.; всѣ дома

какъ въ центрѣ города, такъ и на окраинахъ принарядились и разукрасились“. Вечеромъ Петербургъ, также какъ и другіе города, былъ иллюминованъ.

— Высочайшій день совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Цесаревича былъ ознаменованъ Высочайшими милостями. Приказами по военному вѣдомству, отъ 6-го мая, подписанными военнымъ министромъ, объявлено слѣдующее: „Государь Императоръ, въ изъявленіе Своего высокаго благоволенія къ арміи, за неизмѣнную преданность ея долгу и доблестныя заслуги въ бояхъ, Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: офицеровъ армейскихъ войскъ и всѣхъ частей, пользующихся правами ихъ, сравнять въ преимуществахъ по чинамъ съ офицерами артиллеріи, инженерныхъ войскъ и другихъ спеціальныхъ частей и вслѣдствіе сего, исключивъ изъ разряда штабъ-офицерскихъ чиновъ чинъ маіора, производить капитановъ установленнымъ порядкомъ въ подполковники; по сравнительной-же табели чиновъ военныхъ и гражданскихъ, повысить оберъ-офицеровъ армейскихъ и другихъ имъ равныхъ по преимуществамъ войскъ въ высшіе классы, а именно: капитановъ и ротмистровъ—въ VIII, штабсъ-капитановъ и штабсъ-ротмистровъ—въ IX, поручиковъ—въ X, подпоручиковъ—въ XII и прапорщиковъ и корнетовъ—въ XIII. вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше указать, чтобы впредь, при увольненіи съ дѣйствительной службы оберъ-офицеровъ армейскихъ войскъ и прочихъ частей, пользующихся правами сихъ войскъ, пенсіи за выслугу установленнаго числа лѣтъ назначались упомянутымъ офицерамъ по пенсіоннымъ окладамъ, присвоеннымъ оберъ-офицерамъ спеціальныхъ частей“. Кроме того, „Государь Императоръ, во всегдашней Своей заботливости о нуждахъ казачьихъ войскъ и желая ознаменовать высочайшій день совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, знакомъ новой монаршей милости къ симъ войскамъ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: Во вниманіе къ крайне стѣсненному матеріальному положенію тѣхъ офицеровъ донскаго, уральскаго и оренбургскаго казачьихъ войскъ, кои, по существующимъ положеніямъ, имѣютъ право на полученіе, во время нахождения при войскѣ на льготѣ, денежнаго содержанія отъ войска въ половинномъ размѣрѣ, противу слѣдующаго имъ жалованья по чину,—съ 1-го января будущаго 1885 года, производить таковое жалованье, изъ того-же источника, но въ полномъ по чину размѣрѣ“. Наконецъ, изъ приказа по пограничной стражѣ, отъ 6-го

мая, подписаннаго министромъ финансовъ, видно, что „Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: распространить на пограничную стражу дарованная въ сей день арміи, за ея неизмѣнную преданность долгу и доблестныя заслуги, Высочайшія милости въ отношеніи сравненія офицеровъ ея въ преимуществахъ съ офицерами специальныхъ частей войскъ“.

— Въ посадѣ Лѣснѣ, Сѣдлецкой губ., при тамошней православной церкви, находится чтимая народомъ икона Пресвятой Богоматери. Въ видахъ укрѣпленія православія среди мѣстнаго населенія, по ходатайству преосвященнаго Леонтія, архіепископа холмскаго и варшавскаго, послѣдовало, на дняхъ, разрѣшеніе объ учрежденіи при означенной церкви женской общины во имя Пресвятой Богоматери, съ соответствующимъ штатомъ священно-и-церковно-служителей.

— 5 мая, какъ извѣщаютъ „Новости“, въ Александро-Невской лаврѣ принялъ монашескій санъ уважаемый законоучитель и настоятель церкви перваго военнаго Павловскаго училища Иванъ Григорьевичъ Заркевичъ. Многіе и многіе знали его, и нельзя не порадоваться, что среди нашего высшаго духовенства появится такая почтенная личность, какъ нынѣ посвященный архимандритъ, о. Николай. Онъ много поработалъ на своемъ вѣку. Литературная дѣятельность его началась изданіемъ въ 60-хъ годахъ журнала „Духъ Христіанина“, основаннаго имъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ священникомъ А. В. Гумилевскимъ и протоіереемъ Д. Р. Флоринскимъ. Онъ постоянно слѣдилъ за западно-европейской богословско-философской литературой, своими сочиненіями отвѣчалъ на разнообразные вопросы, касающіеся нашей религіи; плодомъ этой стороны его дѣятельности было изданіе ряда апологетическихъ книгъ подъ общимъ заглавіемъ „Матеріализмъ, наука и христіанство“. Затѣмъ Иванъ Григорьевичъ былъ однимъ изъ главныхъ основателей общества религіозно - нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви и не разъ читалъ публичныя лекціи, привлекавшія многихъ образованныхъ слушателей. Но упомянемъ еще объ одной сторонѣ его дѣятельности: онъ былъ законоучителемъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и не сотни, а тысячи молодыхъ людей черпали отъ него сѣмена любви къ истинѣ и добру и проникались духомъ истиннаго православія. Текущей зимой умерла его жена, дѣти уже прежде выросли, и онъ, не извѣщая никого о днѣ принятія новаго сана, въ субботу былъ постриженъ въ монахи, а въ воскресенье, 6 мая, посвященъ въ архимандриты. Говорятъ, что о. Николай будетъ назначенъ херсонскимъ викаріемъ.

— Благодаря извѣстіямъ о выработанномъ проектѣ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ газетные толки объ этихъ школахъ замѣтно оживились въ послѣднее время. При этомъ отрадно отмѣтить тотъ фактъ, что наша свѣтская пресса (конечно консервативная) съ большимъ, чѣмъ прежде, сочувствіемъ относится къ церковно-приходской школѣ.

Прежде всего газеты признаютъ тотъ фактъ, что церковно-приходскія школы „пользуются въ настоящее время несомнѣннымъ сочувствіемъ въ высшихъ сферахъ“ („Нов. Время“), далѣе, что ихъ желаетъ народъ, но что противъ нихъ наша, такъ называемая, интеллигенція. Причину, почему послѣдняя расходится съ народомъ во взглядѣ на народную школу, мѣтко указываетъ г. Молчановъ въ „Нов. Времени“:

„Мы требуемъ, чтобы школа вела въ науку, народъ чтитъ въ ней дорогу въ церковь; выражаясь крайностями, интеллигентъ совѣтуетъ: „учись грамотѣ—сможешь прочесть Дарвина“, а народъ говоритъ своимъ дѣтямъ: „учись грамотѣ — будешь читать Евангеліе“! Отсюда выходитъ полное недоразумѣніе между школой и народомъ, стоящее, можно смѣло сказать, цѣлаго милліона излишне безграмотныхъ на Руси“.

Разочарованіе въ современной народной школѣ, непригодность которой давно уже признана духовенствомъ (что и выразилось въ массѣ статей, напечатанныхъ по этому предмету въ епарх. вѣдомостяхъ) начинаетъ проникать и въ свѣтскіе круги. Вотъ наприм., какія мысли развивала въ нѣсколькихъ статьяхъ газета „Южный Край“:

„Что предлагаютъ (современные педагоги) народу кромѣ грамотности? За самыми незначительными исключеніями, рядъ совершенно вздорныхъ и ничтожныхъ книжонокъ, непригодныхъ ни для народа, ни вообще для кого-бы-то нибыло. Между тѣмъ, крестьянинъ именно требуетъ отъ школы того просвѣщенія, которое онъ признаетъ за просвѣщеніе, а онъ признаетъ за просвѣщеніе, помимо умѣнія писать, читать, считать—главнымъ образомъ просвѣщеніе религіозное. Онъ требуетъ и желаетъ, чтобы его дѣтей научили читать и понимать Св. Писаніе, житія святыхъ, книги религіознаго содержанія. И по нашему мнѣнію онъ безотносительно правъ въ своихъ требованіяхъ. Помимо религіознаго даже значенія, въ во всей всемірной литературѣ не найдете ничего болѣе глубокаго, болѣе поэтичнаго, болѣе сильно дѣйствующаго на душу человѣческую, нежели Библія, житія святыхъ и т. п. Это книги одинако-

во доступныя какъ для темнаго простолюдина, такъ и для чело-
вѣка, стоящаго на верху образованія; научить ребенка читать и
понимать эти книги, значить дать ему въ руки орудіе, посред-
ствомъ котораго онъ уже въ продолженіе всей жизни можетъ рас-
ширять кругъ своего міросозерцанія, кругъ своего образованія. И
нашъ народъ инстинктивно это чувствуетъ, твердо держась за это
свое вѣками выработанное, вѣками усвоенное просвѣщеніе. Лишь
при такой постановкѣ дѣла грамотность не будетъ давать пагуб-
ныхъ результатовъ и грамотному народу будетъ что противопоста-
вить растлѣвающимъ вліяніямъ внѣшнихъ сторонъ цивилизаціи,
съ которою ему такъ или иначе придется столкнуться. Наше об-
разованное общество не умѣетъ и не желаетъ понять смысла и за-
дачу русскаго просвѣщенія. Одно духовенство безъ общественной
поддержки можетъ сдѣлать немного, потому что сущность дѣла
заключается—ни много, ни мало—въ перестройкѣ всей системы на-
шего народнаго образованія“.

Сильно порѣдѣвшіе въ послѣднее время ряды нашихъ либераль-
ныхъ публицистовъ довольствуются или контръ-проектами, какъ
„Новости“ (см. „Церк. Вѣст.“ № 16) или ироническими замѣчані-
ями по поводу слуховъ о проектируемыхъ правилахъ, какъ сдѣлала
это „Недѣля“, которая находитъ, что „школы двуклассныя (кромѣ
одноклассныхъ) съ четырехгодичнымъ курсомъ—что-то новое, не
церковно-приходскія училища въ прежнеемъ смыслѣ, а училища
„духовныя“, противопологаемая „свѣтскимъ“, и что при устрой-
ствѣ такихъ школъ разсчитывается будто-бы (что неправда) на
оживленіе церковно-приходскихъ попечительствъ,—оживленіе, кото-
раго въ нихъ не появилось отъ созданія ихъ, двадцать лѣтъ то-
му назадъ.

— По поводу церковно-приходскихъ школъ „Новое Время“ об-
ращаетъ вниманіе на устраненіе священниковъ, существующими
законоположеніями и обычаями, отъ участія въ дѣлахъ общинъ,
считая такое устраненіе вреднымъ для просвѣтительной дѣятель-
ности пастырей.

Отношенія, которыя должны-бы складываться между пастыремъ
и прихожанами, — отношенія, въ которыхъ могло-бы сказываться
просвѣтительное вліяніе пастыря, не допускаются ни старинными
правилами, до сихъ поръ остающимися въ дѣйстви, ни обычаями,
на ихъ основаніи укоренившимися въ жизни. Такъ, можетъ быть,
нужно было когда-то, въ силу существовавшаго еще крѣпостнаго
права, отклонить участіе священника въ мірскихъ дѣлахъ кресть-

янской общины, но оставлять его и въ настоящее время вдали отъ общественныхъ дѣлъ и интересовъ крестьянъ, отрѣзывать его отъ всякаго соприкосновенія съ крестьянскимъ міромъ, съ крестьянской общиной—врядъ-ли представляется какое-нибудь основаніе.

— Въ Орловской епархіи нѣкоторые священники обнаружили небрежность въ прохожденіи законоучительской должности. На отношеніи одного изъ инспекторовъ объ увольненіи таковыхъ отъ законоучительства преосвященный положилъ слѣдующую резолюцію: „Поелику 10 правило 7-го вселенскаго собора гласить: священникъ паче всего долженъ учить отроковъ и домочадцевъ, читая имъ божественное писаніе, ибо для сего и священство получилъ; то обязанность приходскаго священника законоучительствовать въ училищѣ есть обязанность его по должности приходскаго пастыря и составляетъ непремѣнное пастырское достоинство, что занятіе законоучительствомъ въ училищахъ должно быть отправляемо священникомъ безотговорочно, неопустительно, съ полнымъ вниманіемъ и усердіемъ, и что нерадѣніе въ семъ дѣлѣ для невнимательнаго къ своей обязанности будетъ имѣть послѣдствіемъ перемѣщеніе его съ занимаемаго мѣста на другое—худшее, по распоряженію епархіальнаго начальства, а при продолженіи нерадѣнія, сверхъ сего, и взысканіе. Священниковъ-же, съ усердіемъ занимающихся законоучительствомъ въ училищахъ и осебенно тѣхъ, кои будутъ заботиться объ открытіи приходскихъ школъ при церквахъ своихъ и будутъ въ сихъ школахъ усердно преподавать законъ Божій, имѣть въ виду и ежегодно предъ представленіемъ лицъ духовнаго вѣдомства къ награжденію докладывать о нихъ мнѣ, предписавъ благочиннымъ о таковыхъ доносить мнѣ ежегодно не позднеѣ 15 октября мѣсяца“.

— На съѣздѣ духовенства VIII благочинческаго округа, Николаевского уѣзда, Самарской губ., сдѣлано было предсѣдателемъ съѣзда слѣдующее предложеніе о лучшей постановкѣ и систематизаціи внѣбогослужебныхъ бесѣдъ: внѣбогослужебныя собесѣдованія съ прихожанами о предметахъ вѣры и нравственности священниками округа ведутся обыкновенно въ промежутокъ времени между утренею и литургіею по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, если въ это время священники не бываютъ отвлечены для исправленія требъ; предметомъ занятій на собесѣдованіяхъ преимущественно служить рассказъ или чтеніе житія святаго и исторіи праздника, затѣмъ по временамъ объясненіе евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, положенныхъ на тотъ или другой праздникъ и воскресный

день. И въ этомъ видѣ бесѣды приносятъ пользу прихожанамъ, потому что онѣ всегда выслушиваются ими съ охотою и вниманіемъ; но было-бы несравненно полезнѣе для дѣла, если-бы священниками установленъ былъ какой-нибудь порядокъ или система въ передачѣ истинъ вѣры и нравственности на собесѣдованіяхъ, съ цѣлію ознакомленія прихожанъ съ этими истинами не отрывочно, а въ связи однихъ съ другими, и затѣмъ для собесѣдованій было отведено болѣе свободное время, чѣмъ промежутокъ между утренею и литургіею, какъ не всегда свободный для приходскаго священника. Не исключая чтенія или рассказовъ житія святыхъ, слѣдуетъ на воскресныхъ собесѣдованіяхъ начинать дѣло съ исторіи Ветхаго Завѣта, въ порядкѣ хронологическомъ и останавливаться преимущественно на тѣхъ событіяхъ, которые безъ особаго затрудненія могутъ быть усвоены прихожанами какъ взрослыми, такъ и ихъ дѣтьми, а затѣмъ переходить къ исторіи Новаго Завѣта и рассказывать подробно жизнь Іисуса Христа и излагать его ученіе; далѣе слѣдуетъ объяснить богослуженіе, также молитвы, послѣднія даже изучать на память. Времени на эти собесѣдованія можно удѣлять болѣе лѣтомъ—послѣ обѣда, а зимою вечеромъ, такъ чтобы они продолжались около часа, но безъ обремененія вниманія слушателей. Постановлено: предложеніе предсѣдателя, какъ цѣлесообразное и полезное, принять къ свѣдѣнію и руководству.

— „Кіев. Епарх. Вѣд.“ сообщаютъ свѣдѣнія о порядкѣ и ходѣ вѣвбогослужебныхъ собесѣдованій священника с. Старыхъ Петровецъ, Кіевскаго уѣзда, П. Ракитина со своими прихожанами, во вѣвбогослужебное время, при пособіи священныхъ изображеній и участіи пѣвческаго хора. Въ недѣлю Ваій въ 3 часа по-полудни, прихожане, по призыву меньшаго церковнаго колокола, передаетъ газета, собрались въ храмъ, гдѣ на приличныхъ мѣстахъ выставлены были иконы входа Христова во Іерусалимъ, моленіе о чашѣ, распятія, снятія со креста; образъ же тайной вечери находился на своемъ мѣстѣ въ иконостасѣ и плащаница въ кіотѣ была тутъ же близъ праваго клироса. Пѣвческій хоръ тихо съ умиленіемъ исполнилъ „Свѣте тихій“ и священникъ началъ бесѣду о послѣднихъ дняхъ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа и искупительной его жертвѣ. Хоръ въ промежуткахъ бесѣды и въ объясненіе ея пропѣлъ: „Егда славніи ученицы“, „Прійдите, ублажимъ Іосифа приснопамятнаго“, „Нерыдай Мене Мати“, причемъ эти пѣснопѣнія въ свою очередь поясняемы были указаніемъ на памятные иконы, и въ заключеніе— „Разбойника благоразумнаго“.—Другая бесѣда про-

исходила 29 января сего года. Въ 5 часовъ вечера на призывной звонъ колокола народъ собрался въ церковь. Передъ образами горѣли свѣчи; на клиросѣ выставлена была картина, представляющая римскій Колизей, съ раздирающими душу сценами преданія христіанъ дикимъ звѣрямъ. Пѣвческій хоръ мѣстной церковно-приходской школы стройно исполнилъ стихъ— „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра“, и настоятель въ эпитрахили открылъ чтеніе о священномученикѣ Игнатіѣ Богоносцѣ, которое въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ прерывалось иллюстраціей прочитаннаго исторической картою и изображеніемъ Колизея и, для освѣженія вниманія слушателей, пѣніемъ стиховъ „Волною морскою“, „Ятъ бысть, но не удержанъ“, „Нынѣ отпущаеши“ и въ заключеніе „Блаженъ мужъ“. „Нельзя не отмѣтить при этомъ одного весьма отраднаго явленія“,—пишетъ о. Ракитинъ: „по выходѣ изъ церкви многіе изъ прихожанъ выразили свое удовольствіе священнику за постановку въ такомъ видѣ чтенія, а одна набожная женщина (Маруся Музыкина) зашла въ домъ къ священнику и взволнованнымъ голосомъ сказала: „Якъ бы це моя маты була жива, якъ бы вона рада була ціому!“ Мать ея дѣйствительно была рѣдкой набожности и благочестія“.

— Изъ Ростова Ярославскаго въ „Цер. Общ. Вѣсти.“ пишутъ о новомъ видѣ церковной благотворительности: „Поля только что освободились отъ снѣжнаго покрова. Наступаетъ время пахати и обсеменеція полей. Тяжелыя думы часто омрачаютъ чело крестьянина; плохой урожай въ минувшій годъ на его участкѣ земли, пожарное бѣдствіе и многія другія невзгоды затаили его, опустошили его закрома, до поры до времени нѣтъ ни зерна, чтобы бросить въ кормилицу землю. И такихъ горемычныхъ крестьянъ каждую весну встрѣчается не мало по деревнямъ. Въ былое время эти невзгоды не имѣли такого удручающаго на нихъ вліянія и бѣды особой отъ этихъ невзгодъ не видѣлось. Въ сельскихъ обществахъ на такой случай сооружены были общественные хлѣбные магазины, гдѣ въ случаѣ крайности крестьянинъ могъ перехватить нужное количество зерна. Но частыя расхищенія запаснаго общественнаго зерна лицами, которымъ поручалось завѣдываніе и охраненіе общественнаго хлѣбнаго магазина, довели это весьма полезное учрежденіе до того, что во время учрежденія земства оно едва тянуло свое существованіе. Можно бы ожидать, что земства обратятъ на эти зернохранилища должное вниманіе, дадутъ имъ правильную организацію и подчинятъ ихъ строгому контролю. Но этого, къ со-

жалѣнію, не случилось. Чтобы избавить себя отъ лишнихъ хлопотъ, отъ частыхъ разъѣздовъ по деревнямъ, отъ безпокойной возни съ провѣркою общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ, земскіе дѣятели рѣшили этотъ вопросъ разомъ: они уничтожили ихъ все и тѣмъ создали для крестьянъ-земледѣльцовъ большое затрудненіе. Теперь крестьяне ежегодно въ значительномъ количествѣ или вовсе оставляютъ свою землю безъ обѣмененія, или же погадаютъ въ кабалу къ сельскимъ кулакамъ и міроѣдамъ, которые безбожно тянутъ изъ нихъ послѣдніе соки, берутъ съ нихъ жидовскіе проценты за одолженіе зеренъ на посѣвъ. Тѣмъ отраднѣе поэтому отмѣтитъ свѣтлый фактъ благотворительности частнаго лица, по дающаго помощь бѣднякамъ земледѣльцамъ - крестьянамъ, весьма разумно полагая начало *новаго* вполне цѣлесообразнаго вида благотворительности. Лицо это пользуется уже заслуженною славою благотворителя и ктитора церковей города Ростова, — крестьянинъ Ростовскаго уѣзда деревни Кустирей, Иванъ Алексѣевичъ Рулевъ. Въ настоящее время онъ затрачиваетъ нѣсколько тысячъ рублей для своихъ одноприхожанъ въ селѣ Любилкахъ на устройство при церкви большаго магазина и насыпаетъ его зерномъ для того, чтобы нуждающіеся любилковскіе прихожане, въ случаѣ неурожая и другихъ непредвидѣнныхъ бѣдствій, могли пользоваться запаснымъ зерномъ заимообразно, съ обязательствомъ возвращать заемъ съ небольшими верхами. Какъ завѣдываніе, такъ и раздача зерна поручается мѣстному церковному причту, церковному старостѣ и почетнымъ прихожанамъ, а самые магазины и зерна въ немъ передаются въ собственность церкви. Такимъ образомъ, Любилковская церковь будетъ благотворить не бѣднякамъ лѣнтяямъ-тунеядцамъ, а такимъ, которые могутъ подняться на ноги, оправиться и честно зарабатывать своимъ трудомъ себѣ пропитаніе. При этомъ можно быть увѣреннымъ, что истинно нуждающіеся прихожане не останутся безъ помощи, что нерѣдко случалось при завѣдываніи общественными магазинами сельскими воротилами. Кому же въ самомъ дѣлѣ ближе и лучше знать положеніе и нужды прихожанъ, какъ не пастырю и отцу духовному ихъ? Кому всего пристойнѣе послѣпить на помощь истинно нуждающимся, какъ не матери-церкви, горящей равною любовію ко всѣмъ находящимся въ бѣдствіяхъ? Желательно только, чтобы этотъ новый видъ вполне цѣлесообразной и разумной благотворительности получилъ починъ и широкое развитіе на Руси по инициативѣ самихъ церквей. Дѣло это не особенно неудобноисполнительное и обременительное для церквей, но польза отъ

него должна быть весьма ощутительна для нашего сельского хозяйства.

— 3-го мая состоялось торжественное годовое собраніе Православнаго Палестинскаго общества. Въ дворцовой Великаго Князя Николая Николаевича церкви отслужено было благодарственное молебствіе высокопреосвященнымъ митрополитомъ московскимъ Іоанникіемъ. Ихъ Императорскія Высочества, Великая Княгиня Александра Іосифовна, Великіе Князья Сергій Александровичъ, Константинъ Константиновичъ и Георгій Михайловичъ, герцогъ Евгений Максимиліановичъ Лейхтенбергскій присутствовали при богослуженіи, послѣ котораго въ залѣ дворца состоялось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Сергія Александровича, въ присутствіи Августѣйшихъ особъ и высокопреосвященныхъ митрополитовъ с.-петербургскаго Исидора, московскаго Іоаннікія, члена Синода архіепископа варшавскаго Леонтія, архіепископовъ Саввы—тверскаго, Іонаана—ярославскаго и епископа Иларіона, новопосвященнаго викарія Полтавской епархіи. Въ началѣ отчета секретарь общества заявилъ о принятіи званія почетныхъ членовъ Ихъ Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великой Княгиней Маріей Павловной. Изъ годоваго отчета видно, что общество въ годовой дѣятельности своей особенно озабочивалось созданіемъ церквей въ Святой землѣ, въ которыхъ наши поклонники могли бы слышать богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Теперь есть двѣ церкви. Затѣмъ общество содержитъ въ Святой землѣ 4 школы, имѣющія 140 учениковъ. Обществомъ продано 1,000 паломническихъ книжекъ. За невозможностью имѣть для паломниковъ русскихъ вожаковъ по св. мѣстамъ, общество озабочивается изданіемъ печатнаго путеводителя по св. мѣстамъ. Рано или поздно задачей общества должно служить и устройство страннопріимнаго дома; теперь же обществомъ устроены складъ духовныхъ книгъ въ Іерусалимѣ, гдѣ русскіе поклонники и могутъ пользоваться ими. Раскопки, начатыя обществомъ вокругъ храма Воскресенія, продолжались и привели къ открытію страстной стези нашего Спасителя. Въ общество поступило 171,000 руб. капитала, изъ нихъ 76,000 руб. составляютъ неприкосновенный капиталъ.

— 29-го апрѣля 1884 года, въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, у Александринскаго театра, состоялось общее собраніе Прибалтійскаго православнаго братства, въ составѣ совѣта братства и братчиковъ въ числѣ 52-хъ лицъ. Засѣданіе было открыто предсѣдателемъ, М. Н. Галкинымъ-Враскимъ, слѣдующею рѣчью: „Се-

годняшнее засѣданіе, согласно уставу братства, назначено для разсмотрѣнія отчета за предшествующій годъ. Дабы дать возможность предварительно ознакомиться съ заключающимися въ немъ свѣдѣніями, отчетъ былъ разосланъ гг. братчикамъ раньше. Такимъ образомъ, вы уже знаете, въ чемъ заключалась дѣятельность братства за отчетное время. Главнымъ образомъ проявилась она въ заботахъ о возобновленіи Якобштадтскаго храма, о лучшемъ обезпеченіи, въ матеріальномъ отношеніи, православныхъ школъ, объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей вновь обращенныхъ въ православіе эстовъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ различныхъ мѣропріятій. Изъ приложеннаго къ отчету журнала ревизіонной коммисіи вы имѣли возможность усмотрѣть, что всѣ распоряженія совѣта братства, обусловленныя денежными расходами, производились въ предѣлахъ утвержденной вами смѣты и согласно тѣмъ средствамъ, коими братство располагаетъ. Къ сожалѣнію только—средствъ этихъ оказывается недостаточно. Потребности прежнія возрастаютъ, новыя обнаруживаются, средства-же для удовлетворенія ихъ хотя и увеличиваются, но далеко несоразмѣрны съ потребностями. Однихъ ходатайствъ о возведеніи новыхъ церковныхъ зданій пришлось отклонить на сумму свыше 60 тысячъ рублей. Возможность удовлетворенія заявляемымъ требованіямъ въ значительной степени въ рукахъ братчиковъ,—въ томъ участіи, которое вы можете оказать, содѣйствуя аккуратному взносу членскихъ платежей, и побуждая съ своей стороны ревнителей православной Церкви къ посильнымъ пожертвованіямъ на нужды братства. Къ вашему въ этомъ отношеніи содѣйствію я и позволяю себѣ обратиться, именемъ совѣта“.

По разсмотрѣніи отчета, вмѣстѣ съ докладомъ ревизіонной коммисіи, таковыя были собраніемъ утверждены. Затѣмъ, согласно предложенію совѣта братства, — собраніе единогласно избрало въ почетные члены братства слѣдующихъ лицъ, къ которымъ совѣтъ всего чаще имѣлъ случай обращаться и со стороны коихъ постоянно встрѣчалъ сочувственное отношеніе къ задачамъ братства, а именно: 1) преосвященнаго Доната, епископа рижскаго и митавскаго; 2) министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова; 3) министра государственныхъ имуществъ М. Н. Островскаго и 4) оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева. Равнымъ образомъ, по заявленію совѣта, объ оказанныхъ братству услугахъ и личныхъ пожертвованіяхъ протоіерея Н. И. Брянцева, который во все время существованія Спасскаго братства, втеченіи 11-ти лѣтъ, а затѣмъ и

по образованіи въ 1882 году Прибалтійскаго православнаго братства, до самаго послѣдняго времени, состоялъ членомъ совѣта, оставивъ это званіе лишь по совершенно разстроенному здоровью, общее собраніе единогласно-же избрало о. Брянцева въ почетные члены братства.

— Въ прошломъ году испрошено разрѣшеніе на перенесеніе изъ Песокъ въ Изюмъ Казанской чудотворной иконы Божіей Матери. Наканунѣ дня празднованія Коронованія Ихъ Величествъ, перенесеніе иконы совершилось въ этомъ году 14 мая около 7 ч. утра, при большомъ стеченіи народа. Какъ во время крестнаго хода, такъ и въ день 15 мая, Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ, городъ принялъ праздничный видъ.

— „Валгусъ“, говоря вообще о положеніи крестьянъ въ Галсальскомъ уѣздѣ, между прочимъ о движеніи въ православіе говоритъ слѣдующее: „Много шума произвело въ Ревелѣ обращеніе въ православіе крестьянъ въ Бегофѣ и въ Кивиденя. Движеніе въ православіе началось около Леаль въ приходахъ Леаль и Карусентъ, гдѣ перешло столько народу въ православіе, что въ Леаль будетъ построена одна, а въ Вердерѣ другая православная церковь. Отсюда движеніе распространялось все шире и шире, такъ что перешло, наконецъ, изъ Матцаль чрезъ заливъ въ Ретель, въ указанныя выше волости; эти волости ближе всего къ морю. И въ Лехтигалѣ, въ Мартенскомъ приходѣ, перешла масса народа въ православіе и вмѣстѣ съ ними учитель М. І. Тамертъ, утвержденный тамъ-же въ должности православнаго учителя. Въ Лехтигалѣ, какъ слышно, будетъ построена также церковь. Точно также въ Фивельскомъ приходѣ обратилось въ православіе уже много крестьянъ и движеніе все еще продолжается“. („Риж. Вѣстн.“).

— Въ Болгаріи—по полученнымъ на-дняхъ оттолѣ извѣстіямъ—извѣстная „Анти-энциклика“, получившая начало въ Харьковѣ и написанная въ отраженіе католическихъ посягательствъ на православіе Славянъ, переведена на болгарскій языкъ и печатается въ Софіи, какъ свидѣтельствуется корреспонденція, на счетъ пожертвованій харьковскихъ же ревнителѣй православія, трудами заточеннаго Софійскаго митрополита Мелетія, какъ извѣстно, страждущаго за явленную имъ, при открытіи послѣдней нашей войны съ турками, преданность русской сторонѣ. Почтенный іерархъ-издатель, въ видахъ ближайшаго приспособленія къ требованіямъ своихъ болгаръ-читателей, счелъ нужнымъ предпослать переведенному сочиненію особенное „Предисловіе“, въ которомъ, излагая

исторію сношеній болгарскихъ царей съ Римомъ, приходитъ къ заключенію, что „болгаре никогда не бывали католиками, и что, слѣдовательно, Непогрѣшимый, дерзая утверждать въ своей Энцикликѣ противное, жестоко ошибается (корреспондентъ - болгаринъ безъ церемоніи пишетъ: „вретъ“)“. Тутъ-же, въ привлеченіе наибольшаго вниманія къ издаваемому персводу, издатель нашелъ умѣстнымъ сообщить и то одобреніе, которымъ угодно было св. Россійскому Синоду, имѣющему, какъ видно, въ глазахъ болгаръ высочайшій авторитетъ, почтить „Анти-энциклику“ (см. „Церк. Вѣст.“ 1882 г., часть офф., стр. 152). Дай Богъ, чтобы этотъ трудъ достойнѣйшаго преосвященнаго Мелетія, истекшій изъ чистой и святой ревности по вѣрѣ, послужилъ хотя нѣкоторою преградой для католическихъ покушеній и усилій къ совращенію простодушныхъ болгаръ въ свою вѣру и чтобы, такимъ образомъ, російская Церковь, умѣвпая произвести у себя достаточное противодѣйствіе замысламъ Рима, имѣла новое утѣшеніе воздать за тѣ услуги, какія болгарская, въ періодъ вѣроисповѣднаго младенчества Россіи, оказала ей сообщеніемъ разныхъ богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, преподаніемъ умилительныхъ и сладко-гласныхъ напѣвовъ и поставленіемъ разныхъ дѣятелей юной отечественной Церкви.

Въ заключеніе сообщенія, корреспондентъ взываетъ къ удивленію получающаго извѣстіе и восклицаетъ: „подивитесь неожиданному и всѣхъ поразившему у насъ явленію! Этотъ загнанный митрополитъ, издатель „Анти-энциклики“ на болгарскомъ языкѣ, до сихъ поръ коснѣющій не у дѣлъ въ незначительномъ городишкѣ въ Кюстендилѣ, вдругъ, въ Лазареву Субботу, получаетъ съ мѣстной почты орденъ 2-й степени св. Александра (звѣзда и крестъ на бѣлой эмали) отъ его высочества Болгарскаго князя, съ грамотою и при собственноручномъ отъ него письмѣ, исполненномъ самыхъ лестныхъ (корреспондентъ пишетъ: ласкательныхъ) выраженій“. Спросимъ и мы съ своей стороны: что это за странная и необыкновенная перипетія въ положеніи человѣка? Духовная власть гнететъ, караетъ и топчетъ въ грязь достойнѣйшую личность, а свѣтская верховная власть, да еще иновѣрная, слѣдовательно безпристрастная, награждаетъ, увѣнчиваетъ высокимъ орденомъ и осыпаетъ лестными похвалами!! Не входя въ объясненіе этого явленія, за неимѣніемъ ближайшихъ для того данныхъ, мы только попросимъ тѣхъ господъ, которые желаютъ отдѣленія Церкви отъ государства и думаютъ въ томъ видѣть условіе къ развитію и благосостоянію ея, остановиться мыслию на представленномъ, невольно

бросаемся въ глаза, фактъ, и подумать, не къ печальнымъ ли скорѣе послѣдствіямъ привело бы насъ такое положеніе „свободной“, какъ любятъ выражаться со словъ извѣстнаго итальянскаго министра Кавура, „церкви въ свободномъ государствѣ“, какъ то доказало грандіозными бѣдствіями міру независимое папство, отъ котораго намъ, въ послѣднее время, совѣтуютъ легкомысленно заимствовать усовершенствованіе нашей Вѣры.

Но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи думать, что напечатанная нами въ прошломъ году въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (№ 26 и сл.) статья священника Буткевича, подъ заглавіемъ „Дѣло бывшаго Софійскаго митрополита, высокопреосвященнѣйшаго Мелетія“, и затѣмъ распространенная въ немаломъ количествѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ Болгаріи, въ видѣ отдѣльной брошюры, не осталась безъ вліянія на убѣжденія князя относительно неповинно-страдальческаго положенія митрополита, такъ какъ намъ достовѣрно извѣстно, что въ свое время, съ подобающимъ почтеніемъ, брошюра преподнесена была его высочеству. Хорошо бы было, если бы Болгарія во главѣ церковнаго управленія имѣла личность, подобную Мелетіевой. Тогда бы западная пропаганда не посмѣла являться въ правовѣрную страну съ своими лукавыми обольщеніями и ея змійное жало притуплено было бы.

Вирочемъ, Владѣяй судьбами царствъ и народовъ вѣсть, имиже судьбами благоустроить слагающееся царство, и какъ привести въ согласіе борющіеся элементы. Мы же, съ упованіемъ на вышнюю помощь, по призыву Церкви, будемъ молиться „о благостояніи Божіихъ православныхъ церквей“.

ОПЕЧАТКА: Въ 9-й книжкѣ, въ статьѣ: „Нужна-ли философія?“ на стр. 473, въ строкѣ 13-й сверху напечатано: *опустошительная... критика*; слѣдовало напечатать: *отрицательная... критика*.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

БРОШЮРА

„Руководственныя для православнаго духовенства и дѣтей ихъ Распоряженія Святѣйшаго Синода о воинской повинности съ 1874 года“.

Брошюра заключаетъ въ себѣ распоряженія: а) объ установленіи всесословной воинской повинности и объ обязанностяхъ приходскихъ настоятелей въ отношеніи оной повинности; б) объ обязанности воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности и начальствъ таковыхъ заведеній въ отношеніи оной повинности; в) о правахъ надзирателей духовно-учебныхъ заведеній и учителей народныхъ училищъ; и г) объ условіяхъ въ опредѣленіи епархіальными начальствами на мѣста псаломщиковъ и рукоположенія въ священнослужительскій санъ лицъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности и о правахъ лицъ, находящихся на псаломщическихъ мѣстахъ.

Цѣна за экземпляръ 1 руб. 10 коп. съ пересылкою; копѣйки прилагать почтовыми марками и выписывающіе болѣе одного экз. высылаютъ только по 1 р. за экз.

Съ требованіями обращаться: въ Пензу, въ типографію И. Н. Градковскаго, на Московской улицѣ, въ домѣ Вакуленко, или къ издателю Григорію Степановичу Аярову — Нижне-Покровская улица, домъ № 12.

Кромѣ сего находятся въ продажѣ „Руководственныя Распоряженія“ Пензенскаго епархіальнаго начальства съ 1860 по 1884 годъ. Цѣна за экземпляръ 3 руб. 50 к. Съ требованіями обращаться въ указанную типографію или, къ означенному издателю.

ВЫШЕЛЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

№ 5 (май) 1884 г.

ИЗВѢСТІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСК. СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛ. ОБЩЕСТВА

СОДЕРЖАНІЕ: I. Дѣйствія Славянскаго Общества. II. Славянское обозрѣніе: 1) Нѣсколько словъ на тему „о національномъ самоотреченіи“. Проф. М. Н. Бережкова. 2) Голосъ чеха въ отвѣтъ на рѣчь проф. Ламанскаго о западно-славянскихъ вопросахъ И. Шумавана. 3) Примѣчаніе отъ редакціи. 4) Замѣчанія проф. В. И. Ламанскаго на статью г. Шумавана. 5) О музыкѣ словацкихъ пѣсень Д. П. Никольскаго. III. Славянскія библіографическія извѣстія: 1) Чешскій „Славянскій сборникъ“ П. А. Кулаковскаго. 2) *Miclosich und die magyarische Sprachwissenschaft*, von Dr. L. Wagner. 6. M. Истомина. 3) Чешская книга о романтической поэзии. Ю. С. Анненкова. 4) Новое пѣмецкое изслѣдованіе о Гуссѣ и Вивлефѣ, Лсзерта. Рец. В. А. Кранану.

ПОДПИСКА на „ИЗВѢСТІЯ“ принимается въ Славянскомъ Обществѣ, площ. Александринск. театра, 7. Подписная цѣна на годъ за 12 книжекъ ДВА РУБЛЯ, съ доставкой и пересылкой.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полу-мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою листокъ для Харьковской епархїи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.